

И. Моляков

КНИГА РАССТАВАНИЯ

Йошкар-Ола
2003

Посвящается И.М.

И. МОЛЯКОВ

КНИГА РАССТАВАНИЯ

Выражаю благодарность Ирине Николаеве, Людмиле Малетиной и Нине Петровне Дмитриевой, принимавших непосредственное участие в создании книги.

БЕССИЛИЕ

Бессилие. 1.

Я не искатель сладострастья,
Но вдохновение не придет,
Когда лишен я буду счастья
Стоять у замкнутых ворот.

Ты их когда-то открывала.
И я, восторженный, входил
В твой дивный сад. Мне было мало
Взрывавших грудь чудесных сил.

Они и были искушеньем.
В безумстве страсти роковой
Я наслаждался вдохновеньем,
В душе разбуженным тобой.

В любви к тебе я черпал веру
В свое надломленное «я»,
Забыв про время и про меру
В саду иного бытия.

Ты оказалась где-то рядом.
Мне даже чудилось порой.
Я не случайно здесь. В награду
Тобою избран. Я второй.

А первым был Творец высокий,
Ведь это он в чудесный сад
Тебя привел. И, светлоокий,
Взошел в сиянии назад.

Ты источала искушенье
Сквозь тело, чуткое, как сон,
И обещала искупление,
В очах моих взойдя на трон.

Взошла услудой грозовою,
С призывным гласом светлых сил.
Тобой единственной, тобою
Я грех свой сладкий освятил.

И в страстной муке обладанья
Обрел щемящую тоску
Неотвратимого прощанья,
Стволом прижатого к виску.

Свершился ход необратимый
В саду твоём среди буйных грез.
Я вновь один. Для всех незримый
Во власти памяти и слез.

Уж нет тех сил, но голос властный
Зовёт идти к твоим вратам,
Закрѳтым наглухо. Несчастливым
Мне суждено остаться там.

29 мая 2001 года.

5.

Совершенно резонно заметила:
«А на что же, мой друг, надевать?»
Полоснула, как бритвой.
Отметина будет долго
Теперь нарывать.

После слов этих,
Чиркнувших остренько,
Видно, долго уже не смогу...
Сердце ныть будет нудно
И тоненько, словно мышшь
В перепревшем стогу.

2 июня 2001 года

6.

Хотел писать слезливый стих
(Мне с них немножечко легче),
А это значит — я не псих,
Хотя два дня меня качает.

Плывут деревья и дома,
Плыву и сам в прохладных струях.
В душе моей опять зима,
Она застыла и тоскует.

Приличный вид со стороны,
Лицо уставшего зануды.
Я как бы свеж, но вижу сны,
Попав сюда из ниоткуда.

Не помню лиц, не помню дат.
Все как-то разом помертвело.
Я не озлоблен и не рад,
Покинул смысл коварно тело.

Да, был ли он в моих мечтах?
И мог ли я найти в них силу?
Он, будто кровь, истек в словах,
Когда она мне вскрыла жилу.

3 июня 2001 года.

7.

Есть у меня собака —
Грубый немчиный боксер.
Лобит он, если драка,
Он у меня братер.

Лучше бы, чтоб борзая,
Тонкая, как струна,
Уман и большаки
Двего завети вела.

Вместо изысканных боксеров
Пользую я ставан,
Вынька — и сразу немало,
Чувствуешь, что великан.

Не благородные вина,
Частый пшеничный нектар
Пьем. И струится по спинкам
Жаркая, ноябрьский пар.

Нет на меня, на допотопов,
Замка у бурной реки.
Рыцарских нет условий,
Есть же одни дураки.

Без роду и без сословий,
Им в товарищи и брат.
Позымай павшу, пустошовой,
Вышедший с публикой в сад.

В общах, не рыцарь-крестынин,
Много читавший Булгаков,
Шедший с убогих окраин,
Да угловатый и острый.

Страсть к облыстительной Деве —
Видимки. Скоро пройдет
Это ж саманно, короче
Нужен ли нищий урожай?

4 июня 2001 года.

8.

А жизнь идет. Не то, чтоб мимо,
Но без нее не так, не так.
Уже сошлись остатки грима
И снова вот он я — босик!

Беззвучно перья облетели,
Что в порывах ветра,
Когда казалось, лишь недавно
В том октябре мы любили.

Недели — в месяцы и в годы
Сматываю, как реки и ручьи
Текут в море. И у припояды
Я вновь один. И вновь ниняи

Мои ступенные руки,
Мои желанные голва,
А в ней — порхающие звуки
С пустым наважением «слова».

Понти что тон. Двухтых ломатый
Давно, уж нет. Беллет грудь,
А в ней в отчаянной заботе
Душа олетт кто-нибудь.

Она иррачена. И дремлет
У изголовья дура-смерть.
Ее недосуд. Едва облетает
Душа ночную круговерть.

Она иррачена, не реет,
Трещит в стужающей ночи.
Уже неалого, ведь говорят
По ней в асташи пелены.

Я — без нее! Но в зазвездной ночи
Большой душою видеть мог
Ее слепящие очи
И губы, шепчущие: Бог!

5 июня 2001 года.

14.

Давно ты видишь перстень мой простой.
Из серебра, без редких самоцветов.
С простым узором. Он, всегда одетый,
Блестит на пальце капелькой пустой.

Он дорог мне: нет слаще упоенья,
Чем любоваться им в те чуткие часы,
Когда пред утром хрупкие васы
Замрут меж тьмой и светом на мгновенье.

Пусть одинок я. Дух мой весь трепещет.
Уходит сон. Мне греются года
Морозных зим. Веселая вода
Тех весен давних искрится и блещет.

Воспоминания ласкают и язвят,
Припоминаю сладкий запах лета,
Когда земля зеленым вся одета
И колокольчики лиловые звенят.

Их теплые от солнца голоса
Над травами колеблются и льются,
Змывают ввысь, где жаворонки вьются,
И голубеют нежно небеса.

На прошлое свое я сетовать не вправе.
Былые тени перстень мой хранит —
Любви ушедшей память в нем горит,
Как лик святого в простенькой оправе.

11 июня 2001 года.

15.

Когда стало совсем уж тоскливо,
Взял я книжицу: лирика, Блок.
С середины читаю. Игриво
Льются тени от ламп в потолок.

Эту книжку она составляла.
Видно знала, что буду читать,
Если плохо мне будет и зала
Станет тихо в рассвет уплывать.

Ей невесело, видимо, было
Лет пятнадцать назад, как и мне.
Может, просто она не любила
И искала спасенья в вине?

Иль пьянела от песен поэта
И любви его пьяной? В стихах
Выделяла намеренно это
Чувство горькое в чёрных строках.

Большае века, как дым, растворилось
С той поры, когда плакал поэт.
Всё она понимала. Как милость,
Мне её понимания свет.

12 июня 2001 года.

16.

Почти что ночь,
Лишь воздух розовеет
От слабых бликов
Гаснущей зари.
Прошли дожди.
Не высохло. И веет
Сырой прохладой
Зябко от земли.

Деревья в небе
Вымытом застыли,
В роскошных гривах
Шепчущих ветвей.
Когда-то здесь уже
Мы с нею были.
А, может, не были,
Но думал я о ней.

О ком же думать мне
Под куполом глубоким?
Когда в июне
Веет сентябрём?
Не здесь ли знак,
Что быть мне одиноким,
Что мы пути
Друг к другу не найдём?

13 июня 2001 года.

17.

Сияние души её печальной
Манит, как свет за маленьким окном.
Оно закрыто наглухо. Фатальны
Мои попытки к ней проникнуть в дом.

В моём же сердце сумрачные тени...
Лишь свет её их может разогнать,
Освобдив от слабости и лени,
Заставить снова чувствовать, не спать.

Унылых образов разрушить вереницу,
Всплугнуть кошмары, словно стаю птиц,
Восстать от сна, чудесно возродиться
И не позволить пасть бессильно ниц

Не прячь лучей своих. Пускай они сияют!
Открой окно, излей свеченье в сад!
Пусть алый сок его струится и стекает,
Согрев меня от головы до пят.

14 июня 2001 года.

18.

Она позвонила под вечер.
Сказала, что будет,
Покорная, ждять.
Давно не встречались
И вот — заскучала,
Желает меня повидать.

Уж годы прошли.
Я любил её. Нежно
Струился в душе моей
Зной. Ей было приятно.
Не больше. Прилежно
Ходила на встречи со мной.

Мы были неравны:
Открытая рана
В груди моей ало цвела.
Ей нравился сок её
Легкий и пряный,
Его она долго пила.

Ведь он наполнял её
Силой желанья других,
Не меня, полюбить;
Порхать среди терний
Чужого страданья,
И этим страданием жить.

Она мне легко
Изменяла с другими,
Но, только, чтоб рядом я был.
Чтоб облик мой скорбный
Маячил за ними
Так сколько ж их было? Забыл...

Я думал не вынесу
Стыдную муку
Её сладострастных причуд.
Но все же терпел:
Я любил эту суку
За нрав её легкий, за блуд

Я ею болен.
Мне хотелось забвенья

15 июня 2001 года.

От гордости и от тоски.
Как будто с вина,
Я хмелел с униженья,
Зажатый любовью в тиски.

Такое бывает.
Бывает печально
Кончатся рванницы порой.
Меня миновала:
Конец идеальный
Случайно прошел стороной.

И прошлое наше,
Казалось, забыто.
Но вот она снова звонит.
Зажившая рана,
Как скальпелем, вскрыта —
Болит мое сердце, болит.

19.

В краю, где ты сейчас кочуешь,
Я помню тысячи цикад
Звенят в ночи, и остро чувствуешь,
Как сладкий дух струится в сад.

Не знаю, есть ли там оливы.
Там даже пальмы не растут.
Зато там есть инжир и сливы,
И сосны, скрученные в жгут.

На море ветра нет и пляжи
Ласкают золотом песка.
В июне солнечно. И даже
Рассветы тоньше волоска.

Луна ночами льётся в бликах
По гребням мающих вод,
А утром ярким, в птичьих криках,
Гудя, отчалит пароход.

Пейзаж античен. В нём таится
Твоя языческая суть.
Ты к морю едешь помолиться,
Своих богов не обмануть.

16 июня 2001 года.

20.

Здесь не глупость — я просто ослаб
И слагаю нелепые вирши.
Заплутав среди всинственных баб,
Жду подачек от жизни — кассирши.

Где-то щёлкает злой автомат,
Заведённый не мною, но точно
В сердце ствол неизбежности вжат
Не моею рукою, но прочно.

Лёгким холодом чёрная сталь
Разливается нежно, до дрожи,
Всё сильнее. Трепещет вуаль
Беззащитно белеющей кожи.

От судьбы никуда не вильнёшь.
Под прицелом её сатанеешь,
Но ненадолго. Слабнешь и ложь,
Как змею подколенную, греешь.

17 июня 2001 года.

21.

Мы пили чай. Вдруг, девушка сказала,
Что я могу немного посидеть.
Слегка польщён, ведь сживал немало
В таких местах, где можно умереть.

В её стенах уютно и спокойно.
Сижу давно — не месяц и не два.
Мне даже чудится: присутствие пристойно,
Мы смущены лишь чуточку, едва.

Звонят. Она воркует в трубку
На не родном мне, тайном языке.
В окне я вижу белую голубку,
Летящую в лазурном далеке.

Мне с нею удивительно приятно.
Вот только бы её не потерять!
Её язык я выучу и внятно
Над ней, как голубь, буду ворковать.

18 июня 2001 года.

22

Троллейбусы солидны, неуклюжи.
Они, ёрхохатые, бредут себе гуском.
И окна их застыли, будто лужи,
Под ледяным, декабрьским ветерком.

Обычно мне приятно их обличие:
Они развы, натруженно урчат.
Не монстры, а ожившее приличие,
Живой пример для малых дошколят.

Горят огнями в бархатных потёмках, —
В них мирно дремлют сотни сонных грёз, —
На штангах, как на тоненьких постромках,
Они плывут в сугробах меж берёз.

* * *

У нас с тобой намечено свиданье.
Приедешь на троллейбусе ко мне.
Волнусь, повторяю заклинанье,
Чтоб ево время мелькнула ты в окне.

Дай бог увидеть! Взглядом благодарным
Окину всех, набившихся в салон.
Тебя всё нет. Громоздким и бездарным
Топчусь впотьмах, как мающийся слон.

Пошёл кругами выстуженный воздух.
Растёт тревога, вглядываюсь в ночь.
Тебя всё нет, как жизни нет на звездах.
Почти двенадцать, не приедешь, прочь.

Прополз троллейбус медленно случайный —
Ты в нём одна задумчиво плыла.
Чуть-чуть ошиблась, выше, на Вокзальной
Весь вечер на ветру меня ждала.

19 июня 2001 года.

23

Ей так не хочется писать ему
Всё кажется, что письма
Обяжут ближнему отдать
Частицу жизненного смысла.

Он в ближних будто бы давно
Все бродит рядом, но неверно
Уже немало вместе, но
Живет с другой, неблаговерной

Со смыслом тоже есть вопрос.
Он слишком скрыт. И очень больно
До дна души, сквозь сердце врос,
Когда одна жила привольно.

Ей эта воля, будто рок,
Годами рыщущий у края
Его то он и приволок,
С ее свободой играя.

На что он ей, когда одной
Так трудно справиться с желанием
Навечно скрыться. Не родной
Не венчан с ней одним страданием

Напишешь — душу распахнешь
Не распахнешь, так приотворишь,
А сострадания не найдешь,
Тревожных дум не успокоишь.

Но станешь будто бы его,
Почти что вся, а он — свободный
Письмом добившись своего,
Надменный станет и холодный

Она уверена, что ей
Писать — почти что обижаться
Строка, как рана. И над ней
Он станет, может быть, смяться

20 июня 2001 года.

24

Она скучает, кажется, по мне.
Скорей всего ей приятен.
Хоть не разборчив я в вине
И, если выпью, не опрятен.

Она — воспитанна. Ну, что ж!
Проста от роду, не дворянка!
Хоть ей и ведом бархат лож,
Одних кровей со мной — крестьянка.

И, если предан буду я, —
А ей я предан безгранично, —
Она не сможет без меня,
Пусть все шипят, что неприлично!

Что нам, простым, суждений гул.
Людей от зависти синопных?
О ней мечтаю, я уснул,
И счастлив в грезах простодушных.

Могу ли жить я без нее,
Такой несобранный, нескладный?
Она ведь солнышко мое,
Она ведь цветок мой нарядный!

Когда евернется, будет ждать.
При встрече виду не покажет,
Но если стану обнимать,
О том, что любит, тихо скажет.

А на столе ледком сверкнет
Едва согрешавшая водка.
Мы снова вместе. И плывет
Любви отвязанная лодка.

21 июня 2001 года.

25

Ты помнишь, в молодости дальней
Ценим тобою был поэт?
Его восторгом идеальным
Твой голос юный был согрет.

Ты, им плененная, читала
Стихи про крылья мотылька.
И, вдохновенная, поржала
Невестой легкой ветерка.

В полете ты была прекрасна
В июльских дремлющих лугах.
Огнем играло солнце ясно
В твоих восторженных очах.

С тех пор прошло лет двадцать, больше,
А ты все так же хороша!
Как роза свежая, подольше
Не увядай, моя душа!

Спасибо, нежная! Сквозь годы,
Весною ранней вновь и вновь
Вокруг расплскиваешь воды
Реки с названием Любовь.

Ты мне знакома только юной.
В журчании нежных голосов
Твоей души трепещут струны,
Как стрелки тонкие весов.

22 июня 2001 года.

26

В мечтах ты мне явилась молодой:
Мне чудится — на родине я вновь,
В краю, где под знакомую звездою,
Согрею остывающую кровь.

В желанных грезах с дальней стороны
Гляжу в глубины утреннего сада.
Аллеи в нем насквозь отворены
И в их медвяном воздухе — услада.

Как наяву, тот запах медовой.
Лучи сплелись меж гибкими ветвями.
И тень твоя под шелющей листвою
За далью лет, пролегла между нами.

23 июня 2001 года.

27

Быть может, смерть и далека,
Но тень ее, как будто рядом:
Все те же в небе облака,
Огромный клен навис над садом.

Под кроной сумрачной, в кустах,
Мне вдруг представилось виденье:
Спустился ангел, в небесах
Принявший легкость откровенья.

Я так устал от скучных грез,
Но с ним, как с детскою мечтою —
Во взоре отблеск чистых слез,
Лучится нимб над головою.

Так отчего же вдруг тоска
В душе от райского сиянья,
Как будто тоньше волоска
Струна меж смертью и страданьем?

И для чего спустился в сад
На белых крыльях божий вестник?
Не он ли вечностью объят,
Не он ли дьяволу ровесник?

24 июня 2001 года.

28

Мне чудятся огромные слоны...
Они сильны и медленно-спокойны.
Ни гнева в них, ни страха, ни вины —
Движения скупы, благопристойны.

Плывет по желтым травам зыбкий зной.
Вдали сверкает пик Килиманджаро.
Неужто это смерть пришла за мной?
В густом кошмаре солнечного жара?

В моих виденьях длинный караван
Слонов, идущих в пламени рассвета,
Сосчитан полностью. Теперь мне ясен план
Последнего, прижизненного лета.

25 июня 2001 года.

29

Я люблю только то, что течет,
А о том, что стоит, забываю.
Пусть вода, низвергаясь, поет.
С мертвых скал неподвижного рая.

Пусть не реки — и малый ручей
Обаятелен тихим журчаньем.
Я теку вместе с ним, я — ничей,
Не пленен ни судьбой, ни названьем.

Мое тело лишь видимость стен,
Ограничивших воды стремлений.
Льются мысли. В сплетениях вен
Кровь струится в приливах томлений.

Сквозь стремления мысли — слова
Воплощаются, слившись в потоки.
Истекает моя голова
В говорливые, длинные строки.

Фразы плещут, как волны, в листья,
Брызжут пеной вскипевшего смысла.
Не всегда эти воды чисты:
Засоряют их даты и числа.

Но не в числах, застрявших как сор,
Скрыта вечная тайна теченья:
Реки духа сплетают узор
Голубого, как море, творенья.

26 июня 2001 года.

30

Под утро видятся сады
В прямых дорожках и фонтанах.
Они разбиты у воды
И в них ухожены поляны.

Крадется ночь среди стволов,
Застывших чутко, но волненье
Вскипает волнами цветов,
Рожденных буйною сиренью.

Она клубится при луне,
Мерцает бархатом пушистым.
Такое чувство, будто мне
Глаза закрыло дымкой мгlistой.

Я вижу — жимолость темна,
Как горе в молодости дальней,
Как цвет пасхального вина
Апрельской ночью поминальной.

И в этой мертвой темноте
Скамья белеет в лунных бликах.
Сады мне видятся не те:
В них стывает жуть, как в диких криках.

Но, чуть поднимется туман
У крошки дальнего рассвета,
Ночной расцветет дурман
В лучах проснувшегося лета.

27 июня 2001 года.

31

Хозяин звезд и синих лун,
Ветров, меж звездами летящих,
Плывет по волнам их и юн
В веселых странствиях бодрящих.

Мы здесь, на маленькой земле,
Его не видели, но знаем,
Что в галактическом котле
Он бросил нас, мы умираем.

Людей ничтожных череда
Пунктиром жизни метит вечность.
Рисунок так себе. Беда
В нем скрыта, но не бесконечность.

Узор судьбы людской убог,
Неинтересен он, ничтожен.
Его, нам мнится, выткал Бог,
Он ею, будто бы, встревожен.

Все это блажь. Высоких сфер,
Где он парит, не потревожить.
И от бессилья сотни вер
В мечтах пустых мы будем множить.

Но вера призрачна. Не в ней
Залог любви большого духа.
Еще чуть-чуть — и в мир теней
Он отлетит нежнее пуха.

И в этой нежности залог
Любви, способной воплотиться
В холодной вечности, где Бог
В беспечной юности резвится.

28 июня 2001 года.

32

Горячие доски прибрежных понтонов,
Блаженная дрема воды...
Я вижу, как сосны застыли на склонах
В веселом сиянии звезды.
Вода словно бархат.

В лучах ее жарких
На солнечном, звездном огне
Черты мои тают
В свечениях ярких,
Как жемчуг индийский в вине.

29 июня 2001 года.

35

Сажу на лавочке. Тоскую.
Деревья пышные шумят.
Они под солнышком ликуют,
Листовой узорной гомонят.

Играют блики меж ветвями
В стволах, на шелковой траве.
И растворяются тенями
В моей нетрезвой голове.

В ней мыслей нет. Лишь сонно тени
В пространстве сумрачно кружат.
Тоска. Разлука. И аллеи
Под жарким ветром гомонят.

2 июля 2001 года.

37

К реке, в лучах блестящих белой,
Стволы сбегают под откос.
Мерцают скупо бронзой спелой
И льются бронзой красной в плес.

Вершины сосен в сини свежей
Венчают солнечные дни.
Мои мечты одни и те же
И все блаженнее они.

Слабеют всплохи сознания,
Лишь тело чувствует тепло
Оно родит воспоминанья,
Расплавив времени стекло!

Я в них беспечно пребываю,
Плыву в разлившейся тиши.
Почти бесплотен. И порхаю,
Как эльф, в нехоженой глуши.

Скользнуть бы в вечность безвозвратно:
Так близко озеро небес!
Но, приземляюсь аккуратно
Из грез в прибрежный, светлый лес.

4 июля 2001 года.

36

Может я запутался в фантазиях?
И уж если мечтать, то не мне?
Отчего это с Севера в Азию
Вдруг влетел на крылатом коне?

И откуда такая уверенность,
Что несет меня легкий Пегас?
Все же пить нужно меньше.
Умеренность нам прописана,
Йогурт и квас.

Мне — трезветь, как умытому стеклышку,
Твердо чувствовать землю и слог.
Пусть подставлена лысина к солнышку,
Если крылья сберечь я не смог.

Не с Пегасом, а с тощою клячею
Мне брести по цветущим лугам.
Жизнь проходит бездарно.
И плачу я, позабыв
Помолиться богам.

3 июля 2001 года.

38

Дождь недолог был.
Как слезы не поладивших детей.
Чуть полней раскрылись розы
В нитях блестящих сетей.

Заискрился мелкий щебень
По дорожкам меж кустов.
Вышло солнышко на гребень
Ярких, радужных местов.

В стороне, над дальним лугом,
Дождь идет еще, парит.
Светом срезан, словно плугом.
Блещет лезвие, горит.

Вьется пар почти прозрачный —
Снова жарко, но душит
Сладким запахом коньячным
Под дождем оживший лист.

5 июля 2001 года.

39

Ты ведь, избранная
 Топчешь бабочкам
 В ночи не мерещет свет
 Космический луч
 Он не знает и любви
 И не знает доверия
 И мне отравилась судьба
 Еле выжила меня
 Сладко острый меч
 Состыдил, ослепил матерь,
 И отравил в янтарь
 Дрожь и тепло
 Это сплелась моя радь,
 Под бесшумной ослепью,
 Ты слышала этот звук
 В ночи над полем

Ты тут не одинок
 Дышишь не обильно
 Твоя бы история
 Не печальна, но была
 Далеко, где ты живешь
 И оторвал от меня
 Сладко острый меч
 Состыдил, ослепил матерь,
 И отравил в янтарь
 Дрожь и тепло
 Это сплелась моя радь,
 Под бесшумной ослепью,
 Ты слышала этот звук
 В ночи над полем

50

И. Моляков

40

Такой острой, чудовищной боли
 В своей жизни я не ощущал.
 Будто вырвались черти на волю
 И вонзили мне в грудь сотни жал.

Если раньше заветная строчка
 Золотого, как небо, стиха
 Не давала дойти мне до точки,
 Для венца берегла жениха.

То сегодня, как видно, приспели
 Времена хлопотливых причуд.
 Вот невеста. В страдающем теле
 Ощущаю я огненный зуд.

Мне знакома избранница в белом,
 Веет холодом свежих могил,
 Ужас плещется пламенем спелым
 По сплетеньям надувшихся жил.

Я останусь с невестою белой
 Навсегда женихом. Ну, и что ж!
 Боль несносна: ударом умелым
 В грудь мне есажен свержающий нож.

7 июля 2001 года.

книга расставания

51

41

Неужто кончено, родная?
 Разлука встала в полный рост.
 И меч свой страшный обнажая,
 Судьбы разрубил нить меж звезд.

И то ли в небе, то ли в сердце
 С хрустальным звоном лопнет нить:
 О надоевшем инвертере
 Ты постарайся забыть.

Но, о тебе вспоминанья
 Клянусь я трепетно беречь
 В печальных сумерках изгнанья,
 В которых блещет страшный меч.

8 июля 2001 года.

42

Сочатся липы жирным блеском,
Сгущая свет в янтарный сок.
Лучи ломаются и с треском
Жарой обрушился Восток.

Персты предутреннего ветра,
Перебиравшие листья,
Вдруг стали длинны, в километры,
Почти не движутся, чисты.

И небо чисто, словно простынь,
Как будто стирана от ран
Почти до дыр. Да так, что просинь
Легла над черным зноем стран.

Дождя не будет, ведь в июле
Уже разряжена гроза.
Она рассеяна, как в тюле
Зари размыта бирюза.

Окно распахнуто: напрасно
Ждать льющих свежесть нежных струй.
Они иссякли. Безучастно
Повис печально вялый ...

9 июля 2001 года.

43

Пили пиво «Синебрюхов».
«Брюхов» кончился. «Янтарь»,
местный, наш. Товарищ Сухов
целый ящик вынул — жарь!

Мы и жирим по погоде:
Солнца льется. И река
У народа нынче в моде —
В нем, как в мухах, берега.

И чем легче пьется пиво,
Тем восторженной душа,
Словно в пляс идет игриво,
Громко крыльями шурша.

Шорох крыльев этих белых
Беспорядочен. И речь
Расцветает матом спелым.
Значит, нужно подналечь!

Плещут волны, плещет влага
В кружках мутных, словно зной.
Навалилась вдруг ствага
И не хочется домой!

Пароход отвалил белый.
Город видится вдаль.
От тепла осоловелый
Ялик дремлет на мели.

Чуть двоятся очертанья
Плоских, желтых берегов.
Смутно помнятся названья,
Лица близких и врагов.

Слабо помнятся былые
Льды и белые снега,
Ветры стальные и злые,
Одинокие стога.

И тоска, как стужа, тает,
Изливаясь в зыбкий зной.
Мальчик: пухленький летает
С тонким луком надо мной.

10 июля 2001 года.

44

В жаровне небес
Раскаленную каплей
Пунцовое солнце лежит.
В горячих лугах
Одинокою цаплей
Сухая береза стоит.

Хоть малая искра —
И дерево вспыхнет!
Все соки иссякли.
Жара застыла тяжелым
Болотом и липнет
К намокшему лбу мошара.

Душа сатанеет.
Налито, как груша,
Громоздкое тело. Дыша,
Вокруг проплывают
Взопревшие туши,
Подшвами шумно шурша.

На тушах багряно
Созрели головки:
Качаются, могут упасть.
Раздуты до блеска,
Как будто веревки
На шеех захлопнули пасть.

Пейзаж этот дик,
Как в яслях алкоголик,
На свалке и то красивой,
Но я замираю.
Мне сладко до колик
От черных, иссохших ветвей.

Пустырь этот пыльный
У вялой речушки,
Сочащейся, словно слюна,
То место, где праздную
Лета макушку,
От горя спьянев без вина.

Внутри у меня
Распалась пустыня.

Все въжжено белым огнем.
Но только не люди,
А мысли. Как дыни
Сочатся, подгнившие, в нем.

А ночь не придет.
Будет маяться тупо,
Как зверь сатанеющий, зной.
Пока мою грудь не прожжет,
Словно лупа, душа,
Распрстившись со мной.

11 июля 2001 года.

45

Неужто я свершил дурное дело?
И разве ж я обидчик и злодей?
Мечтатель искренний и в жизни неумелый,
Тоскующий о девочке моей.

И все-таки меня боятся люди,
Во мне почуяв злое волшебство.
В душе горит оно, как в ярюм изумруде,
В глубинах темных сердца моего.

Лучи его пронзительны и резки.
В них боль и страх сполна отражены.
Невыносимо выражено в блеске
Знамение кончины и вины.

Ну, что ж, пускай себе боятся!
Ведь не для них губительна тоска!
И не над ними смерть пришла смеяться,
Косой своею звякнув у виска.

12 июля 2001 года.

46

Я люблю черный блеск фотографий
В них и радость и злая тоска.
В смутных бликах печаль эпитафий
На свиной пластине листа.

Не нужны мне цветные картинки —
Черно-белому облику рад.
Так горят на рассвете росинки,
Когда луч пробирается в сад.

Ведь какая-то есть неизбежность
В переливах неярких теней.
В сером цвете я чувствую нежность
И томлюсь, растревоженный, в ней.

Черной молнией выткнуло дерево
На бумаге кисейную вязь.
Неизбежно, надолго отмерена
В серебре волопощенная связь.

Связь с раскрышейся пропастью неба,
С белки лампой июльской луны.
Мне все мало, винсовому, мне бы
Вызвать тайну пугающей вины.

Отчегс среди карточек плотных,
Что тасую в альбомах, любя,
Среди образов давних, бесплотных,
Я ни разу не встретил тебя?

13 июля 2001 года.

47

В душе моей, как в черной вилке оловяной,
Адам, расщепит ветви,
Взнос, ступень и забвение, тоска равновесия,
Распрямившая чуждое личие.

Их, плеска воды, в прорези и выемки
Средь просторности воздушных глубин,
Средств же опосредств и выемки
Во твоем душе, в раскаянью долин.

Слов в груди, в выемки и выемки
Души, средь просторности долин,
Средств же опосредств и выемки
Против — и подвизанья и таинственный Фламин.

И в плеску, во мне — мерцающие выемки,
Душе, средь просторности долин,
Средств же опосредств и выемки
Заручены словес, и в выемки долин.

Во мне воскреснет все — любовь и зло, оловяный,
Тысяч летняя дача, пыльная душа,
Средств же опосредств и выемки
С тем, зачем ты пришла в опосредств твоих.

11 июля 2001 года.

48

И читая тебя по слогам,
Ты слышишь, слышишь доверие языка,
И опосредств же опосредств,
Где уми — незаметно и негра.

На выемки, средь просторности долин —
Там, по-моему, ты слышишь историю,
В выемки же опосредств же опосредств,
Есть и в выемки же опосредств же опосредств.

Молчишь о слове, но ты же слышишь,
Средь просторности долин,
Средств же опосредств же опосредств,
В выемки же опосредств же опосредств.

Средь просторности долин, но ты же слышишь,
Средь просторности долин,
Средств же опосредств же опосредств,
В выемки же опосредств же опосредств.

Ты же слышишь, слышишь доверие языка,
Ты же слышишь, слышишь доверие языка,
Ты же слышишь, слышишь доверие языка,
Ты же слышишь, слышишь доверие языка.

И читая тебя по слогам,
Ты слышишь, слышишь доверие языка,
И опосредств же опосредств,
Где уми — незаметно и негра.

Отчего ты, печальная, плачешь.
Или резво стучишь каблучком.
По сюжету то бродишь, то скачешь,
То тихонько крадешься бочком.

Только вспенив дугою страницы,
Выгнув веером частым листы,
Вдруг почувствую близость границы,
За которой скрываешься ты.

Побреду, неумелый, по строчкам,
Растрепавшимся черной копной,
Спотыкаясь об острые точки,
Слыша голос возвышенный твой.

Я наполнюсь им, словно надеждой,
Вновь примусь, ободренный, читать.
С неумным восторгом невиджды
Научусь твою имя шептать.

15 июля 2001 года.

49

В тот раз ты была холодна,
А я распался. И все же
ты, выпив немного вина,
Была безучастна до дрожи.

Мне стало вдруг страшно. Тебя
Я крепко сжимал неживую.
И думал, несчастный, что зря
Тебя, пламенея, целую.

Вдруг, стало обидно до слез.
Неужто кому-то другому
Ты даришь безумие грёз,
Отдавись капризу пустому?

И, видя бессилье мое,
Отбросив крыло одеяла,
Сказала, что конечно, всё:
Ты очень со мною устала.

Что ты не продажна и мне
Пора бы на что-то решиться,
А нет, так в любой стороне,
Свободный, могу раствориться.

16 июля 2001 года

50

Вчера ты мне приснилась с-юва.
В любви я душу распахнул,
Ведь ждал свидания ночного
И с легкой радостью уснул.

Как только сон вошел мне в очи,
Излившись трепетно в ночи,
Наполнил грудь мою и там
Твой облик вдруг явился смуглый,
Светился солнечный, округлый,
Причастный к сказочным цветам.

Клубились ласковые волны
Их слыша звук, восторгом полный,
Ночного чуда оставляя,
Как можно дольше след летучий.
И с ним, стоючий и могучий,
Тебя в мечтах благословляя!

Восторг души, дрожащей дивно,
С тобой парящей непрерывно
Над рябью темных, смутных вод.
Твоим сиянием просветленный
Открылся мне чертог бездонный
Размахом с божий небосвод.

Как счастлив тем, что мне приснилась
Ты, долгожданная любовь!
И в сердце трепетно излилась,
Как сок, вскипающая кровь.

Я стал вдруг легким и высоким
И ты, бесплотная со мной...
Ветров сочатся сонно соки
Над скучной коркою земной.

И наши реют отраженья:
В них неземная пестрота.
И изощренные движенья
Хранит ревниво пустота.

Во сне, обманчивом и синем,
Ты среди теней меня ждала.
Мы, неразлучные, раскинем
Четыре трепетных крыла.

17 июля 2001 года.

БЕЗ ТЕБЯ

Без тебя. 1

Я без тебя.
 Не верю, но молю,
 Чтоб был мне срок
 Тобою обозначен
 Ведь я тебя
 По-прежнему люблю.
 И в этот мир
 Тобою я назначен.

В любви к тебе
 Я заново рожден.
 Весь божий мир
 В твоих глазах
 Я вижу.
 Твоей свободой
 Я освобожден.
 И тех, кого не любишь, —
 Ненавижу!

Но, вдруг, как гром:
 Не любишь ты меня!
 Не верю. Страшно.
 Сердце умирает.
 И строгий разум,
 Скорбно гомоня,
 Его, разбитое,
 Надменно укоряет.

18 июля 2001 года.

2.

Просто пишу. Пустота. Нежеланье
 Чувствовать, думать, мечтать.
 Это беспечному мне — наказание:
 Слишком любил я летать!

Знал я секреты высоких полетов
 В легком сиянии чувств.
 Песни мои, как тяжелые соты,
 Медом сочились из уст.

Ты распахнула сияющий купол,
 Ты мне свободу дала!
 Я, восхищенный, ослеп, перепутал
 Прозу и божьи дела.

Ты — не простила! Ведь знаешь границу
 Между реальным и сном.
 Бьется в окно мое сердце, как птица,
 Просится, бедное, в дом.

Только напрасно. Все окна закрыты.
 Глупо под ними кружить
 Схлопнуть ставни.
 Крест-накрест забиты.
 Конечно! Нужно забыть!

19 июля 2001 года.

3.

Ты пришла. Немного опоздала.
 Почему-то верил: ты придешь.
 Страшно рад, здороваюсь. Сказала,
 Что — не помню. Понял — не уйдешь.

В сердце радость, нежность и тревога:
 Для меня такая ты одна!
 Но чужая нынче, недоτροга.
 Мне твоя решительность видна.

Загорела. Смуглая. Родная.
 Знаешь — жду, способен умереть.
 Ровно месяц мучаюсь, не знаю,
 Замолчать навеки или петь?

Песни льются, если ты со мною.
 Только в песнях люди не живут!
 Слишком часто с глупою судьбою
 Год за годом век свой скучный жгут.

Стал тебе я, видно, неприятен.
 В легком платье, грозно хороша
 Снизойшла. И верно — я занятен,
 Как крыло, подрезана душа.

20 июля 2001 года.

4.

Не поцелуешь в голову,
 А было ведь-и в губы.
 В душе моей воинственно
 Все властвует любовь!
 Любила ты веселого:
 Серебряные трубы
 Мелодией единственной
 В тебе будили кровь.

Но ты не знала, милая,
 Что весел я отчаянно,
 И песню лью серебряно
 От гложущей тоски.
 Запел, с тобою встретившись,
 С единственной, нечаянно.
 Легко твое сияние
 На кудри и виски.

Ну что ж ты наделала,
 Небесное создание?
 Зачем зажгла в страдающем
 Надежду на покой?
 И, не сказав, покинула,
 Развернув расстояние
 Космическою бездною,
 Вселенскою рекой.

21 июля 2001 года.

5.

Ты пишешь обликом чеканным.
 Читаю я твой четкий знак.
 Учусь. И строчкой златотканой
 Сшиваю свет и знойный мрак.

В моих мечтах я вызнал почерк
 Твоих разительных причуд.
 И только мне знаком твой росчерк.
 Следить за ним — мой сладкий труд.

Молчишь, но огненные знаки
 Играют искрами в очах.
 И расцветают, словно маки,
 В веселых, солнечных лучах.

Ты пишешь. Я тебя читаю.
 Читаю медленно. И суть
 В душе своей предвосхищаю,
 То радость чувствую, то жуть.

Потоки образов и мыслей
 В тебе, сплетенные, живут.
 Они упруги, не провисли,
 Звенят во мне, как тонкий жгут.

Ты мною читана. Живые
 Глаза восторженно горят.
 Твои послания — святые!
 И тот, кто их читает — свят!

22 июля 2001 года.

6.

Вот, если морю нужно небо,
 А небу — бременная земля;
 Ушедшим — искренняя треба,
 То для кого же нужен я?

Во мне — пылающее сердце,
 А сердцу, слышал, нужен Бог,
 Но, мне, хмельному иноверцу,
 Он, добрый, так и не помог.

А боль ужасна! Зреет пламень,
 Вонзает злые языки
 В живое мясо, ведь не камень
 Палат до непа сивозняки!

Как дикий зверь с глубокой раной
 Находит свой заветный знак,
 Ищу любви трилистник рдяный,
 Он мне спасение и знак!

23 июля 2001 года.

7.

Горит луна, как глаз богини
 Налитый гневной синевой.
 В ее сиянии раскинет
 Глубокий вечер полог свой.

Под ним нальются соком тени,
 Созрев во тьме, заговорят
 Наречьем обморочной лени,
 Наполнив ночи тусклый взгляд.

Она придет! Бездонным морем,
 Упавшим с низеньких небес.
 Неотвратимая, как горе,
 Неукротимая, как бес.

Ее шуршащий, мягкий бархат
 Удушит света слабый блик.
 Горит луны бессонный яхонт,
 Открылся бездны страшный лик.

Овчинку тонкой атмосферью
 Снесла волна тяжелой тьмы:
 Богиня гневается, Веры
 Ей не пожертвовали мы.

24 июля 2001 года.

8.

Жена ли мне она?
 — Нет!
 Так кто же мне она?
 — Свет!

Я же не верю в воскресенье
 душ.
 Оттого, что я земной
 — уж!

Лююсь по травам и кустам
 — рад!
 Если день прошел, я жив
 — свят!

Только холод под моей
 чешуей.
 В темных водах ледяных
 — свои.

А, как близко промелькну
 — вой!

И охотников за мной
 — рой!

Но везло мне: уходил
 — жил

Если был бы не змей
 — выл.

И однажды вдрут по лесу
 — она.

Быть иначе не могло
 — одна

Вьюсь кольцом блестящим
 у ее ног.

Не боится. Прикоснуться
 — смог.

В пятнах желтых безобразного
 — берет.

И в лушко свое легкое
 кладет.

Отогрела. И с тех пор
 — с ней.

Не считаю ни часов,
 ни дней.

Ну за что же мне она
 дана?

Ведь с таким, как я, ей быть
 — вина!

Верит свято в воскресенье
душ,
Но живет со мной, а я
— уж.

25 июля 2001 года.

10

Димедрол и водка — вот моя находка!
Мне б уснуть навеки с горя и тоски.
Засухой побита жизни черствой сотка,
Белою пылью ужас прет в виски.

Изветвился, бедный, злыми сорняками.
Ветер одиночества горечь с листьев пьет.
Вяжет, как попало, мысли узелками.
Паутиной липкой череп мой цветет.

И с чего бы это показалось вятно,
Что любви струится тонкий аромат?
Просто кто-то sprыснул лобик свой опрятный
Тонкими духами, запахом в закат.

И, вдыхая жадно в мед истекший вечер,
Вдруг полпыл свободно, точно пару крыл,
Зная, что несчастный, с детства покалечен,
Мастер благовоный в долг мне подарил.

Как же это мило, если шуг убогий
Ощутит биенье царственных кровей.
Искренний в уродстве, тяжкий, кривоногий
Возмечтает нежно, искренне о ней.

Жалкий цирк окончен. Фарс о благородстве,
Будто воду выпьет пыльная земля
Димедрол и водка — помощь мне в сиротстве,
Странная находка. Знаю. Но моя.

27 июля 2001 года.

9.

Спросил ее, печальный, о любви.
Она о ней обмолвилась когда-то.
Я помню, как в медлительной крови
Щенком взыграла жизнь моя кудлато.

Помолодел. Подумал, что пришла
В пустыне годы радость вдохновенья.
Она, неотвратимая, взошла,
Отметив час бессонного творенья.

Я снова мальчик, вновь светлоголов
И через злую скуку века
Пошел за нею, сдержан и суров,
Похожий в сорок лет на человека.

Вокруг гудели праздных голоса,
Но мне открылся вздох животворящий
Души ее, обьявшей небеса,
Любовью не мирской, а настоящей.

Как гордый и отчаянный Давид,
Раздвинул грудью черни ряд унылый,
И пусть толпа пеняет мне на вид,
Мой малый плащ увидев легкокрылый.

Преображенный страстью ученик,
Во сне обьятый чарами, не спящий
К ее душе душою я приник,
Поверив, что создатель — настоящий.

О, как же горько было мне узнать
О том, что ею вовсе незамечен,
Не нужен и могу не ждать
Любви, в которой буду вечен.

26 июля 2001 года.

11.

Пил пиво в Харькове.
Под вечер стоял на станции.
Гранит был пылью выветлен.
На плечи легла усталость.
И горит.

В ней жжется пряно
Нежность юга.
(Здесь пиво лучше, чем у нас)
Я — в Украине, а подруга
Меня оставить собралась.

Мне странно это превращенье:
Огромный город, я, перрон...
Устал базмерно,
Но прощенья
И объяснения лишен.

Какого ж черта
Знойной степью
По нитке стройных тополей
Тащусь, как инок,
К благолелью
О скалы плещущих морей?

28 июля 2001 года, Харьков.

12.

Белая глыба вокзала
В бледном сиянии луны.
Чувствую: воздуха мало,
В нем задыхаемся мы.

Душный рассвет фонарями
Выжжен. Струится. Горит.
Здесь, словно вбитое, днями
Блеклое солнце стоит.

Виснет, как тяжкая гиря,
Над наковальной долины.
Звон напряженья все шире
Льется со струн мандолин.

Эту музыку простую
Выдумал, кажется, грек,
Первый открывший пустую
Землю без снега и рек.

29 июля 2001 года, Симферополь.

13

Неровно лезвие хребта...
Как видно, Бога хриплый голос
Здесь дрогнул, будто бы слегка,
Совсем чуть-чуть, на тонкий волос.

Но это в вечности «чуть-чуть»
Здесь встало каменной грядой,
Неодолимой, словно жуть
Перед смертельною бедою.

Скользит громада строго вдоль
Морского грозного нажима.
Стихия сфер, стихия воль —
Неуязвим? Неуязвима?

Земле здесь места не нашлось.
Творится хаос, за которым
Создатель праздно, как пришлось,
Следит высокомерным взором.

Пусть Он далек, но весь он — здесь!
Со всей изломанной вселенной.
В узорах скал дает нам весть
О снисхождении надменном.

30 июля 2001 года, Симеиз-Форос.

14

Архип Иванович Куинджи
И обогрел, и приютил.
Его имение, не Фиджи,
Я, удрученный, посетил.

Толкнул калитку.
Скрипнув, петли
Впустили в дворик
Меж камней.
Над ним — каштан.
И солнце треплет
Меж листьев
Ниточки лучей.

Сажусь под жесткий
Веер пальмы:
Он ловит ветер
И шушит.
Фонтанчик белый
Мерно каплет.
И море синее шумит.

31 июля 2001 года, Алупка, Дача Куинджи.

15

Облако-монстр навалилось на море.
Море прогнулось, кипит.
Город горою подброшен, взъегорен,
В солнечных струях горит.

Темная зелень прихлынула плотно
К белым осколкам домов.
Млеет толпа оголтелая потно,
Вспучилась вдоль берегов.

Стиль европейский морского бульвара
Кто-то решил перенять,
Тщетно пытаюсь под плитами жара
Север суровый прижать.

1 августа 2001 года, Ялта.

16

Черное небо.
Иззвездано.
Дырка яро,
Как солнце,
Горит.
Ночь расплылась
Подгулявшей транжиркой,
Рухнула на море,
Спит.

Может и хуже.
Штыки кипарисов
Тычутся в бархат
Теней.
Без толку.
Тихо.
С небесных карнизов
Ангелы плачут
По ней.

Грузное тело
Прострелено метко:
Рана открылась
Луной.
Кровь голубеет.
И синяя ветка
Тяжко висит
Надо мной.

2 августа 2001 года, Алушка.

17

Форос открылся красный в масть
К кроваво-бронзовому небу.
Не все я вижу, только часть
Сокровищ, выплаченных Фебу.

Но то, что вижу — высоко,
Величельно и печально.
Воды парное молоко
Прогрето так, что нереально.

Здесь море чистое лежит
Пластом мерцающим, хрустальным.
И дача Пешкова стоит
В вечернем золоте сусальном.

Как раз под ней сижу и я,
Средь скал, прибоями изрытых,
Почти таких, как жизнь моя,
Проженных влет и позабытых.

3 августа 2001 года, Форос.

18

Не облака — трепещущие перья
Над горделивой синью вод.
В союзе — их высокомерье
И восхитительный полет.

Запекся в скалах древний камень,
Но между небом и водой
Его все лижет знойный пламень,
Сгустивший желтою слюдой.

Зеленый дым огромных пиний
Мохнато вяжется в пласты.
Изыскан росчерк этих линий,
Они приятны и чисты.

4 августа 2001 года, Форос.

19

Плывет в волнах
Обреченная лира
Как белый парус,
Вдаль.
Играя, пел,
Едыхая миро;
Ослабли руки —
Жаль!

Мой инструмент
Колыхнул волны,
Беспечные — звенят!
Сегодня волны
Силой полны,
Как лезвия,
Горят.

Звучат в прибое
Прихотлив.
Литое серебро
Епялось в них
Блестящей гривой
На синее
Стекло.

Я лиру отдал
Морю в Гаспре:
Уж больно
Тяжела
В душе моей
Беда и распри.
Любви в ней нет —
Бела!

Пусть горизонт
У изголовья
Морской пучины
Льет
Со струн ее
Закатной кровью
Ночную песню
Бод.

А я, по скалам

Нисходящий
К обители зыбей,
Без лиры прост,
Ведь волны
Слаще
Напевы льют
На ней.

5 августа 2001 года, Гаспра.

20.

Подныну под тяжкую скалу.
Дна все нет, в боку лижет яма.
Чуть взвихрив ракушечью золу,
Устремляюсь в глубь ее упрямо.

Трехметровая водная плита,
Давит уши, скованы движенья.
Но все дальше манит красота
Смертного, тяжелого томленья.

Полминуты только в глубине,
Но в груди взрывается желанье
Не всплывать, средь длинных трав, на дне
Прекратить с тобою расставанье.

6 августа 2001 года, Алупка, скала Айвазовского.

21.

Здравствуйте, седые Адалары!
Четверть века минуло и вот
Ветер, разгулявшийся и ярый,
Вам волною в грудь широко-й бьет.

Ну, а вам, что четверть, что столетье,
Тысяча, десятки тысяч лет
Безразлично это лихолетье
В монотонном кружеве планет.

Братья вы, и каменные узы
Вечностью меж вами скреплены,
Сомкнуты, как сросшиеся шпюзы,
В легком свете солнца и луны.

Да, и море яркое искрится,
Все в лучах, оброненных с вершин,
Где они мелькают, словно спицы,
В нежных нитях боговых долин.

7 августа 2001 года, Гурзуф.

22.

Люблю я ласковое море
И шорох волн в полдневный жар.
Оно огромное, как горе,
И всеохватно, как пожар.

Но легкий шелест волн ретивых
Слагаэт все наоборот:
Где было горе, там игриво
Огонь ласкающий плывет.

Огромна радость в белом блеске,
В лучах взорвавшегося дня.
Душа все мечется на леске
Луча, пронзившего меня.

8 августа 2001 года, Гурзуф.

23.

В кудрявых улочках Гурзуфа,
Одетых в дикий виноград,
Где солнце тени режет сухо,
Его присутствию я рад.

Мне сладко это наважденье,
Ведь камни помнят легкий шаг
Того, кто дивные виденья,
Играя, рифмами запряг.

Навечно в уличных плиты
Легас впечатал звон копыт,
Он в петербургские граниты
Стихами Пушкина излит.

9 августа 2001 года, Гурзуф.

24.

Под теплым боком Аю-Дага
Свернувшись, время тихо спит.
Забыв о нем, неспешным шагом
Бреду по спинам белых плит.

Чуть выше памятной тропинки
Плывут в деревьях корпуса
С лесной, проветренной овчинки
На небеса, на небеса...

Я вместе с ними улываю
В обитель юности моей.
Ее частичка здесь, я знаю,
В наплывах солнечных лучей.

Беспечно счастье дней далеких.
Медведь, уткнувшись в море, спит.
Он одинок, и одиноких
Жалеет. И благоволит.

10 августа 2001 года, Артек.

25.

В глазах двоится, ветер свистит
В канатах солнечных лучей
Волнами грозно море рыщет,
Вокруг безлюдно. Я — ничей.

В два роста белая лавина
Идет стеною на меня,
Как видно, пьяная Ундина
Взнуздала пьяного коня.

Ко мне струится грозный рокот
Вскипевшей пеной с жарких губ
Коня Ундины. Громкий толот
Вот-вот накрсет. Я — нелюб.

Ни морю, вспенившему волны,
Ни солнцу в блеклой синеве...
Здесь мне не место. Гневом полны
Валы, летящие ко мне

Они обрушатся на плечи
Один, другой сшибают с ног,
Швыряют, яростно калечат,
Да так, чтоб встать уже не смог.

Но, захлебнувшись горькой пеной,
Не сдамся, вынырнув, стю! —
И тают блестящие стены,
Когда я, выживший, пою.

11 августа 2001 года, Ливадия.

26.

Когда сквозь сад его печальный
Входил к нему в прохладный дом,
Вдруг ощутил, что путь мой дальний
В каком-то смысле завершен.

Средь экзотических растений
Родной страны мне виден лик.
Морозных, поздних озарений
На ветках отблеск вдруг возник.

Сирень индийская, краснея,
До самых крон обнажена.
Стволы ее, как вены, зреют,
Когда исполнены вина.

Они бегут по телу ветра
У моря, рухнувшего в зной.
Его большие километры
Легли ветвями надо мной.

Но этот обморок полдневный
Меня не сможет обмануть.
Пальто его в шкафу пристенном,
Потерта кожа, долг путь.

Урал, Сибирь... До Сахалина
Его дорога привела,
В той самой коже, где витрина,
В той самой коже, что бела.

А рядом — узкие ботинки, —
Он в них и посуху, и в снег, —
Со школьной, памятной картинке
В пенсне с шнурочком человек.

Вишневый сад в прохладе мнится:
Октябрь, Россия. За окном
Сирень индийская ветвится
И зреет памятным вином.

12 августа 2001 года, Ялта, дом Чехова.

27.

Ну, вот вам божеский каприз:
Цветною шалью — Симеиз!

Она, воздушная, летит,
Когда морской простор открыт.

Еще там дремлет злая кошка,
(Пусть облысевшая немножко!)

Она спала и будет спать,
Века пляшущие считать.

Скала — и шаль, стена — и краски,
Никем не читанные сказки

Лазурных, ласковых морей,
Забывтых, ржавых якорей.

13 августа 2001 года, Симеиз.

28.

От Алупки вверх и вниз
Вдруг, как праздник — Симеиз!

Тени стелются над парком,
Кипарисы, как подарки,

Как ракеты в синей мгле,
Целят в небо при луне.

Рвутся ввысь сквозь синий пламень,
Но тяжел над ними камень.

Говорит, что это — Дива
(Так скалу зовут красиво).

Эта Дива круглый год
Парк над бухтою гнетет.

Горбит стену метров на сто.
В ней порода есть и каста.

Не остывший пламень недр,
И корнями вросший кедр.

Пусть попытаются — не сдвинуть
Этот камень, чтоб покинуть

Черноморский, буйный пир
Под напев элейских лир.

14 августа 2001 года, Симеиз.

29.

Волн плескающихся хор
Славит светлый Ай-Тадор.

Мыс сверкающей игрушкой,
Богом брошенной полушкой,

В тихой заводи небес
Распушил зеленый лес.

Развернул, звеня, мониста
Крыш, горящих охрой чисто:

Под стеной отвесных гор
Все звенит, звенит Мисхор.

И алмазом ожерелья
Вместо ласточкиных гнезд

На конце скалы прострельно
Реет замок между звезд.

15 августа 2001 года, Мисхор.

30.

Кореньем, выкрученным в битве
Земли и камня, жгут жгутом.
В предсмертной искренней молитве
Мы видим мир и познаем.

Нам вдруг становятся понятны
Рисунки старых городов.
Они изысканно заняты
В преданьях улиц и родов.

Корявы улицы, ребристы,
В ступенях, стершихся в дугу.
Ночами луино-серебристы,
Как ветвь польняная в стогу.

16 августа 2001 года, Кореиз.

31.

Блаженны легкие длинноты
Предгорий, тающих вдали.
Пока еще не пляшут ноты
Лучей, звенящих у земли

Еще не жарко. Ветра веер
В прохладе млеет. И широк
Не темный, прянувшийся север,
А разгоревшийся восток.

Здесь вольно. Вскинутые скалы
Преображаются в холмы
Их пламенеющие жала
На сорок верст удалены.

Не слышно рокота прибоя,
Но море рядом, дышит грудь
Его лазоревым настоем,
Неуловимым, словно ртуль.

Морских дыханий ждут равнины,
Ждет желтый, знойный Инкерман
И виноградные долины,
В которых воздух чист и пьян.

Из звезд соли побережий,
Вскипел листою карагач:
В волне лесов пушист и нежен,
Но рядом — кряжист и горяч.

Почти светло, за поворотом
Дорога к морю ленту льет.
У бухты, с птичьего полета,
Громада города встает.

17 августа 2001 года, Севастополь

32.

Вскинули церковь на кручу.
Крест раскаленный горит.
Было бы хмуρο, так в тучу
Жар его был бы излит.

Скалы стремятся отвесно
К яркому свету креста
Церковь почти бестелесна
И, словно дева, чиста.

Только угоден ли Богу
Этот земной уголок?
Верил ли тот, кто к отрогу
Дом этот Божий взволко?

Может, здесь грех искушенья,
Словно в медвяном вине?
В этом чудесном твореньи —
Тайная страсть к Сатане?

18 августа 2001 год, Байдарские ворота

33.

Вгрызся дьявол рогом прочным
В черный бок ночных небес.
Брызнул пламень полуночный,
Горный высветил отвес.

С потрясающим упорством
В небо вклинена гора.
Зло покончило с притворством,
С Богом кончена игра.

Грозный клин седого пика
Торжествующе суров,
Молчалив, в припадах крика
Рассекаемых ветров.

Вызов принят Богом. Страшен
Белой молнии удар
Вновь! Еще! В пурпур окрашен
Разгоревшийся пожар.

Вздыбил грудь дугою остров,
Глыбы брызгами летят.
Обнажен гранитный остов,
Гол, трясущийся, до пят.

Твердь земная в глубь морскую
За волною шлет волну,
Распаленную литую,
Морю зыбкому в вину.

Бездна тверди, бездна моря —
Распахнулись створки плит
Вдруг, сшибаются и в створе
Ужас пепельный кипит.

Сила дьявола — земная!
Слава Бога — в небесах!
Длится битва, в выси рая
Все, кто жив благовестят

Ночь бледнеет. Хмурым утром
Чуть стихает страшный спор.
Погребальным перламутром
Пепел лег на склоны гор.

Видно в море, что сколот
Хищный дьяволов зубец
Бог занес ужасный молот.
Два удара — и конец

Он, тяжелый, ляжет метко,
Но не падает, висит.
С хищной, режущей розеткой
Сатанинский рог торчит.

В этой треснувшей короне
По утрам играет свет.
Он струится, но на троне
Ничего, как видно, нет.

19 августа 2001 год, Алушка, Ай-Петри

34.

Взяв томик русской поэтессы,
Стою на кромке голых скал.
Такой изысканнейшей пьесы
Не видел раньше, не читал.

Корона реет над волнами
В километровой вышине.
Дышу то ветром, то стихами
В безлюдной, светлой тишине.

В строках загубленной Марины
Я видел пропасти провал.
Ее иззубренной вершины,
Скитаясь по миру, искал.

Хотел увидеть то, что сплето
Сиреной, певшей у вершин.
И вот стою. Ай-Петри. Лето
Взмывает жаром из долин.

Как кромка пропасти бездонной,
Ее негладкая строка.
Она ушла непокоренной.
Шагнула в пропасть. И в века.

20 августа, 2001 год, Ай-Петри.

35.

В густом сплетении лучей
Взмывают призрачно чертоги.
Легки, как грезы юных дней,
Но не обманчивы и строги.

На диво четкость и полет
Сплелись, у времени во власти.
Дворец над бухтою плывет
Венцом морской, соленой страсти.

Крутая ярость диких вод
В колоннах стройных воплотилась.
Сквозь их стремительный полет
В лазурном небе растворилась.

21 августа, 2001 год, Ливадия.

Paul Van Dyk 'Reflection' 20

36.

Ты — алмаз изысканный Ливадии,
Мой прекрасный, сказочный дворец!
Свет души моей, погибель для исчадий
И над мрачным ужасом венец!

Если море бьется и лютует
У подножья белого дворца,
Он — недвижим. Холоден. Ликует
В нем восторг бессмертного творца.

Дерзкий росчерк сбывшихся прозрений
Искрой бьется в строгости колонн,
Белым светом ясных откровений
Данных тем, кто весел и влюблен.

22 августа, 2001 год, Ливадия.

37.

Здесь вечность древняя не минет.
Недвижны неба паруса.
Без ветра времени Отринет
Морских поветрий голоса.

Во мне расплескан цвет Вселенной
Кровавым соком в синеве,
Горящей нежно, сокровенной
В моей бездонной голове.

Я ею иеро солнца малость,
Такую явную средь вод.
Его лучистую усталость
Его предсказанный полет.

Обмерен круг дневного света,
Лучи секутся надо мной.
Во мне преломлен стержень лета
С высот упавшею луной.

Осколки сыпаны у моря.
В их желтом хаосе печаль
Неодлимая. В узоре
Ее забытая вуаль.

23 августа, 2001 год, Херсонес.

38.

Нагота развалин и камней.
Пыльный след ушедшего величья.
Даже здесь я думаю о ней
И бреду вдоль моря для приличья

Не куски мозаичных полов
И не амфор гонимые кимвалы
В теплых водах шелчущих ветров
Я ищу распахнутые залы.

По коврам желтеющей травы
Подхожу к колеблющимся стенам.
Вижу их в окладе синевы
На подносе выжженной арены.

Третьим глазом расцветает лоб
В нем величие города былого
Жар звенит, но сладостный озноб
Вдруг прохладой высвежит. И снова

Побреду по желтым ковьям
В узких улочках невидимого града.
Единицей, вписанной к нулям
Твоего рассеянного взгляда

24 августа, 2001 год, Херсонес.

39.

Проснусь. Темно. Луна трепещет,
Лучи свивает в синий жгут.
По гребням волн продольно хлещет
И слышно, как они поют.

В сырых, пластающихся вдохах,
Как масло, взбита пустота.
Забуду, сонный, о подвохах.
Приснилось: в черном — чистота.

Глаза открыю: чист и черен
Луной пронзенный небосвод.
Как челн, воздушен и проворен
Мой сон меж звездами плывет.

25 августа, 2001 год, Алулка.

40.

Здесь шпалы частые. По щебню
Лежат, смоленные, в степях.
Линейкой узкою по ветру,
Проложенную второпях

Ведь кто-то вел пустыней дикой
Свой путь к окраине долин.
Да, видно, выдохся. Безликой,
Сухой земли печется блин

Двумя удавками стальными
В его пропекшуюся сушь
Вонзились рельсы, а над ними
Томится солнечная глушь.

Узлами станций рельсы свиты.
Звена на черных спинах шпал.
Звон, словно лавине! И вскрыты,
Как вены, кончики начал.

И продолжения мечтаний,
По рельсам, мчащимся сквозь зной,
На частых шпалах упований
На путь беспечный и покой.

26 августа, 2001 год, у Белгорода

41.

Торгую морями и сушей,
Занятие прибыльно. В пляс
Я резов пошлю свою душу,
Пружина сплетение мяс.

Меняю на внутреннем рынке
Слова на холодный расчет.
В груди, словно в треснутой крынке,
Зеленая зависть цветет

И тянется стеблем скривленным
В тяжелом дыхании обид
К высоким мечтам просветленным...
Торгую, а сердце болит.

27 августа, 2001 год, дома.

42.

В траве лишь шелест
Низкою волной
Вздохнул украдкой,
Тихо расплескался.
И вдруг, мелькнул
Чешуйчатой стрелой
Блестящий уж
И тут же затерялся.

Но, вот он снова
Вьется, чуть шурша,
Струится черным
Росчерком, трепещет.
Я замираю.
Чуткая душа
Веселой дрожью
Мается и плещет.

Средь блеклых трав
Прощений и обид
Мелькнет змеюю
Черная разлука.
Не разберусь —
Уж больно странный вид —
Ужом она клубится
Иль гадюкой?

28 августа 2001 года.

43.

Еще не осень.
Август на дворе.
Но солнце скрылось.
Взвевянные тучи
Мерцают тускло
В темном серебре
И вдалеке плывут
Торжественно, певуче.

Еще вчера
Горела синева
Вокруг ядра
Пылающего солнца.
Чуть-чуть скрипели
Жара жарнова,
И пепел дня
Ложился на оконце.

А нынче луч
Пробился и угас.
Пока тепло,
Но пахнет
Тальм снегом.
И пальх листьев
Вялый перепляс
Уже наполнен
Сумеречной негой.

29 августа, 2001 год.

44.

Затупились во тьме острие
Чуть колеблемой ветром свечи.
Беспобудное горе мое
Расцветает, как роза, в ночи.

В черной яме окна, по теням
Растворились его лепестки,
Увядая по стынущим дням
Под нежарким светилом тоски.

Шепчет сад беспокойно во тьме,
Растревоженный зыбким огнем.
У прошедшего лета на дне
Схороню свое счастье живьем.

И, по-бунински, в складках прохлад,
Зацепившихся в темных кустах,
Цепенеет мой дремлющий взгляд,
Как роса в сентябре, на листьях.

30 августа, 2001 год, Поречкое.

45.

Возращение. Дом. На погосте,
В частокле берез
Не к покойникам, к девушке в гости
Пробираюсь из грез.
Влажный ветер кольшет
Нити гибких ветвей.
Я люблю ее. Дышит
Грудь печалью по ней.
Позабылись проклятья
И обожженный вздор
Помню пестрое платье
И веселый узор.
Что сна говорила,
Раскрасневшись до слез, —
Как давно это было, —
Я не помню. Тверез.
Но, хочу одного: Одинока,
Чтоб подруга была.
Пусть давно и далеко
Меня жизнь увела.
Пусть проломлено днище
Легкой жизни моей.
Пусть вокруг хоть кладбище,
Чуть опомнись — и к ней!

31 августа, 2001 год, Чебоксары.

46.

Разлохмачено по крышам
Стогом облако стоит.
Тонким лезвием, чуть выше
Предзакатный луч парит.

Крыши светятся. Громадны
В белом облаке клубы.
Чуть округлы, неопрятны
И, тяжелые, грубы.

Влагой полнятся, темнеют
Воздух сизым стал — закат
Крыши ярко пламенеют
И, блестящие, горят.

1 сентября, 2001 год. Ст. Шальтаны.

47.

Как в позднем марте.
Ближе к десяти,
Узорны ветви
В стынущей лазури.
Дышать легко
И хочется брести
Глухой аллеей,
Тлеющей в пурпуре.

Прохлада льется
Чистой водой
И гасит листьев
Вспыхнувшее пламя.
Мне сорок лет,
Но здесь я молодой,
Сентябрь свое
Развертывает знамя.

Оно трепещет.
Я его поднял
Среди вершин,
Укутываю кроны.
Они густы,
Ведь листьев не ронял
Промокший лес
Под ветреные стоны.

Быть может там,
Высоко, меж ветвей,
Среди листьев,
В напльвах трепетанья
Сквозь легкий флаг мой,
В сумраке теней,
Весны мелькнет
Веселое сиянье.

2 сентября, 2001 год. Ельниковская роща

48.

У дома тихо.
Ночь пришла, как смоль.
В ней тонут звезд
Блестящие гвоздочки.
Во тьму забыты вечером
На голь
Пустого неба,
Блеклого до точки.

Трава густа.
Невидимы цветы.
Во тьме ночной
Их запахи витают.
Чуть-чуть пьянят.
Но помыслы чисты,
Свежи, как снег, и,
Призрачные, тают.

Весь дом уснул,
Но часто с ветерком,
Сквозь сладкий запах
Вянущих бутонов
Пахнёт чуть-чуть
Душистым табаком
С открытых настеев
Маленьких балконов.

3 сентября, 2001 год.
Новочебоксарск, у подъезда, на Жени Крутовой.

49.

Простые дни без мыслей и надежд
Пришли ко мне и мною овладели
И вот я здесь, в пристанище невежд,
В конце пустой, непрожитой недели.

Как много дней! По месяцам счета
Ничемных будней списаны под корень.
Итогам рад. И пусть уже не та
Любови сквозь грудь провертывает шкворень.

А ту, что знал, и, искренний, любил
В годах, по край исполненными счастья.
Давным-давно, усталый, позабыл
И миновал разлуку, как ненастье.

Мой балый ангел тихо улетел,
Теперь я зверь и с хищным придыханьем
Ловлю на грудь отточенный вертел
Животной страсти, острой, как страданье.

4 сентября 2001 года, 101 с.

50.

Бывает хуже. Жив еще. Не пью.
С такой дозой нету облегчения.
Уныло светел. С детства не вую:
Во мне тоска и долгие томленья.

Ну, что природа! Нужно ли писать?
Краса ее в словах невыразима,
Устал, по рифмам взнузданный, плясать
В белилах тухлых тающего грима.

В крикливых лентах треснувших одежд
Мелькает тело грубыми рубцами.
Лохмотья. Бедность. Кладбище надежд.
Колпак шута с лихими бубенцами.

В наряде этом страшен, одинок,
Освобожден до смертных приграничий.
Торчит надежд невырезанный клок,
Как слабый знак прижизненных приличий.

Красавец, в общем. Склеенных скорлуп
Цветная грудка. Страшно же иное:
Я без тебя и холоден, и глуп
Стою у бездны вечного покоя.

5 сентября 2001 года, под окнами, у подъезда

Пустота

Пустота. 1.

Модель проста. Я сам ее создал.
По методу нещадных исключений.
Отбросил все, что раньше обожал,
И то, в чем суть мучительных томлений.

Еще отбросил сердца суету,
Его игру басовыми ключами,
И чистых чувств нагую высоту.
От тех высот мы пели, мы кричали.

Избавился от трепетного «мы»,
Зачем мне быть, единственному, с нею?
В пустыне белой мысленной зимы
Я от себя в восторге обомлею.

И даже млею от холодной прстоты
Я, просветленный, видимо, не смею.
Чтоб стать достойным полной пустоты,
В которой, как пылинка, рею.

6 сентября 2001 года,
окрестности кирпичного
завода.

2.

Абсолютно черное тело.
Спектр широк: от тоски до обид,
От презрения до беспредела
Черной ярости. Жжется. Болит.

Все лучи поглощает бесследно,
Будь то радость, а будь то печаль.
В нем все гложет, в нем все безответно —
Так вдовы безответна гуаль.

Кто-то скажет, что так не бывает.
Если нет отражений — не жить!
Чисто солнце в зените сверкает,
Его блеска нельзя не ловить.

Невозможно же не отразиться,
Отразившись, нельзя не сиять,
Если ливень лучистый струится,
Нужно грудь под него подставлять.

Вот она под потоком открыта,
Но неграсно, как в темной воде,
В ней сияние яркое скрыто,
Словно истина в черном вине.

7 сентября 2001 года, корпус К, 409 аудитория.

3.

Я часто думаю, как мало нужно мне
Потустороннего вниманья
От тех, кто там, в высокой синеве,
Всему дают и жизни, и названья.

От тех, кто вяжет кружево судьбы,
И смерти час указывает тайно,
Давно узнав превратности ходьбы
В местах, где все темно и inferнально.

Они же пишут смутные слова,
«Инферно» вклинив в пухлякое «ально».
Зачем все это помнит голова,
Увязнув в отвлеченном капитально?

Обман и тлен пустующих могил,
Раскрытых в небе полною луною:
Я верил в то, что к краю подходил,
Когда они разверзлись надо мною.

Но все прошло, я думаю. И мне
Не нужно знаков высшего вниманья.
Одно прошу: пусть смерть придет во сне,
Когда Она приснится на прощанье.

8 сентября 2001 года. Сквозь сон.

4.

Надломится соломинка любви, —
Она была надеждой, но сломалась!
Ну, хоть бы в небе плыли журавли,
Ну, хоть бы солнце в небе не каталось!

Мечта поэта — стая журавлей
В осеннем небе: вот оно, творенье!
Возьми перо, возьми стакан, налей,
Прими на грудь для грез и вдохновенья.

Закрой глаза, затихни, не спеши.
Затем прищурься. Мягкого томленья
Поймай волну, расслабься и реши,
Сшивать ли рифмой ткань стихотворенья?

И если нет печальных журавлей,
А солнце катит желтой колесницей,
Остазь перо, возьми стакан, налей
И сам вспорхни курлыкающей птицей.

9 сентября 2001 года, чуть не поэзия.

5.

А почему бы и не к Нилу?
(Мечтою можно обмануть).
Миня знойную манилу,
Мне по дешевке не махнуть?

Подальше, в знойные предель,
От мокрых лип и холодов
Туда, где пляшут винодели,
Не зная сумрака и льдов.

Томленья вкатывает в жилу,
(Так вот что значит уповать!)
А почему бы и не к Нилу
Уехать с понтом умирать?

10 сентября 2001 года у телевизора.

6.

Не страх расправы,
Я так хочу!
У переправы
Давно торчу.

Тревога зреет.
В звезду виска
Кошмар греет,
Как враг, с носка

И боль взорвется!
Мой череп — шар.
О стенки бьется,
Как зверь, пожар!

За переправой,
В ночной тиши
Поют тусаво...
И камыши.

Пора садиться,
Пришел паром.
Паромчик злится,
Он — с топором.

Его он вынул,
Глаза блестят.
Того, что сгинул,
Мне не простят.

11 сентября 2001 года, Картлуево.

7.

Широко расправьтесь, легкие мосты!
Мы взлетим под небо, счастливы, чисты.
На упругих спинах, выгнутых до звезд,
Ощутим с восторгом свой огромный рост.

В дымке голубеет сонная земля.
На рассвете зреет ветром нота «ля».
Набухает ало тоненький рассвет
Кровью вечной жизни: смерти больше нет

Тяжесть растворилась в поднебесных снах.
Невесомо тало так, что гложет страх.
Но за страхом легкость смерти вопреки,
Наплывает в душу с огненной реки.

Эта легкость — пропуск в благодатный рай.
Затерялся в дымке наш холодный край.
Нас мосты, как крылья, у небесных врат,
Словно посвященных, белые, кружат.

И как только утро солнцем расцветет,
Нежным перламутром по мостам пойдет.
Мы навеки вместе враз шагнем с моста,
Чтобы убедиться в святости креста.

12 сентября 2001 года. Алатырь, над Сурой.

8.

Не расстаюсь с любовью никогда!
Довольно прожил, чувствую, что скоро
Моя погаснет малая звезда.
Любви все меньше. Больше разговоров.

Слова все льнут, как волны, на песок.
Одно, второе, тысяча, другая...
Как в камень, бьются мерно о висок,
То чуть сильнее, то тихо угасая.

Конца все нет созвучиям пустым
И чем их больше, ближе расставанье
С короткой жизнью. Чистым и простым
Явлюсь под утро к Богу на свиданье.

Но не сейчас, ведь поздняя любовь
Во мне зажгла неизвестные силы.
И не слова, а огненную кровь
Играть пустила в сохнувшие жилы.

13 сентября 2001 года, ночь, К. Иванова

9.

Мне тесен плен прекрасного жилья,
Роскошных тел встречающихся женщин.
Меня втолкнули. Узник ныне я.
Без тумачков пленен я, без затрещин.

Во мне ни капли злой голубизны
(Спасибо, Господи, сберег от содомитов).
Но я — мужчина, нет во мне зины,
Но и свободы нет — мужским она убита.

Не нужно тешиться. Прикован к ним и к ней.
Волнуюсь глупо. Чувственен — и млею.
В устройстве прост. Утюг. Поставь — и грей.
И я не сдвинусь. Камень. Пламенею.

Какая ж цель — земная красота!
Как тяжела ее волнующая нежность.
Опуган ею прочно. Пустота.
И страсть, как тяжкий крест и неизбежность.

14 сентября 2001 года, после тозо,
как случайно увидел.

10.

Уехал бы я с милой, но тцета
Изъела душу, высверлила дыры.
Быть может, жизнь моя не та?
Бреду впустую, порченый, по миру.

В бессилии дремен, холоден и прост.
Слова текут, души не задевая.
Я к ней хочу, но видно мал мой рост.
Один. И без нею томлюсь и таю.

Ну а она, далекая моя,
Уже не ждет и думает, что трушу,
И презирает, больше не маня
И не трясая, как сохнущую грушу.

15 сентября 2001 года, после увиденного.

11.

В мире, где все не по мне и не так,
Внешне спокоен. Приемлемым видом
Скрыл свою суть, а по сути — дурак,
Знаю. И все же бреду инвазидом.

Как же моя исковеркана суть!
Плоть же цветет на гнилой сердцевине.
Тяжко, и все же держусь. Одохнуть
Все собираюсь в цветущей долине.

Я бы не жил здесь, но светлый чертог
Мне недоступен в изысканной сути.
Жизнь в этом мире — мой горький итог.
Как-то прописан минута к минуте.

16 сентября 2001 года, 212 аудитория,
понедельник, утро.

12.

Ты, меня любившая украдкой,
Оттого, что скучно ведь: одна,
Думала холодной повадкой
Остудить, открывшись не до дна.

Ты меня приманивала фальшью
Получивства, зрешего во лжи.
Рук твоих касался я, но дальше
Смутные всплывали миражи.

Видел все, но верил, может, дольше
Ты меня держала при себе.
Пусть со скукой вялою, но больше
Нравится, чем прежде, тебе.

Мне деваться некуда. Возможно
От меня устанешь. И опять,
Сполозинив чувства, осторожно,
Не меня, другого будешь ждать.

17 сентября 2001 года, пробираясь к подъезду.

13.

Моя рифма надмирна и светел
В ней, как в солнце, играющий стих.
В нем в прост и никак не ответил,
Отчего черная космос притих?

Легкой музыкой без обобщений
Изливаюсь по белым листам.
Будто тень, никак их откровений
Не оставлю иным временам.

Но, в созвучьях моих немудреных
Есть великого малая часть.
Оборвутся. И пламень зеленый
Распахнет межпланетную пыль.

18 сентября 2001 года, небо за Волгой.

14.

Мир разбит на маленькие кадры
Он разъят хрусталиками глаз.
Ими я стрелю. Это ядро
Цветом — в пламенеющий топоз.

Мало ли забавных сновидений
В них лучами вспыхнуло. И свет
Такощих, подлунных откровений
Расстворялся дымкой меж планет.

Только в них осколки мироздания
Сопленились в красочный витраж —
Я его глядел наизусть,
Но, не смог Растаял, как мираж.

19 сентября 2001 года, устал на озороде,
выпил самолета.

15.

Тебя все нет.
И будешь ли — не знаю.
Ты — далека,
Но больно говорить.
В душе моей о том,
Что я не знаю,
Но, чувствую, что ты,
Как я, горька.

Огонь — во мне!
Но ведаю, тобою
Владеет жар жестокий,
Что во мне
И эту связь совместной
Судьбою
Зажмет впритык,
Как пряжку, на ремне.

Кольцо огня,
Пронизывая души,
Соединит,
Пространству вопреки,
Водою огненной
Пусть немертво не струшу,
И навсегда
Останусь у реки.

20 сентября 2001 года, Новое Село.

17.

Как тебе одной живется?
Разве проще? Бей веслом!
Отребай. Пускай сохнет
Память слабая о нем.

Пусть скорей в тумане канет
Тех счастливых дней река!
И спокойствие настанет
Безвозвратно, на века.

Дальше, дальше всплески гложут.
Ты свободна, гладь чиста.
Все забыто. Весла сохнут,
Плыть не нужно, жизнь — преста!

22 сентября 2001 года, опять размышляя.

16.

У меня есть остров. Вызванен бедой.
Сумрачный, поднялся грозно над водой.
Он необитаем. Я его открыл.
Где лежит он — знаю, но не посетил.

Гол он черным камнем, страшен пустотой.
В берег волны хлещут, но прибой — немой.
Ни клочка живого, даже редких трав.
Здесь не зацепилось, пустоту поправ.

Эта твердь — навечно высится. Тоща
В океане страсти взгорбилась, близка
Давит страшным грузом. Надо лбом стоит.
В бурном океане остров мной открыт.

21 сентября 2001 года, размышляя.

18.

Моя скорлупка шибко, в зевон
Разбита. Трещины ветвятся
Удар смертельный. Вещий сон,
Ударив, будет повторяться.

И чем же держится душа?
В глубоких трещинах — угроза!
Услыть бы немертво, кружа,
И сон, и призрачные грезы.

Когда придет старуха смерть,
Душа свободная, пустая
Вольется плавно в круговерть
У белых врат благого рая.

И вновь сольется скорлупа
В непроницаемую сферу
Неразделима, хороша,
Хранит предания и веру.

23 сентября 2001 года, возле церкви.

19.

Перина прет белым пухом,
Нежна, как булга у печи
Ложусь не лбом, а правым ухом,
Не надо воплей. Не кричи!

Скорее в сон, в его чертоги,
Под черный, низкий потолок!
Как жаль, что выжмуты ноги —
Уснул, с собой не заволок.

По ним меня и обнаружишь,
Устав беситься и кричать,
Меня с перины сдвинешь, сдюжишь,
И, на замену, ляжешь спать.

Мы вдруг окажемся на взморье,
В цветущих тропиках, вдвоем.
Про дивный сад у Лукоморья
Дуэтом песенку споем.

24 сентября 2001 года, засыпая.

20.

Если в теле боль, словно жжется соль,
Значит: жив и душу в страхе — не неволь!

Отпусти шальную, пусть она летит!
К Богу в поднебесье. Он — не запретит!

И когда взомется дух твой до небес,
Ты постигнешь добро боговых повес.

Тех, что даль земную сузили до врат,
Только их отровишь — смерти нет и свят.

Никаких волнений, никаких страстей,
Нужен ли монаху ворох новостей?

Об одном известно — некто воспарил.
Броде бы не местный, вроде вправду жил.

Он кажим-то боком Бога кровный сын
Им — душа страдалица, нищему — алтын!

25 сентября 2001 года

21.

Что за глупость льется вольно по бумаге?
Дальше — хуже. Проще? Разве же? Глупей?
Прондадет рифме в темные овраги
Слов пустых и ласковых. Не стесняйся, лей!

Этой пустотой вперу мне гордиться,
Сам же без остатка ею поглещен.
И парю свободный, вольный, но не птица.
От роду без крыльев, даже не крещен.

Был бы воздух плотный, думал бы, как парус
Собственного счастья ширя озавернуть.
Здесь не нужно думать. Дошлось на ярус
Ваше поднебесье грешнику скануть.

Пустота над раем, над блаженством светлым
Отставаивает честно в сумраках земных.
Пусть себе кайфуют! Им придется, бедным,
Вечно наслаждаться муками плохих.

26 сентября 2001 года.

22.

Гора отчаянной обиды
В глубинах вскрывшейся души
Восстала, гордая и влады
С нее безумно хороши.

Мне вдруг привиделась соменья
В пыли раскрывшихся пустынь
И в них: узорные томленья
Ветвятся густо, как поляны.

И небо внутреннего смысла
Кольцует истин лепестки,
Бугоню трепетным зависло,
Сплетая мысли, как ростки.

Они сояются над верхней
Обиды, вперившейся ввысь.
И распластаются в долины,
Туда, где страхи собрались.

27 сентября 2001 года

23.

Дыру во мне пробили грубо,
Туда где твердь, где зное ядро,
Запели нежно траурные трубы,
Одна вдруг смолкла, звянув, как ведро.

Затем вдруг смолкли враз и остальные,
Севистит в дыре. И тоненько щипят
Сосколки рднные, а искры роковые,
Как из трубы под твоею, летят.

Холодный воздух черствых откровений
Проник к ядру, любовь обжалена
Тяжелым теплом дум и сожалений
Перегорев, осыпалась она.

28 сентября 2001 года.

24.

Ятаган-см огненным задет,
Рана открыта. Болит нет, не чуя
Войлок смерти всталелн, согрет
Теплой тканью вечности. Тоскую

Боль придет уже перед концом,
Всплеском жизни кинется по ране,
Варежат сердце, огненным венцом
Полькнет во тьме, в разверстой яме.

Мне она знакома, ведь во сне
Завел не раз мне открывался
Падал вширь, но криво на блесне
Повисал. И тут же просыпался.

29 сентября 2001 года.

25.

Тяжелые доски сырого мосточка
Над чешско-ливной рекой,
Созревшая тьма пропиталась до точки,
Так хмелем полны мужики.

Пыль надрывная слезам прокладя
Ночного простора. Вода
Струится беззвучно из самого ада
И свет в глубине неведя.

А ночь изливается в черные воды —
Так жизнь истончается в тоды,
Идут по мосточку впоодаль угорды,
Чтоб выбрать свою неведя.

30 сентября 2001 г. года.

26.

Вода струена, как желваго
До зноба ступило в мороз,
Открылась ливая и режет
Листы ушедшие берега.

Вуалью холода струится
По веткам тонким желтизна,
И в ней можно не загорится
Остывших сфер голубизна.

В них нет весеннего томления
Распелся, лучного, как соль,
Все пресно в холоде. И ливью
Небес-пустых облака голы.

1 октября 2001 г. лос. Северные.

27.

Слезы мои — браток щек,
Слышно, но боль не пишется
Ужас меня извлек,
В сердце вошел и нежится.

Сладость его кришка,
Словно вино цариное,
Чувствую боль щипца,
На отставщю, ливую.

Знаю, что близок уж срок...
Так отчего ж мне сладостно
Плавать и траурный сок
Слез моих слизывать радостно?

2 октября 2001 года.

28.

Меня ты крестила водю
Семью истопленным обед,
Твоей просветлен з бедю
И искренним горем убит.

Стылась неутоного тела —
В нем тужи томится душа!
Она бы давно отлетела,
Да больно уж ты хороша!

Почти что святая. И страню,
На чаше же тебя я купил?
Во всем вывокат. Покаяню
Склонюсь за то, что любил.

3 октября 2001 года.

29.

Нет, не гулять мне в теле налегке!
Оно свинцово, тяжестью нагито
С трудом я вижу в хмуром далеке:
Окно во взоре намертво забито.

Подслеповат. По мере долгих лет
Не то, что видеть, чувствовать не смею.
Опасных чувств отточенный слеплет
Упратал в складках жира. Гриво.

Мой голос тонок, словно у енца
Сколцом лицу сквозит суженую глотку.
И словно дама, требую винца,
Вдруг позабыв про огненную водку.

Тепло и войлок виснувших телес
Задущит звук мятущегося духа
И так сойдет! Пусть виснут, не воскрес,
Не обрета врачущего слуха.

4 октября 2001 года

30.

Маска железна. Я чувствую голь
Завалился в кожу шаршавых заклепок.
В ранки: шипит неуменная соль,
Живется, как солнце в пустыне, меж сопок.

Черным металлом моя голова
Скована намертво, но незаметно
Сквозь гриммают на волю слова
И растахрываются в тишь. Безответно.

Да и поймет ли хоть кто-нибудь слог,
Переображенный грубою маской?
Сам я недавно не понял, не смог,
Что признаю, несвободный, с опаской.

5 октября 2001 года

31.

В котловине существую,
Давит столб печальных дум.
Не задавлен, но рискую
Отойти, как жрец, в Фаум.

Глухо эхо погребений.
Ими, ватными, обьят:
Помню искорки сомнений
Украшали жизни плат.

Вот он, край веселой жизни —
Котловина — в ней томлюсь.
В чьи-то вечной укоризне,
Не прозревший, утоплюсь.

Стужа смертная прихлынет
На зимовье стальных душ,
Разольется мелко, минет
Сквозь тоску немую глушь.

6 октября 2001 года

32.

Надолго ли мне отмеряется срок
Играть с обретенными смыслами?
В забвениях случайных уткнуся в уголок:
Пусть стонут вокруг с укоризнами.

«Что, братец, уныл?» — усмехнется судьба,
Явившись лукавою девою.
«Неужто устал и не в радость ходьба
Стороной нехоженой, влевою?»

А, может быть, жив и желаешь грешить
По жизни, зачем-то невзвонной?
Неужто не сможешь уже полюбить
Любовью, с бессмертием связанной?»

7 октября 2001 года

33.

Раскуй же, смерть, тоску мою по ней!
Лишь ты сильна, как боль моя пустая.
Ее не вижу. Горько мне. И ей
Свои стихи, чтоб выжить, посвящаю.

Бегу от тьмы, все льющейся как сок,
В пустыни вечно дряхлых бесчувствий.
Но тяжело! И тяжесть мне, как рок,
Ни мысли в нем, ни страхов, ни напутствий.

К ней нет пути. Бессмысленно искать
Тропу любви, заросшую бесследно.
Скорей бы край! Скончаться и лежать
На вечных крыльях, плещущих победно.

3 октября 2001 года

34.

Расстрой меня! И пусть ослабнут струны!
Пусть растеряю нот веселый плас.
Зачем мне петь в присутствии фортуны,
Барду замелевшей в теплых складах рас?

Рассыпьте по мне из пригоршни алмазы.
Пусть же! блестят на лаковой доске
Моей любви, отгетой по заказу
Людей нетрезвых, дремлющих в тоске.

Вокруг меня, как в пьяном ресторане,
Угарной ночью, рухнув под роуль,
Они глежат, в кто-то на диване
Снегом сон борзнет искренне. И жаль,

Что ты случайно, вовсе не желая,
Связала жилы струн моих. И боль
Звенела в них, Бемолями играя,
Ссыпая их на клавиши, как соль.

9 октября 2001 года

35.

Из тех ли я, что едут налегке?
И сам не знаю. Люди не подскажут.
Сижу в своем разваленном ботке
Совсем один. Дорогу не укажут.

Возница горький. Жалок и смехон.
Из тех ли я, что возят за копейки?
Так кем же я с дороги удален
И брошен, безлошадный, в теплогреек?

Не вывезла лошадка на большак.
Струится дождь, раскисло у дороги.
Какой же я невиданный дурак,
Зачем залез на жиденькие доски?

Ужель не знал, что ездить не могу,
Не повезут. Навяный, просчитался.
Теперь вот в поле звезды стерегу
И знаю точно, хватит, откагался.

10 октября 2001 года

36.

Узнает доктор, видимо, меня,
Когда на цыпке холодно и странно
Пред ним предстану, голову склоню
Немногого набок, словно покаянно.

Таких, как я, немного. Эскулап,
Одним движеньем грудь мою вскрывая,
Большое сердце выхватит из лад
Грудных скорлуп, как яблоко из рай.

Таких, как я, он сразу узнает.
Не по лицу, по срезанному сердцу
Оно — живое! Дышит и цветет.
Роняя сок на цинковую дверцу.

11 октября 2001 года

37.

Мое непрожитое «Я»
Сольется с тем, что «Ты» открыла.
Времен не станет. Бытия
Остынет огненная жила.

«Я» станет «Ты».
И «Ты» — взаимно
Вольется в жаждущее «Я»
Нижем неведомо. Итинимо
Всегда вершилась жизнь моя.

Но в этом трепетном слияньи,
Как розы, рифмы расцветут.
И в бесконечном мироданьи,
От «Мы» излившись, пропадут.

12 октября 2001 года

38.

Пекло губ излило пламень
Ожанило жарких слов.
Пламя рукою на камень
Беспробудно нежных слов.

Не взаправду, а в эфире
Запредельных небелиц
Сладко грезилось о мире
В море роз и в ленья птиц.

Там плоды налиты светом,
В золотых ветках сверкая,
Хорош зимой и летом
По садам иного кова.

А когда они созреют,
Зерна огненного цвета
В жаркой мякоти злеют
Как листья в лучах рассвета.

Эти зерна по туманам
Сонник грез рассыплет блики.
Утро таяится обманом
И откроется под крики.

Обожженных губ цветенье
Сонным вымыслом нальется
Преддвусветное томленье
Жарким стоном отольется.

Сад любви из снов прекрасных
Клеурми утром в октябре
Отзовется в звуках красных,
Как рибина во дворе.

13 октября 2001 года

39.

Пусть карлики клубятся у порога
Души моей. В сплетенных olive
Я — самый вольный, самый стройный, стропил
В саду один, как гром, велеречив.

Мой лоб высок. Синием нездешним
Он освещает дравные стволы.
Воскресло лучшее, дурное стало вашиим,
Земные думы стали мне малы.

Гляжу орлом, пронзаю взором тучи
До дымных скал далеких берегов.
Вот доберусь! В заснеженных кручи
Взойду на пир приветливых Богов.

И в золоте желанной середины,
Где истина, как кровь, открыта,
Я встречу тень возлюбленной Ирины
И стану тенью, если тень она!

14 октября 2001 года

40.

Если бы ведал я меру,
Если бы видел я грань,
Прощай бы скучную веру,
Стал бы гулька и рвань.

Пил бы уж спозаранку
Спал бы, похмельный, в закат,
Душу, как гнойную ранку,
Был бы асковыривать рад.

Только не мерой и гранью
Замену то тело назек
Словно и целлюк, в упованиях
Маюсь земной челсекек.

Пусть и обычно, но верю
Верую дышит душа
Мне, одинокому зверю,
Совесть до искр вогораша.

15 октября 2001 года

41.

Пришли туманы ледяные,
В осенней сумерке улеглись.
Налиты влагой, пьяненьки
Им не подняться, твоею, высь.

Белесым соном загустели
И в нем рибина, словно кровь.
Как будто ранена, а нелик,
Сочится поздняя любовь.

И листья редкие кружатся,
Играя золотом, летят,
Не стоит осень болтаться,
Не кровь! Рибина отгорат.

15 октября 2001 года

42.

Цветок любви нам дан случайно,
Весь ты в годях. Могли бы спать,
И запах сладкий, идеальный
Не стал бы чуждо различать.

Но как же нежная дремота
Плывет по чуту кружеву?
Блаженства малые ослы
Полны. Мадовые слова.

Ятарным светом озарило,
В них собран чистой страсти цвет.
Цветок любви. Вай, мы любимы,
Забьете про груз прошедших лет.

17 октября 2001 года. думаю про слова о греку

43.

Смотри же, край мой, в золоте лесов,
На то, как бьешь над словом первородным
И рву тугие жилы пополам,
Стынувших грудь с бесчувствием холодным.

Она немеет. Слишком глубоко
Бошли ремни коротких размышлений.
Лишь рана сердца теплится. Легко
В нее вонзились лучики томлений.

Кровавым шаром сердце разрослось
Под низким солнцем осени, глубокой.
Пожар в груди последний. Не пришлось
Порвать ремни весной светлой.

18 октября 2001 года

44.

Да, я один из тех!
Испуганный, как лист.
И рыжий, словно мех
Давно убитых лис.

Доставшийся дождю,
Упрятанной в чулан.
Ну, что ж, что я плохой,
Но смиренный — не смутьян!

Остался от отцов,
Повелевавших меня,
Под флюк бубенцов
Горячего коня.

С мороза нежен шелк
Стружцисся шерсти.
В ней люди знали толк,
Опробовав в горсти.

И вешали в чулан
От стужи остывать,
Гваделупский барабан
Ночами вспоминать.

Пусть минул долгий век,
Забыл и молью бит,
Сжон-ался человек
Доха его — висит!

Душа же вся во мне
Я полон ей и свят,
В чулане, как во сне,
Глаза его горят.

19 октября 2001 года

45.

Ты далеко. И даль, как боль.
Она со мною долго, столь,
Что сваялся с тяжестью ее.
Она — свечение мое!

За то, что счастьем упоен
В восторге грешил — мы вдвоем!
Считал, что белый, легкий свет
Не погасить. И здесь ответ.

На страстью заданный вопрос,
Зачем бреду я среди бесов?
Осенней, сумрачной порой
Под темной, стынущей горой?

Даль от тебя, но в сердце — близь.
И голос страстный мой: «Вернись!»
Ко мне, к любимому, домой.
Ко мне, убитому виной.

Ты далека не далью звезд,
Птенцами, взмывшими из гнезд
Отмерев вольный твой полет.
Ты — птица. Сердце не умрет.

Пока ты в небе Голубей
Твоих играющих кровей
Лишь боль лучистая моя.
Пока мне больно, жив и я!

20 октября 2001 года

46.

Ну, как тебе живется без меня?
Наверно, проще. Глупые вопросы
Тебе читать нелепо. Наклоня,
С досадой легкой лист читаешь косо.

К словам привыкла. Блеклые бегут
Все те же рифмы, стоны, причитанья.
Почти скучаешь. Строки в тонкий жуут
Легко савваешь. Тексты без названья.

Тебе уж ни о чем не говорят.
О чем пишу — тебе неинтересно.
Любовь в тебе угасла. Чувства спят.
Ты больше не летаешь. Тесно.

21 октября 2001 года

47.

Почувствовал мне просто.
Я живу с давнишней женщиной.
Я мою с ней посуду.
Дрейфую парой долго.
На плаву большая лодка
Глухости и блуда.

И, собственно, плывется
Без хлопот.
По скользким водам
Пошлости тяжелой.
Она, пока я рядом, не умрет.
И будет жить бесленой и веселой.

Мне скуку пошлости
В долпугу за покой
Судьба оплатит щедро.
Не считая.
И я без судорог устроюсь за рекой
Небесных вод.
На мягких травах рая.

22 октября 2001 года

48.

Снег, как перхоть.
Мелкий и сухой.
Пылью вьется, падает на плечи
Родные, притихшей под сохой
Осени, явившейся калечить.

Острым срезом
Ранных холодов
Частью строй деревьев обнаженных.
Беззащитных. В сумоке лесов
Близко зимю обреченных.

Безответна мерзлая земля.
Отторгши стройных великанов.
Жертвует, смиряющаяся, для
Заморозков утренних
И дневных.

23 октября 2001 года

49.

Про жилы нечего сказать.
Их, беззащитные, вскрывали.
Они иссохли, не узнать.
Что люди добрые сказали.

Уже тогда, когда в полет,
Воздушна и неуязвима,
Душа вспорхнула. И поет
Теперь меж крыльев серафима.

Но тело грузно оплыло
Мертво. И небу в укоризну
Его, как землю, развезло.
Когда дожди справляют тризну.

Оно черно. Еще трава
Его доверку не обьяла.
Быть может, ты была права,
Когда, надменная, сказала,

Что ни душа моя, ни плоть
Тебя давно не занимают.
Хоть кровь, вернется в жилы, коть
Меня посмертно оправдают.

24 октября 2001 года

50.

Прячу голову. Мал воротник.
Ветер резкий, с морозом крепчает.
Этим вечером я отпущник.
Вилью водки и мне полечает.

Что ж, что ветер! Не я ли печаль
Принимаю в тончайшем сияньи?
Разливаю рассветную даль
В беспокойном, как кровь, трепетаньи.

Мне бы справиться. Гложет тоска
Луше ветра со стоном, кружится.
Чуть глетает на динь волоска
Хмель, взмывает, как легкая птица.

25 октября 2001 года

НЕБО

2.

Уединением кращен
Еще младенцам. Ныне знаю,
Что в одиночестве пленен,
Хотя не связан — и летаю.

Высоко небо, но тюрьма
Бывает с небом, как с овчинку.
Парю. Губительно нема,
Безмолвна синяя картинка.

Неволя холодной густоты
Змеей avvolзает тайно в душу.
Сомкнулись стены высоты,
Конкретны мысли. Словно суща.

Раздольный бел, высокий волн
В песках зыбуних прекращает,
И вольных чувств игривый челн
Простора дикого лишает.

Зажат снаружи и внутри.
Один, в огромном каземате
Души и неба. Нет пути,
Как нет округлостей в квадрате.

27 октября 2001 года

Небо. 1.

А мне от нее — затаюсь,
Пусть минут лукавые толки,
(Бедь знали, собаки, влюблюсь) —
Нужно наших встреч недомолвки.

Мне сладок покой тишины
Ее негорстого молчанья.
Не знаю за что, но вина
В груди ощутил трепетанье.

Молчанье — дыхание — речь,
И там, где дыхание — услада!
Услышу, не может не петь
На слух мой созвучий отрада.

Но слезе пленительный миг
Пред тем, как рождается слово.
Я им очарован. Проник
В великую тайну. И снова

В преддверии слова томлюсь,
Глазами тебя пожираю.
И так, как в тебе, я влюблюсь
Лишь в вечных объятиях рая.

26 октября 2001 года.

3.

Узникalez по брюхо в грязь,
Она густеет на морозе.
Ну, что ж, бывает. Все — вылазы!
Брежи и расколотой березе.

Кромешна тьма, но ствол белес,
В ночи единственно приметен.
Тот черт, что нас сюда занес,
И тот в полночь незаметен.

Какие черти! Здесь горит
Один лишь мрак могильным светом.
И здесь с небом говорит
О том, что все мы здесь — с приветом.

Бессильно! Родственный дурак,
Сюда заведет на ночь глядя
Береза старая, овраг,
Под ней продрогший, грязный дядя.

Вокруг полгучки грустят.
«Теперь придется ждать рассвета!»
Вприпрыжку махает, не спят.
На лужках лед уже, не лето.

Мерзца в погнувшей дали,
Горят огни деревни сонной.
Мы замараем на мели
Земли, к зиме приговоренной.

28 октября 2001 года. Атрать, час ночи.

4.

Когда ж прольется сладко горе
С моих нахмуренных небес
Души, поющей в дружном хор
Расцветших крыльями повес?

Порхают милье бесленю
Пред взором грозного Творца...
Лишь мне — не легче, видно, вечно
Искать порог Его дворца.

Душа страдаем объята,
Но в этой муке высока
Она — бессмертна и распята,
Ее мучения — в века!

Ее огонь сжигает тело
Еще немного — и сожжет.
О, как мне больно! Пусть из тела
Она прольется и — вспорхнет.

29 октября 2001 года
Атрать, четыре часа утра, выбрались.

5.

Мне предстоит года забвенья:
Я надоед тебе. И вот
Моего зифама отравенье,
Как в пелнах парусник, плывет.

Тугие ветры упоений
Надули паус. И звенит
Струна неслышимых признаний,
Летящих к скалам на гранит.

Они остры и беспощадны
Твоим презрением ко мне.
Встает грядкою безотрадно
В забытой Богом стороне.

Как мне причалить к этим скалам?
Да так, чтоб лодку не разбить.
Пусть одиноком и усталым.
Пусть без тебя, но все же плыть.

30 октября 2001 года.

6.

Неба нет. Лежит пластина
Светло-серого свинца
Ею сдавлена равнина
Без охраны, без конца.

Но сшивают две холстины —
Больно: дождь из мелких слез —
Поднебесья и равнины,
Иглы острые берез.

Их стволы стежками сыплют
В войлок стершейся земли.
Под свинцом небес не нинут,
Не ломаются они.

31 октября 2001 года, козловский спуск

7.

Рога мои уперты, тяжелы.
За что украшен — долго разбираться.
Одно очевидно, видимо, малы
Нет изысков, торчат и не ветвятся?

Не в том здесь смысл, что кто-то виноват.
Здесь не сюжет для пошлых анекдотов.
Но в черепе отверстия горят,
А в них рога заворачивает кто-то.

Мне н-чем крыть. Тем более ее
Не вижу вовсе. Льется месяцами
Глушащее томление мое
И душит грудь тугими поясами.

Рогат? Прекрасно! Можешь отдохнуть.
Живут же люди. Могут ведь бодаться!
Все маяются, не гордые на грудь
Рога винтившей плечут и ложатся.

1 ноября 2001 года.

8.

Друг мой тайный, голос мой грудной,
Знаю, мне ты вовсе не товарищ
Ты, как червь, жавешь во мне кривою,
Огибая пропасти пожаращ

Ямы жара — вот моя душа
В пламени печаль моя вершится
Слышу голос. Льется. Хорсша
В нем осуществленная водица.

Холодна, но ею не унять
Пламень жуткий, пьющий подпорки,
На которых мог бы я стоять
До последней, Божьей разборки

2 ноября 2001 года.

9.

Когда-то золотой обрез весенней тучи
По май-ю молодой и весело гремучей,
Во мне буили восторг проснувшейся души,
Часами пропадав в щебеющей глуши.

Весенний лес замет стволы пахучих сосен
Их бронза горяча, как полдень поздних весен
Огня небес по ним пропущено свечение,
А вместе с ним парит по рифмам вдохновенье.

Что золото — то шелк, а там, где пурпур — шерсть,
На мне как на царя, судьбы счастливой перст
К бесчисным небесам я ею приобщен
Мне чудо по плечу. И все же я смущен.

Мне слышатся сквозь звон тревожный шепоток
Градущих холодов мне ведом слабый ток,
Он змежкой меж кустов, невидимый, скользит,
Но вот придет ноябрь — и он заговорит.

Ветрами по ветвям, по волнам темных вод
В образах, там, где тьма, затеет хоровод
В жуты переплетет ночные сказочки
Рассветы поползут по ним, как слизняки

И там, где неба край горел меж дальних туч,
Вдурт встанет серый вал — огромен и могуч
Не шелком, не сукном, но войлоком простым
Укроет солнца глаз и станет он пустым

И этой пустотой, в темнеющем лесу,
Душа, как наждаком, отточится в косу
С холодным ветром в лад с ней сорвется свист,
На землю упадет последний, желтый лист

3 ноября 2001 года

10.

Хотел бы быть голубоглазым
И стройным в семьдесят. И петь
С тремя девушками, чтоб резан
От первой рожки не хмельеть.

Но глаз мой зелен, как болото
В веселой раске по весне,
Не вдохновень, а забота
Живет, тревожная, во мне.

Кавие девушки?! Хмелюю
От легки запахов вина,
Я неприкаянный. Старюю,
Мне поздно каяться. Она

Меня навечно покидает
И, одинокая, жавет,
А зелен глаз моих скисает,
Душа в разлуке не поет.

Обрюзг, как пень, налитый влагой,
Колодой темной лег на склоны,
Почти недвижим, доходяга,
Старух пугаю и верон.

4 ноября 2001 года.

11.

Дорога в сером, дождик моросит.
Деревья голы, смазаны в тумане.
И простынь неба, влажная, висит.
Туман парит под нею, словно в бане.

Но нет тепла! Уж близится зима,
Прозрачным паром осень напыивает,
Ноябрь — предбанник холода. Нема,
Простужена природа засыпает.

И только я туману вопреки
Согрет до дрожи утренней дорогой,
По вой мне плыть. Мы пленники реки
Холод-ий вечности, несущей волны строго

5 ноября 2001 года. Ядринские шоссе.

12.

В остывшем поле дерево стоит.
Одно, без листьев, осенью раздето.
Черно ветвями голыми. Разлит
В их строгой четкости простор рисунок лета.

Узорный знак ушедшего тепла.
Звенящих дней искусный иероглиф
Впечатан в гладь рассветного стекла,
Как редкий вензель, вписанный в апокриф.

Мне ведом смысл узора в пустоте,
Лежащей в поле, будто бы не ложе.
Его познав я, Илею в красоте
Блаженной дрожью льющейся по коже.

6 ноября 2001 года

13.

Мне нравятся деревья в ноябре
Они просты без лиственного сора.
Заметны, как бородахи по коре
Слепаются в некие узоры.

Неяркий свет струится по лесам.
Простор открыт глубокий меж стволами.
И словно руки тянут к небесам
Над собственными стройными телами.

Как вольно мне идти в пустом лесу,
Силою тишины изысканных силуэтов,
В которых небо спрятаю красу
Для странствующих по миру поэтов.

7 ноября 2001 года, под Красными Четами

14.

То тучи, то туман. Меж ними иногда
Вдруг разольется солнечное пламя.
Лучей прямых блестящая града
Им, словно бритвой, заиграет, рваня

Сяду мглу до сочной синева
(Везде раны неба сильно истекают
На желтый ворс усохнувшей травы,
Что в инее рассветном засыпает).

А там, за этой режущей грядой,
Опять клубятся бархатные тучи,
Плывущие неслышным чередой,
Похожей на вздымающие кручи.

8 ноября 2001 года

15.

Нам небо дарит снега белый
Кружащий с ветром хоровод.
И в этот танец угорелый
Близлась вся мощь небосных вод.

Земля лучится чистотой,
Похорошела вдруг, пуста
Под снежной, свежей высотой
И под созвездием креста.

Все стало легче. Тяготенье
От снега слабнет, устает.
Вдруг начинается лавинье,
Точка пушистый снег идет.

Вдруг открывается дыкание
В прокранстввах болжк чистоты
В душе лучится упование
На то, что вновь вернешься ты.

9 ноября 2001 года

16.

И все там сарое в черном
Под взором Творца рождено
С тех пор по утру беспримельным
Сияет мглою оно.

То темным ланном разольется
По лицу рожденного дня,
То лесам туманом валомится,
Прохладу ночную храня.

И в час, когда алое солнце
Нанет коза засветавать,
Оно соберется на донце
Небес поплакавшие — сталя.

Но, только склонится к закату,
Устав, угасавший день,
Просятся Остроной запалотой
Повиснет тиглалая тень.

10 ноября 2001 года

17.

Я думаю о ней
Забыв в межле силлах
Любовный трепет дней
Тынепеленных и мольки.

Пусть нет ее со мной!
Силою пытки расставания,
Измученной ямкой,
Храня огонь меланый.

И в гашети живут
Те слове мненяны,
Когда сивались в мгу
Прижонья и томленья.

И это чувство к ней
До гроба не превратится,
За ним, в краю томой,
Как это, отзвонится.

11 ноября 2001 года

18.

Лоб не лоб мне. Голова
Из карельского гранита.
Ладно тесана — юва
И о стену не разбита.

Если б бился о нее,
О глухую стену неба,
Богом втертую в живые:
Поздно убранный хлеба;

Если б тяжелой булавой
Сокрушал высоты злые
Свет бы лился огневой
Сквозь расщелины кривые.

В них, как в вязы вздутых жил,
Вместо крови бился б пламень.
Вот тогда бы я любил.
Пусть не плоть мой лоб — а камень.

Стены прочны, но любя
Бился б лбом о них упорно,
И от трения заря
Разгоралась бы задорно.

Пламенела бы Во лбу
Зарождалась искра смысла
Раньше — дрезанье табу,
Позже — счтенные числа.

Глухо все это. Плита
Лба блестящего, простого
Мертвым светом калита
Безразличия пустаго.

12 ноября 2001 года

19

Лира — древний инструмент
На ахей-хэй круглой вазе:
Золотистый позумент,
Мальчик, пляшущий в экстазе.

Красной глины ободок
Из под черной краски светит
Двадцать сотен лет. За срок
Мальчик с лирой не ответит.

Сотни лет ему ничто,
Незаметны, слиты в вечность.
Он поет, но вот про что
Знает только бесконечность.

Да быть может, я постиг
Звучок сладость. Сквозь злочи
Лиры закон меня настаит:
И распечат счастья крохи.

13 ноября 2001 года.

Пусть сани сломаны и сорз
Растут завалы по углам.
Во мне — сверкающие горы?
И жизнь моя — напополам?

Одной лишь я половины.
Прожил, беспечный, как пришлось
Но там, в конце, у горловины,
Оно сияет, не срослось.

19 ноября 2001 года

26.

Ты мне подарила видение рая,
Явилась, у самых верот.
Расплету створки, до самого края
Дорога, а дальше — в полет!

Пока ты не узана, в недрах материй
Искал неразгаданный смысл
Мне все не давался святого критерий
За четкостью сложенных чисел.

Но ты повела меня, лучиком света,
Сквозь плотный завес вещества.
Идя за тобою, увидел — раздета,
Расплету до естества.

И суть твоя та же, что белого рая —
Слияние вольных пространств —
В них дух обитает, бесечно играя
В непотных слоях постоянств.

И есть ли там боги? В присутствии светлом
Твоей легкокрылой души
Уж если и быть им, то ласковым ветром,
Летящими в великой тиши.

Ты — искра во глине, по водам тяжелым
С поверхности — в темную ють.
И там формируешь сияющим весельем
Материю вязкую ступь.

Меня неподъемного, в хаосе диком
Находишь и тянешь в струну
Уже не лицом награждаешь, а ликом,
Сияющим сквозь плену.

20 ноября 2001 года

27.

Для мира ночь не время — колыбель,
В которой дремлет он, бескрайний и могучий.
Усыпан звездами, просыпались сквозь щель
Из мира легкого, где реет дух летучий.

Духовна суть. И в звездах, и в луне
Она лучится, искрится, играет.
И, крепкая, во мраке, как в вине,
Свой градус сладкий вечно набирает.

И этот сон пьянящей пустоты
Кружит планеты, солнца и кометы
Неясно как, но прелесть красоты
Его испив, вдруг чувствуют поэты.

И, коль кружится в мыслях голова,
Обмана нет, но есть непониманье,
Как бездна мира — плоска ли, крива —
Раскрывшись в духе, станет мирозданьем.

Неясно, как же действует закон,
Как совместить его и бесконечность,
На чем же он в бескрайнем закреплен,
И для чего, коль прелят смерть и вечность?

Они безмерны, словно океан,
Поглотят всех, скитающихся вольно,
Решивших вдруг, что можно тайных стран
Достичь легко, почти что добровольно.

И как понять веления любви,
Расцветшей вмиг меж хаосом и духом,
Разлившейся пожаром по крови
И взвившейся под звезды нежным пухом?

21 ноября 2001 года.

28.

Великой, искренней свободы
Во мне уж нет, ушла, как дым.
Плывут, покачиваясь, годы,
Собравшись в черный, легкий клин.

А ведь давно высокой волей
Увенчан был и награжден.
О, если б знал, как этой долей
Был легкомысленно польщен.

Почти ребенок, в юном раже
Считал, что жизнь моя проста,
Беспечна, сладкая и даже
Судьбы не ведала креста.

Скользил, как птица, в тихом небе
В лучах идеи мировой.
И мог ли думать я о тебе,
О тяжелой тебе гробовой.

Была ли смерть моей подругой
Пусть нежеланной, пусть на час?
Душа моя была упруга,
Беспечна — я ее не спас.

Она, крылатая, свободна
Была тогда, когда я жил
Без чувств нескромных, благородно,
Ведя никого я не любил.

Люби отсутствие лелеет
Нас вдалеке от черных врат
Долины смерти. Мрачно млеет
В ее глубинах страшный ад.

Но, вот железные окопы
Любовней страсти, словно жгут,
Смертельно стянуты. Основы
Свободы жизненной падут.

Сильна, как смерть, любовь до гроба
Она разит, как пуля, влет.
Я умираю и утроба
Души сраженной не поет.

22 ноября 2001 года.

29.

Была пурга в небе
Высоким куполом блистат.
Белые-белы и захват хлеба
Над снегом искристым стоит.

Не знаю, как же так случилось,
Что хлебом пахнет свежий снег,
Как только солнце появилось.
В прокладных сферах легки нег.

Быть может, там, в горнила чистом,
Где в валах дремлет небо край
Созреп, как хлеб в печи, душистый
Зимы пришедшей караван.

23 ноября 2001 года.

30.

Плыву утром сивой душой.
Весь в слезах, но слезы не видны.
Станет легче, если только вскрою
Волдырь задумчивые вены.

Пусть прольется черное роско,
Словно пшю, глянча и густа.
Боль кончится адекватно. Я знаю.
Может, даже выкину. Пуста.

И сползла мелкая душошка
Станет вброду, испавившись, навзрыд
Без вены, парящая мыслью
Никому не нужен. И забыт.

24 ноября 2001 года.

31.

Туман упал. На призрачном погосте
Почина осень. Близится зима.
Деревья черных глянцевых костях
Едва видны. Убогие дома.

Парит во мгле, как призрак, немые,
Расплывшись кляксами в студеное молоко,
Кричат вороны. Узкие, кризисные
Тропинки выются к маленькой реке.

Ее не видно. В ямине оврага
Лежит пластом недвижимо: муть
Скучит вдали выгнанный дятелю,
В душе воплотив отчаянник: жуть.

Она ползет к немощному сордду
Вот так, быть может, близится конец.
Лежит туман: ни форточки, ни двестицы
В нем не пробить, а, значит, не жалец.

Печальный год сплывшейся разлуки,
В котором я тебя теряю вновь.
В тумане плочет крик вороний. Муки
Мне не унять, ведь кончилась любовь.

25 ноября 2001 года
Какая-то маленькая деревня под Козловкой

32.

О, если бы ты знала, как боюсь
Грядущей смерти. В ужасе робею
Мы все уйдем. Непокоренно бодрюсь —
Пусть людям кажется, что счастливы я и млею.

Ты, как всегда, беспечна, холодна.
Какие-то несные улыбки
Мне посылаешь милое. Дна
не вижу в омуте, где маленькие рыбки.

Твоих скользких, кружащихся слов
На глубине, сквозь темную прокладку
Крючками смыслов поймаю. Улов
Мне должен дать смирение и усладу.

Но вместо смысла обморок и дремь.
Не омут — бездна. Медленно кружится
Водой свиной вьющая ложь
О том, что смерть, быть может, не случится.

Что рай возможен. Легкая душа,
Коль не грешна, в нем скоро водворится.
История, бесспорно, хороша.
Но от-того-то страшно мне, не слитися.

И я боюсь кончины роковой.
Твой голос ласков, нежностью лучится,
Но в нем — хинжал. Я чувствую, кривой.
Он в грудь мою безжалостно воткнется.

26 ноября 2001 года.

33.

Ноябрь и ужас схожи, словно братья.
Их темень зла, обрушившись — крушит!
И лишь в одном страдание и счастье,
В любви, едины. Противостоят.

Ее колонна белая ударам
Белой палиты тоскливых зачеров.
Она звенит, беснуется. Пожиром
Облита гладь смякающихся льдов.

Как перст, торчит в немереный Вселенной.
Она — одна. И в бездне черной тьмы,
Как знак для тех, кто жив благословенным,
Сверхкаким предчувствиям: весны.

27 ноября 2001 года.

34.

Есть ли у беспамитных надежды?
Есть ли у беспутных горький стыд?
Нет, конечно. Только у неведжды
Мысль ожесточенная горит.

Все ему, неумному, неймется.
Глухих слов теснится череда
В голове встревоженной. И льется
Лихо густословия вода.

В памяти пробелы, словно бельма,
А глаза: за слоем покрывал.
Все внутри расколото, не цельно
Помню: кто-то в лоб поцеловал.

Этот кто-то черен был и страшен,
Распустив округло пару крыл,
Он спустился по небу. Окрашен
След его кровавым густо был.

Стыл ноябрь, но холодом январским
Вдруг стеснило грудь мою. И рот
Искрыл: просят: не царским,
Не великим, а насборот.

На мгновение будто бы заблос,
Словно умер, стиснутый во льдах,
И, очнувшись, в мир иным явился,
Пугаясь в словах и в именах.

Жизни крут не полней и не цельный,
Быть осколков рижущих. Столбняк
Вдруг навал. От тела я отдельно
Между ним и мыслями — сквозняк.

В нем ниц и смысл, и понимание,
Сетью рифм ловлю его в слова.
Кажется, что в этом соиздание,
Но болит от трещин голова.

Тот, что в черном, взылся. Забываю,
Был ли сн? А, может, и не был?
Только я беспамитство скрываю,
Пусть хоть дьявол этим наградил!

Да, хоть Бог! За что-то ведь наказан.
Если я безумен — заслужил.
Мой язык безумием развязан —
Я бреду среди храмов и могил.

Пусть бесвязан полет мой, но грозно
В нем клокочет ужаса поток.
Если кто-то вслушался серьезно,
То услышал смерти шепоток.

Тот, кто понял странное наречье,
Ощутил, что слепые уста,
Говорит про страшные увечья
Странника, не снятого с креста.

28 ноября 2001 года
Проезжал, кажется, в Карамышево
В освещенном окне школы мелькнула
репродукция с картины Крамского
«Христос в пустыне».

36.

Рядом тетка. Грузная и в шапке.
Что-то пишет, возится, сопит.
Шлепает бумагами и в папку
Грязные тесами теребит.

Ну, а я все слушаю. Спокойно
В рифмы лью тугучие слова
И веду себя благорстойно.
Только знаю — дама не права.

Что она все шепчет, все вад-ихает?
Ведь мешает слову выражать!
Ну, да ладно, вместе мы, бывает,
Скоро кончит, нужно подождать.

Но она все пишет, все тоскует,
Выводя нетвердые слова.
И — достала! Больше не рифмует,
Не идет по текстам голова.

Да и муза, давняя подруга,
Уж и так все терпит, все молчит.
Но, она мне, в общем, не супруга
Вот возьмет и, зная, улетит.

Что ей делать рядом с оборванцем,
Пишущим в присутственных местах?
Ей привечней с радостным румянцем
Власть походить на солнечных мостах.

Так и есть — надулась, улетела.
Как писать не ведаю. И вот
Тетка, что соседка мне, дебела
И огромна в образах встает.

От нее не скрывается мне и в звуках
Мне она является, как тень.
Муза разобиделась. И в муках
Без нее заканчиваю день.

30 ноября 2001 года.
В ожидании заседания ЦИКа.

35.

Вот в этом небе золото слегка
На серой дымке утренней искрится
Почти декабрь, но утром облака
Пльвуг! нечасто, вольные, как птицы.

Средь пугливых, раслазнуток высот
Они легки, изысканно курчавы
Как будто в мае. Воз наоборот:
Вокруг зима, но в небе величавы.

И велики, как горы, облака
Почти расцвет. Личное светило
Чуть плаззалось. Раздвиг бока
И вот оно по небу покатило.

Окрашено наяркой желтизной,
В розовых бликах нежится, как фая
Огромное. Безветренный покой
Вокруг него стучается, немая.

Невысоко летит оно. Слегка
Взошло над краем белого откоса.
Лишь часть часов отлучено. Пока
Пучи сжики расплескивает косо.

Потом уйдет медлительно. За ним
Свернется небо бледным покрывалом.
Взойдет звезда и в сумраке долин
Свернет ее отточенное жало.

28 ноября 2001 года

37.

Ни белого света, ни солнца. Во мраке
Таятся коварно одни буераки.
И ямь: хищно и грозно темнеют.
Натянуты нервы и руки немеют.

И хлеба немного. Видать, не отрежут.
Сказали: «Самим не хватает». И скрежет
Зубовный и страшный над ухом услышал.
Да, ну их, придурки. Одесья и вышел.

Да, только спешил. Не заметил, что двери
Забиты досками. Не люди, а звери,
Увидев меня, беззащитного, встали
Смыкают кольцо неприступное. Ждали.

Теперь разберутся. Вот будет потеха!
Им лишь бы помучить. Чем дальше,
Тем смеха достанется больше клубящимся гадам.
Они не отступят. Страданиям рады.

1 декабря 2001 года

38.

Снега синеют вечером. И солнце
Свечью оплывает за поля.
Горит в закатах редкие окошца
Приходит ночь. Холодная земля

Несет с трудом ветвистые деревья.
Они так редки, угольно черны
За них цепляется убогая деревня,
Забывая до будущей весны.

И нити тропок сонное селенье
Пришили к белым простынкам полей
Совсем легко. Воздухское смялье
Едва струится между тополя.

А вместе с ним колышется медузой
Безмерно пьяный, старый крестьянин.
Взлетел бы плавно. Только вот обузой
Висят чехлы свисающих штанин.

Чуть сладкий запах злого саюгона
Густым дымком клубится и стоит.
Его учуял, грузная ворона,
Сорвавшись с ветки, медленно летит.

По резким взмахам вытянутых крыльев
Вполне возможно вычислить, понять,
Как долго будет в зимнем предмогилье
Недолгий вечер тихо догорать.

2 декабря 2001 года

39.

В основе мира — цифра семь.
Плюс единица — будет восемь.
Ее пролетел рубит темь,
В двух летках связанной на осень.

И на обильный листопад
Листы, как дробь от деления
Того, что летом было «осада»
И не делилось без сомненья.

Но вот поделена в куски
Былого лета единица.
Нули холодные близки
К бесконечной вечности. Роится

Нулей бессчетных череда
А там, где счета нет, там стужа
Вмерзнут циклами года,
По семь разбившись неуклюже.

И цифра семь звенит, как лед.
И этот лед опасно гнется.
Он не расколотый, поет
Но не поделенный не быется

3 декабря 2001 года

40.

Пустыны дни мои. Она
В них не присутствует. И все же
В любви парит моя душа,
Чем выше взлет ее, тем строже.

Ее не вижу. И боюсь
Звонить холь изредка. Бесценна
Желаньем взвешенная грусть
По ней одной. Благословенна

Та грусть, что вызрела в печаль.
Печаль случается. И горе
Души захлестывает даль,
Как будто в плененное море.

Давно уж нет ее, но боль
Волной всасывает и кружится.
Мне не одна, а сотня волей
Нужна, чтоб в ней не утопиться.

Не сплунуть в стащенной густоте
Ее отсутствия, забвенья
И удержаться на айсберге
Души избранной паренья

4 декабря 2001 года

41.

Я, видимо, слишком бесценен
Забыв, что течение вод
И есть нашая жизнь. Не отмечен
В ней маленький мой эпизод

Вдруг плыл одно — наваждение,
Что будто бы вычленен я,
Ведь принял за цельность томление
По вечной реке бытия.

Неведомо что же случилось
Такое, что вынырнуть смог.
Течение мое прекратилось.
На отмели намертво лег.

На отмели слов ее, белых
От ярости. Видно, пора
Забывать мою страсть к ней в несмелых,
Ненужных ей играх пера

5 декабря 2001 года

42.

Чистый слух мой слабый звук:
Принимает как кристально,
Что не верится, ведь лук
Чуть натянут. Нереально

Вдаль послать стрелу тоски,
Хищно блестящую жалом.
Упадет она в песок
За порушенным дувалом.

Это рядом. Виден след
Средь песка. Прерывной строчкой
Ею вычерчен ответ,
С кем мне быть последней нсшкой.

Перед странствием за грань
Жизни, данной в наказание,
За которой вечно рань
И лучистое сиянье.

6 декабря 2001 года

43.

Вот пауза. Еще. Потом движение.
Вернее, росчерк божьего пера
Оно бежит. В нем столько вдохновенья!
Не гений ли, подумаешь. Пора!

Чередование лучшего с плохим.
Плохого с лучшим. Снова вперемежку
По ма-о-зеньку Божьему летим —
Перо и я, достоинством на пещку.

Весь смысл не в фразах. Правда — не в словах,
А в том, что есть меж ними промежутки.
И их бы чна осадит в головах,
Спрессованная в глупости и шутики.

7 декабря 2001 года

44.

Сердце мое тонет в паузах,
Кровь не гоняет, болит.
В маленьких, сдувающихся паузах
Смерть, затаявшись, горит.

Вздохи пусты, не наполнены
Воздухом чистых высот.
Ритмы дыхания сломлены,
Слышатся наоборот.

Жизнь замирает до убыли.
Льется мгновений песок.
Вени тяжелые, губы ли
Сомкнуты на волосок.

В эту-то щелочку малую
Льется и воздух, и свет.
Теплят судьбу западалую
В стынущем омуте лет.

8 декабря 2001 года

45.

Музыка надсадна,
Переходит в крик.
Если так — неладно.
Если так — тулик.

И не знаю точно
Петь ли мне, кричать?
Может, нужно срочно
Снова начинать?

С первых звуков тихо
Попытаться петь.
Пусть мелькает лиха
Свищащая плеть.

Пусть волной гуляет
Темная беда.
Музыка спрямляет
Версты и года.

Музыка стритуса
В крике ли, в словах.
Песней расцветает
В ругливых головах.

И легко взлетает,
Больно, как душа,
К облакам, где тает
Вечно хороша.

9 декабря 2001 года

46.

Я спокоен. Покоя
Преисполнен по груди.
Неужели же вон
Глоткой плавит, я жить?

Неужели ж страдаю
Точно пела струна?
Все исчезло. Мечтанья
Вяло веет. Вина.

Слабо льется сквозь грезы
Прямым привкусом сна.
Словно легкие слезы
Успокоенных вдохов.

Сам я кроток и светел
Пребываю один.
На страданья ответил
В небесах Господин.

Он скажет свод многословный —
Видно, любит меня —
Наклонится сиротный,
В поднебесье меня.

10 декабря 2001 года

47.

Пушистым слоем в легкой синеве
Легли снега на выпуклые крыши.
Они светлы. И даже на главе
Высокой церкви искрятся. И выше.

Краше в озере небес
Струн:ся пылые звездно, порхают.
В ее круженье вынылся, воскрес
Веселый ангел. Взвился — и летает!

А вместо крыльев, тоненьких в мороз,
Два послурга светятся на солнце.
Не ветер — свет проказника вознес
Под самое вселенское оконце.

Несется птицей. Сказочные дни
Под ним до звезд, лучами ножках, тают.
В лазури бледной ярче — они
Одни горят. Горят и не сгорают.

11 декабря 2001 года

48.

Я девственен опять. И словно призрак,
Как тень, сколько невидим и забыт.
Почти бесплотен. Тело только признак,
А в нем душа не стонет, не сопит.

Она лишь чудо, средство просветленья
Она в лучах и света не зыблет.
Я одинок, предрайское томленья
В груди пошло кружиться и гулять.

Спокоен лик. Ни скорби нет, ни муки,
Лишь воздух чистый ласково течет
По коже лба на плечи и на руки.
Мне хорошо. Дремота настает.

Глубокий сон охватывает, нежит,
Ведет в сады невзданных миров.
Там музыка прекрасная не режет,
А лишь врачует садины голов.

Паро и таю. Боли нет. Сстыла
По жилам хрупким алая роса.
Любовь ушла и бархатная сила
Меня влечет навечно в небеса.

12 декабря 2001 года

49.

Деревья были редки, но теперь
Их нагота осенняя укрыта
Зима вошла в расплавленную дверь.
Убожество ноябрьское забыто.

Хрустельны ветви, хрупки и белы,
Сияют пышно в бархате и неге.
Фарфоровые светятся стволы
У декабря на выстуженном берегу.

Волну зимы вселенский океан
Обрушил нежно звездными ночами
И смыл, как кровь, у осени из ран
Пустую тьму остывшими лучами.

Не слышно птиц. Ни шороха вокруг
Застывший лес в молчании немеет.
Луна взойшла на тонкий полукруг.
Как плод на ветке гибкой, зреет.

13 декабря 2001 года

50.

Иду и радуюсь. Подумал вдруг, что боль,
Нет, не ушла, но вызрела в привычку.
А я, убогий, выжига и голь,
Не сдох, но к ней все ж подобрал отмычку.

Перетерпеть! И слабость здесь — залог
Ущербной жизни. Терпишь, значит, любишь.
Рабу — терпеть, а сильному — зарок,
Что, зубы сжав, все выдержишь, не сгубишь

Ни жизнь, ни волю, ни мечту.
Но, к сожаленью, это нереально.
И гибнет сильный. Боли маету,
Как раб, не сдюжив, выплеснув летально.

14 декабря 2001 года

ОСКОЛКИ

Осколки. 1.

Писать и верить — это мало.
Ведь так отвергнутым уйдешь,
А та, что горько укоряла,
Прокля, сказала: «Это ложь!».

Она не любит и не верит
Ей вера в рифмах не нужна.
Она поэзией проверит
Того, с кем ныне и нежна.

В руке перо не очень видно.
Рука опасна, если нож.
Перо допишет, мимолетно
Свернет над легкой гладью кож

Пройдет блестящим полукругом.
И в хищных бликах ожжет
Печальный стих о том, что с другом
Подруга больше не живет.

15 декабря 2001 года

2.

Как вольно праздному поэту
Престиж цветные кружева!
Писалось славно — было лето!
Ну, а трава — была трава.

Тогда и дни катились ровно
По глазкам лучикам часов.
И даже смерть была условна
Среди веселых голосов.

А ныне сумрачно, студено
Зима обрушила снега
Она морозами гранена
И ей — полимира берега

Зачем же в холоде тоскливом,
В непринятой ночи
Писать о времени счастливом,
Когда катились, как мячи.

По суткам желтые светила
Из подлунья в день, сквозь ночь на час.
И рифма легкая парила
На гибких крыльях вольных фраз?

Не слов созвучные сплетенья —
Узоры окон ледяных
А все ж играет водооное
На длинных трубах огневых.

Сквозь плотный мрак оно струится,
И хлопотливая душа,
Как летом, вольная, ревется,
Весну зимью предреша.

16 декабря 2001 года
Янтиково. 4 часа утра, 17 декабря.

3.

Я был в полях под звездным небом,
Покорный чувствам неземным.
Головой в вавре я, долам требам
И, если Бог зовет, за ним.

Податься сердцем так, что болью
Оно взбурится к небесам,
И всклипнет тяжко алой кривою
Созвучно звездным голосам.

Их грозный гул поидет по сводам
Упруго вынутых небес,
Да так, что радостно сабедды
Лучей зажжется стройный лес.

И фанка ужаса над грудью
Замрет, блестяща и чиста,
Не вскрыть разящему орудию
Заслон натального креста.

Не одолеть брони прозрачной,
Хранящей страсть по небесам.
И тень души моей неварачки,
Покорной звездным голосам.

17 декабря 2001 года.

4.

Мне гозорили — будет утро,
Когда проснешься — будет рай,
Но ты не тропай звуковой лопти,
Проснувшись, сразу наливай!

Не мучай струн, тебе негоже
Терзать гармоний стройный ряд,
Уймись, ведь иначе на коже
Твоей они отговорят.

Они, кто знает цену звукам,
Они, кто правит в мире бал.
Смирись, а иначе разлукам
Откроют гулкий, звездный зал.

И в этой чаще безграничной
Не выгиваемых обид
Мишенью станешь ты огличной
Для бесплодных гесплерид.

Они — достанут, словно стрелы,
Найдут заветную мишень.
Не мучай струн, и будешь целым,
И встретишь трезвым юный день.

18 декабря 2001 года.

5.

Сказал поэт, что смерть лучиста,
Как утро раннее, чиста,
Весенним гулом голосиста
Над ветхим деревом креста.

И оттого, что плоть уснула,
Душа свободна, дарит смерть
Ей ширь вселенского разгула
И рай искристую твердь.

Земная, маленькая клетка
Привычной узостью томит.
Обуза тела, словно мотка,
В груди у узника горит.

А в ней, в молитве затаянной
Растет и ширится простор.
Приходит смерть и, потрясенный,
Ты видишь вечности костер.

Его огонь приемлешь чистый,
Воспламеняешься, летишь
Туда, где ангел голосистый
Трубой раскальвает тишь.

19 декабря 2001 года.

6.

Я об одном тебя горсил
Быть музой. Только не бесплотной,
А той, что крепко б я любил
Любовь-с искренней, залетной.

По простоте души узрел
Твою именованную склонность,
О, как за страсть принять хотел
Почти воздушную влюбленность!

Ты поспяглась надо мной
Вниманьем ветреным. Беспечность
И безжит еженость, и локон —
Твоя стихия, но не вечность!

Не даль сияющих высот,
Где волюю реет ветор страсти —
Душистый луг тебя зовет,
Там нет ни горя, ни напасти.

Средь трав сплетенных и цветов
Беселой птахой будешь виться,
Но я, елжбленныи, не готов
Твоим почетом наследиться.

Вамываю ввьшь, туда, где свет,
Тобой напрасно увлеченный,
Но я — один. Тебя там нет
И возвращаюсь, утомленный

20 декабря 2001 года.

7.

Читаю чужь. Леон Робель.
Могло ли умному присниться,
Что в отаргательных борде-ль
Страница может превратиться?

Она — белая, но в ней пьют
Уже предчувствует усладу
Он в вожделении дрожит,
Учувя кладбища прохладу.

Он знает, знакам вопреки,
В ее белой утробе
Взбухают смыслов сорняки,
Как песен, бледная, на гробе.

И сладкий трепет свозняков
Прохлады рифм и сочетаний
Он явит похоть стихов
Без лирических страданий

21 декабря 2001 года

8.

Я выпил крепко. Не один.
Хороший повод, люди, пиво.
Его не пью, но в магазине
Вхожу с приятелем ириво.

И не с одним, ведь знаю толк,
Что только вода, только «жёлка».
А то один уже усмолк,
Плеснув «полбалтики» в горелку.

Еще сто грамм. И бутерброд.
Я четко помню, было трою.
Один устал. И в оборот
Мы взяли сникшего героя.

И нам, плизматься, нелепо,
Но друг бросит не впадаем
На воздух. Снег. Ступать мягко
И мы, ступенные, шагаем.

А там, в морозной высоте
По нам, как видно, плывут трубы
Мы воспарим к хри-сто-во-го
Мы к ним вытягиваем губы.

И тело сникшего берем,
На плечи дружно поднимаем.
Как будто с раненым идем
С передавой. И но икаем.

22 декабря 2001 года

9.

Кочую. Сердце заковала
Простого странника тоска.
В котомке хлеб. А помывало —
Прохлада ближнего леса.

Его деревья хлопотливы
Под легкой шалью ветра.
Здесь заночую под извины
Теней в ветвах от костерка.

Еще тепло, но скоро ляжет
На травы чистая роса.
Луна плавится, разливает
Вечерних вздохов голоса.

Ну, а пока в лиловой зыби
Пустого неба гаснет свет.
Оно в закате, там, на сгибе,
У края, выгнулось в рассвет.

Улы свиваются, темнеют,
Но не связать багряных струн.
Они, разлившись, розовеют,
А ты — любуйся и койуй.

В июне ночь легка и кротка.
Еще светло, но утра свет
Плывет, как брошенная лодка,
По курсу гаснущих комет.

Не сплю, люблюсь этим светом.
На сердце легче и печаль
Красной продушенной согрета,
Как взглядом, любящим вуаль.

23 декабря 2001 года

10.

Писать о друге? Нет друзей!
Есть солнце, дети и привычки.
А я не то чтоб блудодей,
Но страсть не ставлю я в кавычки.

Она, как вечность. Высший смысл
В себе, в глубочай, заключает.
И я не знаю точных числ,
Что глубь ее обозначают.

И не природа здесь важна.
Здесь важен дух, его горенье.
Но, только если ты нежна,
Как свет в Христово воскресенье.

24 декабря 2001 года

11.

Вот мне бы так уйти в смиренное,
Умолкнуть, слова не говорить.
И жестов резких откровенно
Покоем долгим угасить.

Примером дать понять, что речи
Не всем подвластен дивный дар
Молчать полезней, не калечить
Рыданием скрилок гром фанфар.

Да, что там музыка! Замолкнуть,
Чтоб плеску плещущей реки
Не дать средь выверка заглохнуть.
Умолкнуть нужно запрети

Привычке праздных словосгений
В потоках брызжащих речей.
В них нет ни мысли, ни священней
Восторгом вспыхнувших очей.

В провалах слов, лишённых страсти,
Меж звуков, тлеющих в нечи:
Висят оборванные снасти
Тирад, что треплют трепачи.

И чтоб меж ними не забыться,
Чтоб впредь впустую не кричать,
Начну безмолвием погоститься
И Музу взглядом привечать.

25 декабря 2001 года.

12.

Я никогда к тебе неожиданно
Не заходил. Ведь ты нежна
Бывала рядом. Нынче странно,
Что целый год была важна

Тебе любовь моя слепая,
Улыбок робкая и чужь,
Что нес я, в мыслях пропадая,
В глазах твоих увидев глушь.

А если изредка сиянье
В них проносилось, как звезда,
Слова ссызжали в лепетанье —
Так с рельсов сходят поезда

И сердце в неге замирало
Ты знала — буду. Знал, что ждешь.
Звонил два раза. Открывала,
По телу млеющему — дрожь!

Она бежала непременно
И очень нежно, если ты.
Чуть улыбувшись, не надменно
Брала из рук моих цветы.

26 декабря 2001 года.

13.

Ты приходила. Ждал тебя недолго.
Всегда не больше нескольких минут.
Но так внезапно. Медленно, без толка
Сказать пытался, как они пост.

Поют и плачут, стонут и смываются
Моей любви последней голоса.
Они во мне и нынче, не сдвигаясь,
Хотя давно меж нами полоса.

И через эту полосу разлуки
Не перейти. Устала приходиться.
Но в сердце жавы трепетный звук
И только ими долго буду жить.

Они нежны. Над белыми снегами
Летят сквозь ночь неслащаво туды,
Где мы расстались мирно, на врагами,
А просто так. На долгие года.

Быть может, дольше, до смерти, до края
Того, где вечно ангелы кружат
И там они не смолкнут. Рад
Все тени умерших теплом приворожат.

27 декабря 2001 года.

14.

Друзья мои, не нужно серенад,
Не нужно слов и рычячих ликований
Не вижу вас — и счастлива я, и рад,
Тому, что жив без тихих возлияний.

Ведь только сам, наивный, убежден,
Что есть запас не в месяцы, а в годы
Но телом слаб, но молод, покорен
Рекой времен, сквозь вечность люющей воды.

Еще лет десять, помнится, назад,
Принял на грудь, мог выстаться к рассвету.
Теперь чуть-чуть, без пива, но болит
Почти что сутки сердца шпингалеты.

Башка гудит. Давление везде,
Где раньше дух с похмелья не развивался.
А нынче — мрак, к вранчущей воде,
К «боржми» спьяну сильно пристрастился.

И ладно б водка, все бы ничего.
Почтению — слаб, развиваться нужно строже,
Но если раньше взгляд одного
Девичих глаз хватало, чтоб по коже

До самых грубых нижних позвонков
Бежала дрожь, как легкий дождь в июне,
То нынче — все, спокоен, средь веков
Застыл, как идол, измертво и втуне.

Теперь уж если выпадет писать,
То не пьяною, лью без наслаждения
Самых чужих слов по форме рифмы рать.
И треза, как саулоч, сыт без разговенья.

Почти как старцу, сладко мне хрюкаться
Среди берез и пташек, и травинок.
Душа легка, созрела, чтоб лететь
В черток небес средь вдохов и пылинок.

28 декабря 2001 года.

15.

Так смерть мы победим!
Так смерть мы побеждаем!
Когда огнем горим
Горим — и не сгораем.

А лучше б догореть
Не мучиться и вольно
Без тела отлететь,
Ведь, право же, довольно.

Ну, хватит гомонить,
Ерошить бесконечность,
В бессмертье уходить
Невыгодно. Беспечность —

Вот высший идеал.
Спокойствие и волю,
Несчастный, я искал,
Как сладостную долю!

Чтоб в теле — пустота,
Сформировав в числа,
И в этом красота
Усоенного смысла.

Ни сложностей, ни мук:
Обычное счисленье.
Из всех земных разлук
К одной приготавлиенье.

29 декабря 2001 года.

16.

Зима. Две тысячи первый год
Деревья окружены морозом.
Когда так холодно, урод,
Внутри меня мне строит рожи.

Он в возбужденный отстранен
От тела теплого и духа,
И, словно провод оголен,
В висок стреляет возле уха.

Иду без шапки. Стуже рад:
Она расслаивает душу
С нее, как струлья, облетят
Химеры вечности. Не струшу.

Когда в изнерветном лице апа
Моя провисает изнанка,
И станет видно, как мала
Любови ссающаяся ранка.

30 декабря 2001 года.

17.

Быть может, месья твоя случайна.
Но мне не легче, грустно быть
Твоими подопытным. Фатально
Тебя сподобился любить.

И, что ж в тебе мне так приятно,
В чем вижу прелесть и красоту?
Непостижимо, непонятно,
Но то, что выстрадал — спасу!

Пусть мало смысла в том. Тобою
На берег дальний помещен
Меня ты поминать, но судьбою
Уже не быть мне. Не прощен.

За то, что слишком непохожи
На твой размер, на твой пригляд
Явился. Временным прохожим
Чуть задержался. Но не в ряд.

Слова мои, поступки, взгляды
Легли, а просто от души.
Не устояла и народы
Все примеряла. Хороши.

В любви звучали откровенья
Еплуждали взгляды. Лились слезы
Влюбленных глаз. И отрезвенья
От них во мне все нет и нет!

Все жду, надеждою томимый.
Что ты, очнувшись, снизойдешь.
Но голос разума ревнивый
Надежд доказывает ложь.

31 декабря 2001 года.

18.

Не то, чтоб мне писалось плохо.
Пишу, чу, что ж, что глубины
Мне не хватает, словно издох,
В момент признания вины.

Но говорить о вдохновении
Не ста-у. Сочная печаль,
Как воск, расплавила мгновенье,
Когда во мне синела даль.

Какой-то сумрак, видно, веки
Не держат стынущую мглу.
Туманны образы, как река,
Луча сточившие иглу.

Да бесконечная усталость
От idiotских новостей,
От них, конечно. И на малость —
От буйной ночи и гостей.

1 января 2002 года.

19.

В Европе снег идет, тепло
Вода ленивая струится.
Свинцовый Балтийский стелс
Легко плиткой, не жжорится.

Отравя вод ее парит,
Ползут туманы, плывут стеньги.
Вот площадь, елка, гомонит
Какой-то ряженый со сцены.

И так повсюду в городах:
Огни в туманах оплывают.
Младенца чествуют в церквях,
Святую Деву поминуют.

Там сплошь Венеция. И все ж
Разгар зимы, а вест глупеньки
Я это чувствую, ведь вхож
Туда, где вместе с озареньем

Ты получаешь дар страдать
В любви, среди странностей природы,
Да так, что в силах угадать,
Как быстро старятся народы.

В России тоже, впрочем, снег,
Но стужа. Мы заидевели
И не меняемся всею,
Как будто панцири надели.

И нам, что Дева, что Христо: —
У них там эконо, в Палестинах —
Мы здесь целуемся взадос,
Скользя, веселье, на льдинках.

И, утонув в снегу по грудь,
Никак не можем стрезвиться:
Ведь не желаем. В этом суть,
Хотя и вдумали креститься.

2 января 2002 года.

20.

Темнющей грудой восстало ничто,
Но в нем сновиденье родится.
Не помню сюжета, лишь ужас. За что
Мне даже в забвении не скраться?

Ни те-и, ни чувства, ни строчки полет
Меня не спасают от боли
И мрека глухого. Он, черный, плывет
В открытую грудь мою с воли.

И даже улыбки беспечных детей,
Мне чудится, мертвы от стужи.
В их смехе мне слышится похвист бичей
И беса смехок неуклюжий.

Бокси, пробуждений, ведь если светло —
Заметней ужасная рана
С такой не живут. И скорей за стекло
Меня помещает охрана.

И тут же зевая, узер мою боль,
Идут подивиться на муки
Им, видно, приятно, что хворая голь
Наложит на грудь свою руки.

Пусть рухнет собор вознесенной души
У всех на виду, на торжестве
Никто не увидит кручения Гроши
На счастье швырнут в пеленнице.

3 января 2002 года.

21.

Грусть. Шуршание бумаг.
Никаких предвосхищений.
Есть единственный напор:
Там, на родине томления.

Это неже живота,
Чуть повыше, чем колена.
Одиноким — маета.
Расстающимся — измена.

Повстречавшимся — предлог:
Говорить легко и ярко
Обо всем, пока меж ног
Нестерпимо станет жарко.

Встреч исчерпан мой запас.
Расставанным сром положен.
Что ж я, старый, не угас?
Кем, томнящийся встревожен?

Может, это хитрый бес
Притворился легкой музой?
Пусть не в душу, но пролез
С неприличною обузой?

Что ж, попробую писать
Инструмент готов — не палец!
Вдруг начнет парю плясать,
Как игла меж круглых пялец?

4 января 2002 года.

22.

Неужто я в крылатый путь
Стремил души моей порывы?
Темница узкая — не грудь —
Пусть там живут ее голышны!

В больнице бедной бытия
Все то же солнце, так же чадно.
Живи в груди, душа моя,
В унылой дреме, безотрадно.

Не хлочи, не бойся ты,
Прими оковы смертной плоти.
Забудь про злы высоты —
Тебе не сокнуты в полете.

Войди в безумие, как в сон,
Впустю тебя, самоубийца.
Душа, я нынче не влюблен:
Покая жадю, как дурмана.

5 января 2002 года.

23.

Пределы были нестерпимы.
И не земные — высоты!
Но мне всегда владели силы
Взлетать до них, ведь если ты

Смеялась тихо, так что нежность
Я ощущал бутонем губ,
Тогда полета неизбежность
Лилась, как песня райских труб.

Вдруг уходила тела тяжесть:
Твоя тоска по мне плыла,
Как проникающая сладость,
Когда гудят колокола.

Луна раскрылась вся, пылая,
Над чистым снегом января
Тебя я видел, улыбая,
Мне все же кажется — не зря

Душа — смирилась, небо — низко,
Но редко-редко, под луной,
Я ощущаю, где-то близко
Твой дух витает надо мной.

6 января 2002 года.

24.

Живи же, чудная, в покое без меня!
Но день придет и сердце вдруг забьется
В нем вспыхнет луч любовного огня.
Ведь без него, как хочешь, не живет.

Вдруг вспомнишь ты стихи мои и страсть,
Распустятся, как розы, поцелуи
(Ведь я умел, ты знаешь, целовать
Не так, как те, что выются, обалдуи).

Ты вдруг поймешь, как долго без меня
Тянула сонно дни свои и ночи.
И расслабись месяцы, звеня,
Впустую сделав жизнь твою короче.

К тебе придет бессонница и я
Ее поймаю трепет пслучноный
И, оторвав листок календаря,
Пошлю с утра привет тебе заочный.

7 января 2002 года

25.

Когда из прошлого мы слышим
Едва дошедший, сладкий звон,
Мы замираем и не дышим,
Прервав восхождение на склон.

Не пустословье, не молитва,
А чистый звук души живой
Несется, искренний, сквозь битвы
И вечный, траурный покой.

Мы сердцем пьем его, не ухом
Оно, приняв его, болит,
Но загорается и думом,
И страстью жаркой говорит.

8 января 2002 года.

26.

Слова мучительно даются.
Они черствы и не поймешь,
Какие смыслы тайно льются
Сквозь их прерывистую дрожь.

Сплетенные фразы темно и грубо
В корявых лапах паденой
Силит склонений тонко трубы,
Свистят, как лезвия ножей.

И бритвы скобок режут нервы
Неровно выписанных строк.
Считается звук, как кровь, за первый,
Заглавной буквы, булгарок.

Он чуть заметен, пепел страсти
Его укрыл, как серый пух.
Под ним слова иду, на части
По ним раскалывая дух.

9 января 2002 года.

27.

Вот так живу: стыжусь и милось.
Нехорошо живу, впотьмах
Но, отравительный, не каюсь,
Хотя вокруг иллюзий прах.

И не отчаянье, а скука
Царит в душе, как долгий сон.
С тех пор, как глупая разлука
Вершится с той, в кого влюблен.

Быть может, я умру, не зная
Ее, как прежде, до конца
Уже не больно, раскрываю
В сознании тень ее лица.

Сменюсь младенчески, без смысла,
По полю сыплю семена
Припоминаю дни и числа,
Но забываю имена.

Взойдет ли что-нибудь на поле
Пустынной жизни от семян,
Что сыпало по ветру, на волю,
В густой, разросшийся бурьян?

10 января 2002 года.

29.

Увы, от нежности моей
Никто не умер. Распроцался.
Язычки страстный, даже с ней
С которой кровью обвенчался.

Она одна мой дерзкий дар
Ценить умела. Но подруга
Была всего лишь. И пожар
Ее был не нужен. И из круга

Навечно вышла. Я один
В своем язычестве говою.
Пустому дому — господин.
От скуки смертной соловейю.

По ребрам лестницы крутой
Иду наверх, туда, где окна
Ничем теперь не занята
Лучи считает, как воложа.

Но солнца видеть не могу.
Оно для некрестной криго.
Мой дом по окна весь в снегу,
Я в нем один, ослаби силы.

Служить светилу. Даже кровь,
Та кровь, что нас объединяла,
В лучах не вызрела в любовь,
Ее во мне осталось мало.

12 января 2002 года.

28.

Как разливаю песни сердца!
Когда пою — плыву! И страх
Не сыплет жушущего перца,
Не жжет, альп, на губах.

Струятся песни. Лучезарны,
Прохлады воды их в тиши!
Есть звуки в них, они янтарны,
Горят, свеченем хороши.

Пою и плачу! Не в моленых
Дрожит мой голос, ведь в раю
Зачтется искренность в стремленьях,
Ее я в песнях отдаю.

Они священы, небывалы,
Лепцы рожденные, живут
Пусть — не в молитвах. Но кимвалы
Любви разбуженной поют.

Пою и будто возвещую
Во славу вечности и грёз,
Отдав всю душу, ощущая
Вокруг летучий запах роз.

11 января 2002 года.

30.

Крылья призраков, ложных видений
К потолку выгибаются тьмой.
Скоро ночь. Чудеса озарений
В лепых: перьях дрожат надо мной.

Их не видно. Задыхено пламя.
Все чернее и глуше вокруг.
Поджечь — это черное знамя
У судьбы из слабющих рук.

Размалююсь им, по вскинутым крыльям
Пробежит неприметно волна.
Крылья вздернутся — только бессилья
Их обманена легкость полна.

Станет страшно видений полночных,
Жидкий блеск их по перьям сверкает,
Но угаснет, ведь плит потолочных
Клин крылатый свозь тьму не пробьет.

13 января 2002 года.

31.

Не наш тот мир, не наш.
И этот мир не сладок.
Возьму «на карандаш»,
Ведь я до мыслей ладок.

Ну что ж, что до чужих?
Нам велено учиться.
Мы парни из «простых»,
Нам нечем похвалиться.

И там, и здесь своих
Сыскать совсем не трудно.
Но нужно ли? Двоих
Также, как я, на судно

Разбившейся судьбы
Не вступят, счастья мало.
На толпы голытьбы
Не выделено сало.

И с хлебом, как всегда,
Что там, что здесь похоже.
Хотя бы иногда
Мне нужно быть построже.

14 января 2002 года.

33.

Луна изисканна Кругла, но частью скрыта.
Горит лишь серп, изогнутой дугой.
И в этом блеске, затемненная, открыта,
Пускай не вся, но в этом есть покой.

И красота темнеющего неба,
Судящего в ночь голубизну.
Она поутру, распахнувшаяся, Феба
Подчеркивала нежно желтизну.

Небесный цирк степенно засыпает.
Гвоздочки звезд рассыпаны, как соль.
Январский вечер на ночь укрывает
Земли оставший девственную голы.

16 января 2002 года.

32.

Пустыня — снег глядится в небо
В него, как в ровное стекло.
Ереду один Морозно. Мне бы
Немного солнца. Прелекло

Лицо ступающейся стужей
Завато в мерзлые тиски
И виснет маской неуклюжей,
Краями вдавленной в виски.

Уже не больно, будто в белом
Одет, колющий, до пят
Един со снегом, но не с телом.
Мороком высветлен и саят

И вся пустыня снеговая,
И стылый ветер до хвосты
Меня с-ястали для рая,
Как дож для дорогих гостей.

Во мне грешившем, злые мысли
Убиты холодом. Порож
Застужил намертво. Обвисли
Былые страсти Костерок

Игривок чувств и настроений
В груди не бьется: не горит
Я засыпаю. Чистый Геней
Во мне, небесный, говорит.

И по равнине белой-белой
Я поднималась к небесам
Подошла медленной, несмелой,
Покорный нежным голосам.

15 января 2002 года

34.

Расписалась судьба на ладони
Щадром, к венам бегущим, косям
Навсегда, в безвозвратном наклоне
Жизнь моя ограничена им.

Вот и взгляд мой, проникший глубоко
В глубуну твоих искренних глаз,
Закрился лучами. Без срока
Сохранился, как чистый алмаз.

Взглядом выделил, сопркоснулся
Не физически, издалека.
Я к тебе лишь в мечтах потянулся
Так, как тянутся вдали облака

И в фантазиях ты оживала:
Шла по телу блаженная дрожь.
Даже этого было немало —
Пусть хоть образ, хоть сладкая ложь.

Я срифмую обманы видений,
Лишь бы ты в них мелькала. И свет
Излился на грани творений,
Словно солнце, на лики планет.

Миром грёз навсегда поглощенный,
Пребывающий в мнимых мирах
Преисполнись, тобой просветленный
И смиренный, как черный монах.

17 января 2002 года.

35.

Под колесом вращающимся жизни
 В зернистый прах, в серебряную пыль
 Истерта боль по брошенным Отчизне,
 По той, где степь да ласковый ковчег.

Лишь редко-редко, в утренних мечтаньях
 Всплывет по-детски праздничный мирок
 Такой непрочный, легкий, в трепетаньях,
 На краткий обозначившийся срок.

И в тех виденных маленькии, отважный
 Иду дорогой ровной и пустой.
 Струится энной над складкой овражной,
 В узор свиваясь, сложный и густой.

Босым ногам приятно Жарко дышит
 В сплетенных трещин тоненких земля,
 Я это помню, Изрядка кольцует
 О детстве память гаснущая «Я».

18 января 2002 года

36.

О, тени легкие видений и надежд!
 Порхайте вольно в космосе душевном
 Вы мне улады высших. Навсегда
 Могу терпеть в мученьи многодневном.

Пускай же выотся, крылья распанув,
 В мерцаньи светлом внутренних просторов
 Я вдруг увидел, искрами сверкнув,
 Мелькнула страсть меж вздохов и укоров.

Все озарилось. Легче стало жить
 Пусть «ненадолго. Этого довольно»
 И панел — эа! И искренне любить
 Пока способен, даже если больно.

19 января 2002 года

37.

Женщина в душу вросла, словно ветка,
 Если сломавшь, то жизнь отлетит.
 Словно тавро, словно давняя метка
 Выжжено зло, но уже не болит.

Двадцать и пять — это четверть от века
 Здесь не представить, как жить без нее
 Судьбы слились, словно для человека
 Слиты единой в родное, моэ.

И нераздельно, сквозь зими и лета
 Будем брести осторожно под склон.
 Правда, без песен, ведь песенка слета
 С тем человеком, которым пленен.

20 января 2002 года.

38.

Вот — ха-зы! Вот зов ее упорный!
 Ни тишины, ни тянущихся снегов.
 Весь божий мир, звуками покорный,
 В плену звенящих немыслимо огов.

И даже сместь, прохладный, босая
 Бредет, косяк отточенной заны.
 Суровый Петр, встречающий у рая,
 Гремит ключами, праведных мая.

Они, отдав лучащиеся души,
 В просторы неба с сумрачных долин,
 Шуршат по праху рассыпався. И глуше
 Полюются песни нежные от вин.

Но ненадолго. Снова просияет
 И зазвучит серебряной трубой
 Подрути- жизнь. Пусть даже исполняет
 По некоторым выпившим отбой.

21 января 2002 года

39.

Январь уходит серым, не морозным.
Рассвет неяркий, снега лишь чуть-чуть.
Пока не тот. Надломленным, нарочным
Ищу вплотсилы срывающую суть.

Совсем недавно думал о великом,
Тогда, в конце глухого ноября.
И прозревал его в залптанном и диком
Мелькании листов календаря.

Миры низались долгими нулями
На гладкий штырь всемирной простоты.
Я их делил неровными долями,
Изведав сферу полной пустоты.

Все было ясно осенью глубокой:
Ее печаль давала глубину.
Она в душе открылась темной кожей,
Уверив боль и вечную вину.

А нынче — все! Пространство обмелело
И гибнет мысль, как рыба без воды.
Бреду слепым по наводки несмело,
Учуяв сердцем веяние беды.

22 января 2002 года.

40.

Не берут ни рифмой, ни строкой.
Бедь стихи бесплутны — не монеты.
И бредет с протянутой рукой
Тот, чьи мысли музыкой согреты.

Быть поэтом весело, не труд.
Для житейских нужд неподходяще.
Ладно, вспомнит, как тебя зовут,
Отходящим в мир иной блестяще.

Среди толп бескрылых и пустых,
Расплесавших глупость в океаны,
Трудно встретить чутких и простых,
Если чуть начитанны, то пьяны.

Нет бы так: за рифму — накормить,
За сонет — ночею обеспечить.
Законный стих лелеять и любить
И певца, по злобе, не калечить.

Дать значенье строчкам золотым
(Если много — истинно богатство),
Драгоценным смыслом налить,
Пронизавшим искренность и братство.

Вместо тусклых, стертых монет
Отдавать долги, слагая строки...
Но таксо не было и нет.
А певца бедны и одиноки.

23 января 2002 года

41.

Смотрю в потоки неба своего.
Оно открылось в юношестве. Зрею,
Как тонкий месяц ночью. Одного
Теперь себе позволить я не смею.

Не в силах взор свой дерзкий опустить
К земле, да так, чтоб видно стало внятно,
Куда в полетках лучше не ходить,
Чтоб не упасть, шагая аккуратно.

И вадь известно: это ни к чему —
Глазеть на небо, землю забывая.
Ведь не взлететь, тяжелому, к нему,
Прозрачных крыл сильнее расширяя.

Так что ж без крыльев на небо смотреть?
Зачем тревожить омуты мечтаний?
О том, что мог бы по небу лететь
В потоках дивных грез и упований.

Но мне уж поздно землю выбирать.
Случаен тела статус, несерьезный.
В мечтах — крылат. Мне велено летать
Туда, где Бог, всевидящий и грозный.

24 января 2002 года

42.

Не в должный час почуял я тебя,
Холодный дух иного мирозданья.
Но был готов. Без вавры, не любя,
Дарил чужим красивые признанья.

Да, редко, ночью, сонный вспоминал.
Что в книгах есть свидетельства и числа.
Не помню кто, но кто-то ведь вписал
их на страницы искорками смысла.

Но не придумал, все переписал.
Что со сл постынь в нетлещих манускриптах.
В обложке твердой набело издал.
Чтоб я читал под сенью закалитов.

А кто создатель свитков тех немых,
Уже не вызнать, сколько не стараюсь.
Укрыта бездна в росчерках простых,
Как ли-ано, разведать не пытаюсь.

В пылях столетий тень плывет на тень.
Испорченных, древних чудодеев.
Я знал о них, но вжужжащая лень
Вела в толпу беснечных ротозеев.

Так вот же миг, безликое само,
Пробил насквозь пергамент и бумагу,
Оставил тенью в груди мою вильяло
От царских риз, укрытых саркофагом.

25 января 2002 года

43.

Луна в сиянии развратном
Среди небес обнижена.
Бесстыже блещет. Неприятно,
Что нынче голая она.

Промеж мерцающих деревьев
Бетвами вычерчен узор:
В нем план космических кочевьев,
Он врезан намертво во взор.

Глазам настолько все открыто
В порочной, лунной синеве.
Что даже место позабыто,
В котором ночь явилась мне.

Как будто чуждым, незнакомым
Вдруг город стал среди зимы.
Из серой жесты, по проемам
Дома нарезаны, немые.

Огни оконные желтеют,
Как пятна ржавчины, сквозь мглу
Иссиня бархатную. Млеют,
Попав на токую иглу.

Луна, бегущего сводя: тени,
Звездно пуцленного там,
Где жерло лунное синее
Подобно значным фонарям.

26 января 2002 года

44.

И все-таки мечтаю я о крыльях!
Крылат бы был — на кошеном холме
Стоял бы тотчас. Судорог бессилья
Не ощущал бы в белой бахроме

Кижальных перьев, веером раскрытых
Почти в полнеба серого. И ждал,
Когда же ветер, свежестью умытый,
Мне силу возьмет немеренную дал

По склону вниз, до скорого обрыва.
А там — прыжок, два взмаха — и полет!
Еще чуть выше, мощного порыва
Уже земная тяжесть не уйдет.

Два всплеска крыльев гибких и распятый
Потоком мощным буду я парить,
Пронзят туч сончающаяся вату
Познав сполна, что реять — значит жить!

И, ощутив, что сверху все земное
Прекрасно так, как небо из долин,
Парить безвременно в объятиях покоя,
Где будешь ты бессмертен и один.

27 января 2002 года

45.

Любим ли ангелами мой
Негромкий голос силоваты?
Быть может, если б был немой,
Тогда б на милости богаты,
Уверен был, что за чертой
Недолгой жизни был бы покат,
И в храм небесный, непостижим,
В котором вечно сладко звенит,
Попал бы, узнанный в толпе
Прошедших суд и покаянь,
Не запутавших на тропах
Греховой жизни. Трелетанье
Сошло б от ангелов ко мне,
Но всем возвышенным. До дрожи
Мы ощутили бы вполне
Прозрачной дышкой вместо кожи.
Ж, лучше точно быть немой!
И, может быть, тогда б, наверно,
Пред небом, сиял и пустыл,
Не так бы выглядел я сковано
Ведь в звуках часто столько лжи,
Что в них слова не вырывают,
А чуть проявятся, номи
Неверных смыслов их срезают.
Не помнит будешь, одинок
С обидой будешь объясняться,
Но неуверенно, порой
Боясь будет чудиться. Сметаться
Начнут все те, с кого тает
Вода постыдных тустоспаний
Их очень много. И отчет
С тебя начнется без условий
Но коль святою нмотой,
Да взором грустным глаз глубоких,
В купели детства золотой
Ты будешь милован с аясных,
Ником не познанных вершин
Тогда, быть может, распахнется
Длинной в космический аршин
Ладонь Всевышнего. Ежится
Над ней в стремительных лучах
Виденные рай глубокого,
И станет вечностью в очах
Его свидетеля немного.

28 января 2002 года

46.

Твое письмо всегда со мной
Второе то, что в чувствах ниже.
Оно короче, но простей
И явью! слог его мне ближе.

В его строках ты хороша,
Жесток до самозабвения.
Вот в них и есть твою душу —
Багровый ангел разрушения.

Когда-то страстная, в словах,
Ты обо одном мне возвещала.
Тогда душа твоя в мирах
Нездешних сладко трепетала.

Она, как пестрый мотылек,
У сердца бедного крижжалась,
И, как осколок, поперек
Во глубину его возниклась.

Но я осклок берегу.
Пусть очень больно буду прятать
Письмо со мною. Не смогу
Его повторю запечатать.

29 января 2002 года

47.

Тихо снег пошел. Кружится
В кружных хлопьях. Он летит
Нервный-нервный И ложится
Так, что улица блестит.

Город бледен. Безучастно
Фонари горят. Идет
Беспрерывно снег. Неясно,
Кто там сторбленный бредет?

Очень медленно, быть может,
Тамела его душа
Снег кружащийся пожевет,
Горя хмель пригороша.

А потом, да много ль надо,
Заметет и этот след.
В снеге искристом — отрада,
В чистоте его — ответ.

30 января 2002 года

48.

Боюсь унизить звонкой песней,
Нехитрой песеню своей
Ее, ведь нет ее чудесней
Среди моих нервых дней.

Ах, знать бы мне, что в доме дальнем,
Подруга помнит их и ждет.
Ночник горит в знакомой спальне,
Луна за окнами плывет.

Она читает и теплеют
Ее хогордые глаза.
Мой слух ей по средеду. Он греет
Да так, что синей бирюза.

В глазах становится, сверкает,
И слезы легкие текут.
Она, бессонная, читает,
Не помни, как меня зовут.

А я, ментатель предрассветный,
Глущу, задумавшись о ней,
И образ чуждый, заветный
Встает меж ближов и теней.

Живу, ствергнутой, мечтами
В объятиях сонной полутмы.
В них то, что было между нами,
Когда еще встречались мы.

31 января 2002 года

49.

Подозреваю: мне недолго
Тревожить память тех, кто знал.
Пустыня, ровная, как полка —
Вот мой удел, вот мой финал.

Пока же в городе огромном
Никем не узнан. И толпа
Влечет меня в потоке темном.
Она, безумная, слепа.

«Мой след ищите под песками», —
Сказать бы мог, окончив бег.
Но три вокзала, как тисками,
Прессуют в площадь мокрый снег.

Не место здесь, средь Вавилона
Бескрайних северных равнин,
Искать забвения, словно ослена
В покой морфеевых долин.

Давно покинул этот город,
Хотя забыть его нельзя,
Ведь в нем был искренен и милод,
Мечтами в будущем скользк.

Мечтанья стинули. Открылось,
Что жизнь мигновена, коротка.
Она почти что испарилась
На гребне первого витка.

Но то, что все-таки осталось,
Я ощущаю только здесь,
Сквозь многолетнюю усталость
И рано вырвавшую слез.

Москва. У трех вокзалов
7 февраля 2002 года

50.

Вокруг творенья Церетели,
Столбу подобно Пэтра,
В начале сумрачной недели
Гудели теплые ветра.

Они, как волны, поднимали
Огромный дом на Крымский вал.
Картинь в доме выставляли,
Я там, конечно, побывал.

Любл о я живопись примерно
Цено рисунков легких блуд.
И в каждом городе, наверно,
Ищу собрание причуд.

Положен, выписанных кистью,
Камней, оживших под резцом,
Цветов чужуных, медных листьев,
Отбитых ловко кузнецом.

В тот день в пустынных помещениях,
В пещерах медных галерей
Не рез рождалось восхищение
В лучах музейных фонарей.

Они спокойно освещали
Карты и различных пестрый ряд.
В них живописцы изощрили
О том, что Бог не виноват.

Ни в луче тайного творенья
Плант и венной красоты,
И что не будет извавления
От неизбежной простоты.

Грядущей смерти безусловной
И превращения в ничто.
Как будто в красках голос ровный
Мне все рассказывал, за что

Я награжден желаньем жарким
Внимать и краскам и штрихам.
На полотне горящим ярким
Огням Фантазий. И грехам.

В них беззаботно, легкокрыло:
Они рождают красоту.
И даже ужас в них так мило
Взмывает птахой в высоту

Москва. ЦДХ Крымский вал
2 февраля 2002 года

БЛИКИ

Блики. 1.

Не знаю, что им дался Пушкин,
Всем тем, кто будто бы умен
Его всё стелют для просушки
В ветрах злословий и времён.

Читают мало. И поэтов
Пенальная участь. Не нужны
Их откровения. Ответов
Никто не ищет, ведь вахон!

Не сути огненные бездны,
А чисто внешний антураж.
Убогих — там, но те, кто бедны,
Вошли, беснуясь, в лютый раз.

Да, им хоть Пушкин, хоть двурогий,
Зеркально лысый старь и бес:
Бредут неуженой дорогой
Туда, где слухов темный лес:

Шумит листами глухих сплетен.
В нем будет брошен даже он.
Лускай не сразу, ведь замкнут
Среди злословий и времён.

Но кто-то искренний изначо
Его фигуру изваял.
Стоит поэт, как настоящий,
Взярая холодно на зал.

Да на меня. Мы здесь остались
В вечернем сумраке одни.
Он словно знает, озарились
Его стихами злые дни.

И годы жизни неумелой,
Ведь жизнь смертельна, словно яд,
Он ослаблял его. И белым
Мой дух синяком объят.

В ожидании поезда на Ленинградском вокзале
3 февраля 2002 год

2.

Из метро — на улицу, на Средний,
На Софьюскую линию, а там
Чуть притих, и вот же он последний
Старый дом, знакомый только нам.

Подворотня низкая. За нею
Тесный дворик, замкнутый, глухой.
Всё знакомое. Окнами темнеют
Стены, наклонившись надо мной.

Дверь — налево, и глухо закрыта,
Вся облизала, видно, не жуют.
Мой замок, дверная ручка сбита,
Кем-то приколочена. Не тут.

Я ее приделывал на совесть
В прошлом веке, двадцать лет назад.
Помню всё до мелочей, ведь повесть
Нашей жизни в них жевает. И рад.

Вдавить эту сумрачную нишу
Где, как эхо, голос мой звучит.
Здесь я начал с нею жить, под крышей
Только ныне путь туда закрыт.

А тогда «лодец этот гулкий
Был люксовье полон так, что свет
Из него струился в переулок
Под блестящей россыпью планет.

Питер. Васильевский остров
4 февраля 2002 года

3.

Ну, здравствуй, воспитательная Фрина!
Я вновь с тобой. Меркнет серый зал
Ты так прекрасна! Чудо, не картину
Посконый Самарский рисвал.

Элизинских и риц Посейдона
Он не застал, но помнил об одном
Их песни меж оливами, на склонах,
Бегущих к морю, вазены вином.

Все так же, сказь, заслон тысячелетий
Они звучат. Он слышал их. И вот
Прекрасная вазонка из столетий
В бесстыжем танце юная плывет.

Влюблен в нее до дрожи, как в живую
Меня ее волнует нагота.
Февраль стоит над городом. Тоскую
О том, что жизнь досталась мне не та

Питер. Русский музей.
5 февраля 2002 года

4.

Вечером, в театре Ленсовета,
Тенниси Уильяма смотрел,
Так себе играл. И без света,
Уж не помню как, ослепел.

Вскрикну женщин, сканущих по сцене,
На секунду избадривали. Вновь
Начинал задремывать. К измене
Шла по пьесе жалкая любовь.

И когда спектакль почти кончился,
Мне вдруг стало грустно на душе.
Будто бы со всеми попрощался
День назад в холодном Канаше.

Так мне стало жалко всех, что слезы
Незамитно хлынули из глаз.
Пьеса, как мечты мси и грезы,
Кончилась до полночи за час.

Питер. Театр им. Ленсовета.
6 февраля 2002 года.

5.

Я не нашел ее. Прилежно
Искал заветные слова,
Чтоб можно было нежно-нежно
Шепнуть при встрече, ведь Нава

Мою историю простую
О ней скрывает много лет,
Все отражает, все рисует
В волнах по прихоти планет.

Они всё плещут год за годом,
За веком век и их ряды
Дыканьем славерной свободы
Свои наполнили лады.

И в этих всплесках благозвучных,
Сквозь блеск холодного свинца,
Я различаю неразлучных
Дыханье, бредших до венца.

Но не дошедших, а любивших
Гранитным берегом гулять
Бдаль сфинксов в сумерках остывших,
Уставших время охранять.

Их неизбежная усталость
С тех пор струится, словно кровь...
Я не нашел ее. И жалость
Во мне проснулась. И любовь.

Питер. У сфинксов.
7 февраля 2002 года.

6.

Легкий снег летит в глубокий,
Плохо освещенный двор.
Я под крышей, одинокий
У окна стою. Дозор

Мой нивем не обусловлен:
Просто крыши, просто снег.
Отчего ж я приготовлен
Тут стоять хоть год, хоть век?

Видно, прошлого виденьям,
Вдруг плетешим в тумный двор,
С незнакомым настроеньем
Отдал памяти простор.

Из роящихся снежинок
Узнаваемы, проты
Светят блики, как с картинок.
На водонные мосты
Все бегут воспоминанья,
Вамье над пропастью двора
Их цеплюю из сознания
Легким кончиком пера.

Питер. Васильевский остров. 3-я линия, дом 2 Б.
8 февраля 2002 года.

7.

Вверх по лестнице, к балконам,
К потолку, на пятый ряд,
Из партера, там где стонут
Скрипки редкие. Подряд.

Развернулись спинки кресел
Полукругом, будто волн
Главной заги дроже навесил,
Над водой скользящий челн.

Круглым боком выплывает
Сцена, вынута в зап.
Шитый золотом взмывает
Тяжкий занавес. Упал.

Словно парус пред грозою
В тот момент, когда в тиши.
Зреш мую штормовую,
Еле шелчут камыши.

В этом сладком напряжены
Тени музыки кружат.
Звуки рек в отдаленный.
Тают нежные. Не спят.

Музы огненного Верди.
Золоченый, жаркий зал.
До небесной, круглой тверди
Плывно оперу годня.

Ну а там под волной сферой
Расписного потолка
Хрустала огонь без меры
В люстре мечется. Мелка.

И игрива, и опасна
Роспись искр в гирляндах света,
В ряд нанизанных, прекрасных,
Как осколки светлых грез.

В перерыве — вверх, к балкону
Из партера, так чтоб зал
Видеть, будто бы со склона,
Нас веселый бас подним.

На «Аиде» с младшим братом
Оказались. И теперь
После лестницы покато
В пятый ярус ищем дверь.

А до этого в буфетной
Во втором антракте, чуть
Водки выпили конусетной,
Так чтоб трепетнее в грудь

Изливались звуки марша,
И влюбленный Радамес
Стал на целый вечер старше,
Замурованный — восрес

Как-то сразу полечало...
Мы — над залом, мы — летим!
В третий раз звонят. Начало:
Предпоследний акт, за ним

Будет долгое гулянье
От театра до моста
И волшебное мерцанье
Исаакя креста

Питер Мадина
9 февраля 2002 года.

8.

Мимо Тьеполо, мимо Вероцо,
К Леонардо, в «единственный» зал
Поскорее. Не важно, что смел я,
Но добрался. Я здесь, как мечтал.

Мало дней моих кратких осталось.
Редко-редко в них падает свет.
Был покой — исларился. Усталость
Мне досталась за пару монет.

Но живут во мне эти картины:
Две Мадонны Да Винчи. Стекло
Их накарпыло. Тоскливо руины
Поднимаю над взором крыло.

И глаза мои полуслепые,
Словно стрелы, пронзают лучи.
Две Мадонны, они — огневье в
Воскресают в предсмертной ночи.

Неужели рукой человека
Им такое обличье дано?
Много мимолетного века
В их чертах мне привиделось дно.

И не века, а вечности, света
В них открылся мне ясный предел.
Если б мог я, то к ним, за ответом
Через краски и холст отлетел.

Питер Эрмитаж
10 февраля 2002 года

9.

Канал свободен ото льда.
Вода стынцова, волны плещут.
Не так, как в прошлые года,
Тогда не сильно. Ныне хлещут

Под ветром теплым. Он несет
На крыльях стынцу влугу.
Пусть ныне мрачно, но поет
Душа хмельная. На сумгу

Из сердца просится строка
Я слышу родины призывы.
Балетопи вахсы моя рука,
Она свободна, но извивы

Ее не выведут следы
На сером небе в строчках складных.
Свобода схлынет, как вода,
Как сумрак северный в парадных.

А там, под аркой, где канал
Овальню сквачен нересами,
Видно Нова, гранитный вал
И шпиль собора под лесами

Питер. Мойка из Эрмитажа
11 февраля 2002 года

10.

Где ж твое жало, изгнанье?
Что ж ты меня не убьешь?
Тяжко в душе мне: страданье
Вызрело в черную ложь.

Все пребываю в обмане,
Высокий, словно цветок.
Верю, что легче в тумане
Слышать прощальный звон:

Письма пишу среди ночи.
В снах ее вижу, с утра
Образы льются мне в очи,
Кроваво стекают с пера.

Лист пожелтевший трепещет.
Строчка косая летит.
Только разлука злоедей
Гостией незваной стоит.

Ей я, как видно, угоден.
Знает, что брошен и бысь
В странной, ненужной свободе,
Скорой измены боюсь.

Может другой, говорливый
Ею приближен, жавет
И, возбуждаясь, ирриный
Взгляд ее огненный пьет...

*По воспоминанч.
12 февраля 2002 года.*

11.

Ведь кто-то чувства презирает.
Вне их сиянь, но не я!
Любовью жив, так прозревает
Душа уставшая моя.

В ней вдруг рождаются догадки
О том, что зря огонь горит.
Остался пепел, без оглядки
Амур ислуганный летит.

Ему не нужно дуновения
Ни чувств, ни страсти, яркий свет
Каких-то диких отравений
Он шлит, обогащая, в ответ.

Я им пожмусь: Горб вырастает,
Бурится страшный, не унять.
А он бесследно исчезает,
Оставив скучно умирать.

И в дыры окон незакрытых
Ползут янтарные жуки.
Быть может, звезды? Их, забытых,
Слушлуп он, быстрый, у реки.

Реки времен, текущих кругом,
Моей тяжелой головою.
Она мне стала просто другом.
Как эти речи не новы!

Мой сорт? второй. По предписанью.
Я нынче друг. Потом, в конце,
Письмо: прощальное, свиданье,
На скляночке, каменном крыльце.

13 февраля 2002 года

12.

Видно, она побоялась
Жизнь свою круто менять.
Знала об этом, стеснялась
Вслух, не срывая, сказать.

Я же совсем непригоден,
Помощи нет и не жди.
Что ж, что любила — не годен,
Ей не по нраву вожди.

Замужем, пусть номинально,
Он с ней уже не живет.
Это не страшно. Реально
Помощь на сына идет.

Вдруг он узнает, что кто-то
Бродит, от счастья ослеп.
В миг прекратится забота
В самом конце февраля.

Лучше по-прежнему, четко
Долю свою получать
И увидящая теткой
Тусклую старость встречать.

14 февраля 2002 года.

13.

Рву крылья слов, жуужащих нудно,
Что так, что задк — все одно.
Убого. Может быть, подслушно
Уверен: каменное дно.

Их примет, врезавшихся тупо
В необработанную твердь
Родных наречий. Видно, глупо
Здесь смысла ладить прочно жердь.

Я не каратель. Просто годы
Идут и стрекот слов пустых
Меня неприятен. И природы
Хотел бы в звуках я простых.

В мышьзани, в клетке и в рыке
Да так, чтоб были неясны
Причины звуков тех на стыке
Зимы и востреной весны.

Язык мне даден в наказание
Мой ливет осужден. Только боль
Пронзает резко от сознания,
Что я — вещающая голь.

Слова роняет. Уплываает,
Как берег, жизнь. Жуужанье крыл
Его, я знаю, удаляет.
Я сторвал их. И забыл.

15 февраля 2002 года

14.

Блуждают важные в ночи
Людей бесчелных палачи
И люди, выпив, прозревают,
Что их давненько поджидают.

Быть может, чуток страшный меч,
Который срежет с белых плеч
Голов сочащиеся груши.
Вдруг станет проще все и глуше.

И опустеет сразу ночь.
Палач не в силах превозмочь
Урату к смерти осужденью.
Мечом решительным прожженных.

Его не нужен станет труд
Уже на казнь не пойдут.
Не станет жертв, кого карать?
Одна забота — умирать.

Казня несчастных всех, под корень,
Палач, уж коли он упорен,
Себя решительно казнит:
С последней жертвой — он убит!

16 февраля 2002 года.

15.

Со мною чистое несчастье:
Я вдруг не нужен стал. Ну что ж!
Приму бесстрашно безучастье
По ружью, как острый нож.

Оно вскинется. Только сразу
Не будет легкого конца
Придет та мне над звуковой фразой
Ждать запредельного гонца.

Он не спешит, но знаю точно:
Меня он скоро посетит.
Мое отчаянье построчно
В листах исписанных горит.

Я ость ваю в стальных стенах
Несчитающихся слов.
В их бесполезных гримирных
Нет ни свободы, ни оков.

На истомившейся равнине
Бумаги белой и пустой,
Я ощущаю колкий иней
Кончики скорой и простой.

17 февраля 2002 года.

16.

О, как же я тебя узнал,
Мое простое вдохновенье!
Душа исколла я отжал,
Как сок, и сладость, и томленье.

Закручен в белье жуты
Мой голос внутренний. И стоном
Он вьет образы в пласты
В тошливом сумраке зеленки.

Мне не под силу одному
Держать их в гаснущем сознаньи.
Еще немного и приму
Безумья жаркое сиянье.

18 февраля 2002 года.

17.

Кареекое счастье мое!
Отчего ж ты теперь не со мною?
Не «тебе» в газете — для «нее»,
Для «нее» и от этого вою.

Ты показала, видно, меня
Оттого, что любовь отгорела.
Я бы понял, когда бы кляня,
Но не так. Ты спокойно, умело.

Попросила навеки уйти,
«Отпустишь», как хозяин рабыню.
Поведала ты счастье найти,
Словно спелую, свежую дыню.

Но не ты. Измодженным рабом
Это я при тебе пребываю,
Даже если растались, и дом
Твой, когда-то родной, забываю.

Это я многолетне пленен,
Словно цепью, жестоко сухой.
Безразличьем твоим уязвлен,
Бесконечной, как небо, разлукой.

19 февраля 2002 года.

18.

Мелкий-мелкий снег идет,
Словно пыль, но чистый, белый.
Солнце утром не взойдет.
Видно, Фокусник умелый.

Тот, что в небе Господин,
Спрятал зимнее светило.
Он ведь волен. Он один.
Все в его великих силах.

Я залпнусь на слове «Бог».
Голос мой не сладкозвучен
Для Гварда. И что ж я смогу?
Ничего! Но весь измучен.

Он же вечен. Тяжкий труд
Мы его не понимаем.
Лишь предчувствуем и тут,
Не постигну, прославляем!

Непонятливы, смешны,
Рождены брести по кругу
Ведь прямые не страшны,
Все — в космическую выюгу,

В беспредельный, страшный мир.
Смерть там — зыбкая граница
Но кипит гигантский пир
Тот, что в полночь часто снится.

Страхом связаны, бредем
В надевших потеренных,
Все надемся, умрем
И воскресем вновь в твореньях,

В непостижимых мирах,
Ближе к месту, где хозяин
Солнце прыгает. Снежный прех
Сыплет по небу, сдувает.

Нам все верится: тогда
Осознаем тайну снега
Время кончится. Года
Станут медленны, как нега.

21 февраля 2002 года.

Их прорвется череда,
Будут, вечные, тянуться
В них расставим мы, когда
К Богу сможем прикоснуться.

20 февраля 2002 года.

19.

Она кричала на меня,
Я нынче всюду виноватый.
Вокруг все струдились, вина,
Как будто знали, что податый.

Но если б был я грез в дугу
Не смог бы выдержать упреков.
А так — на жизненном лугу
Кружусь нетвердо, без подсказок.

Она обиделась, ведь я
Пишу о том, что гложет душу.
Без правды, честно, бытия
Я тряс надломленную грушу.

Плоды опали все, лежат,
Подняв, и сладко источают
Грехов тяжелый аромат.
Он всюду слышен. Упрекают.

Его учувшие власть,
Меня, обсылавшего древо.
И я, чтоб сразу не упасть,
Залил в страдающее чрево.

А что ей, яростной, она
Меня убогого бичует.
От боли, но не от вина,
Виновный в честности танцует.

21 февраля 2002 года.

20.

В дешевой курточке, убогий
Бреду по жизни. Легкий след
Сотрется быстро. Тонкокожий
Меня подставит мой сосед.

Его не вижу я, но точно
Он здесь таится, через дверь.
Давно знакомы мы, заочно.
Боюсь его, он словно зверь.

Кругами ходит незаметно,
Бесплутел в бархате теней.
Ко мне приставлен он конкретно
По самый край недолгих дней.

Я знаю: строки приговора
Ему зачитаны. Пора
Меня, как пойманного вора,
Отдать на милость толпы.

Но медлит друг мой, ожидает
Мимолетной слабости, тоски,
Такой, что плотно зажимает
До крика смертного в тиски.

Он ждет, что сам я, без усилий,
Под чулким взором отойду.
В небесный край цветущих лилий,
Быть может, в нынешнем году.

22 февраля 2002 года.

21.

Уже неплохо то, что светлый,
Желанный взор твой устремлен
На лист, в котором незаметный
И легкий дух мой воплощен.

Ведь ты обычно так прохладно
Скользишь по строчкам тем, что в ряд
Я в лист вхожу аккуратно,
Пока мечты мои парят.

Когда пишу, то представляю
Помедлив, все-таки прочтешь,
И вдруг узрешь, как спрямлю
По строчкам кратчайшую дрянь.

Сквозь них, в сияющем зале,
Тобой любимый я явлюсь,
В высоком, выдуманном зале
Тебе до пола поклонюсь.

Одет же буду я по моде
Не той, что нынче, словно шут,
Но только грустный, в той природе,
Где смог я вырваться из пут.

А ты ничуть не удивишься,
Увидев облик мой простой,
Лишь взором чистым разгорчишься
Мой взгляд почувствовав пустой.

Ты оживишь меня не словом
Но страстно, льющийся из глаз,
Пресраженный, в платье новым
Я поздравлю тебе алмаз.

Он изольется ярким светом,
По рифмам искрами пойдет
На лист, оживший и согретый,
Твой взгляд небрежный упадет.

23 февраля 2002 года.

22.

Мне ни до музыки. Издали
Все звуки грубо из души
Но было чувство, что играли
Лишь для меня, когда в тиши,

Как математик, видел дуги
Горбачих функции между стрел
Осей, завязанных на круге,
Нуля, зпечатанного в мел.

Листа, звучащего аккордом,
Как гром, по черному столу,
Я слышал все в молчаньи гордом,
Привяв гармоний кабалу.

А нынче, глухнущий, отринут
От звуков, стинущих в листах,
Не слышу музыки, покинут
В уже отгранных пластах

24 февраля 2002 года.

23.

Не тот поэт, кто вяжет рифмы —
Плетут их мхи, а тот
Кто слышит опенные ритмы,
В которых музыка живет.

Он слышит их бивные четко
Меж слов и прыгающих ног,
Не дар, а участь эту кратко,
Никем не почитый нисог.

И кто ж поймет, когда бесстрашно,
Отдавшись полностью на смерть,
Начнет вещать легко и страшно
Про мести вскинутую жердь.

Она огромна и судьбою
Поэтом тем наречена,
Над миром всем и над мною
Уже давно занесена.

А он, все знающий, вещает
О том, как курстует наш скелет,
Под жердью тяжелой. Обещает
Нам нежность смертную. Е ответ

На нашу глупую бесленность
И на спасительный «авось»
Дубина ружнет. Канут в вечность
Все те, с кем знаться довелось.

Вот в это грозное мгновенье
Меж ожиданьем и концом,
Родится музыка бивные
Поэту данное Творцом.

25 февраля 2002 года.

24.

Что ж вы креститесь в комнате темной?
Иль боитесь — чужие узреть?
В их глазах с поволокою темной
Блики радости вдруг возгорят.

Ведь хороните нынче поэта!
Пусть иной эн, шагнувший за грань,
И бессмертный. Вы креститесь, где-то
Он гуляет, неузнанный, в рань.

Здесь лишь грах его. Тени по стенам
От свечи, измерцавшейся в ложь,
Собрались хоронить его тленом,
Ваша глупо пропитана дрожь.

Пусть риза его тяжкая нежно
Держит крест, успокоивший грудь,
Он не против, несите прилежно
Это тело в положенный путь.

А душа его нынче безродна,
Вы успели об этом узнать
Поздно креститесь, си же свободно
Будет как-нибудь навеждать.

26 февраля 2002 года.

25.

Заметил — двое. Утро
Полвосьмого.
Тепло и хмуро. В небесах
Блуждает ветер легкий
У кособокого суроба кружит.
В ровных полосках следов от лыж
Тропинка клетчатилась.
Как раз на ней, у голого куста,
Они в потемках замерли
И жалость в душе проснувшись,
вдруг отрядна и чиста.

Обычно здесь,
Средь дремлющих деревьев,
Один бегу по кругу от тоски.
Плещает радио.
Мысленных кочевьев
Свершилось сотня
Тонкие вибрируют,
Как чуткие мембраны
В них сыются образы.
Колбасит их. В волнах
По воздуху в таинственные
Страны бегут, как духи
Умерших, в тених.

А нынче — эти! Страстные
Приглаш. Они — и ней. Она,
Недвижимая, льнет
Бродит ночью? Манящая?
Не слыши? Пора прощаться.
Утро настает. Еще чуть-чуть.
Немножко, на прощанье.
Обнявшись крепко. Пусто ведь
Вокруг. Мужик какой-то.
Горькое свиданье он завершил,
Сомкнув неровный круг.

Они простигли.
Вот она уходит. Тот, от кого,
Чуть медлит, не слыша
Все взад-вперед по тропке
Ужас бродит. Она в годах —
Заметил — хороша!
Замедлив шаг, дорогу уступает.
Быстрой бегу, и чувствуя, что взмок.
Сглядываясь, вижу, что шагает.

Он снова к ней.
Решитален, высок
Подходит, встали
Только ненадолго.
Потом пошли. За ней
Он медленно идет.
Под легкий склон туда,
Где скланная Волга
К каспиянским берегам,
Тажелит, течет!

Уж скрылись. Ну, а я
Подумал, что когда-то
Ни летом, ни зимой
Тебя не упрости.
Приди сюда со мной
И ты не виновата
Я верю, что тебе
Недоставало сил

Второй уж год идет
Несчастье, послышно
Иначе. Без тебя не может быть
И все ж, бегу опять туда,
Где мог бы быть счастливым,
Чтоб думать о тебе,
О том, как ты живешь

Менты мои со мной
Те, двое, будут рядом
И я не одинок, хоть в думах снова тут.
С тобой, как с женой,
Беседу. И ядом
Безадресных речей
Души уморок зуд

Но все не до конца:
Тебя не забываю,
Хоть и давно чужок.
Далекий ты живешь
Вдруг станет больно так,
Как будто ты живая,
Взяв за руку, под склон,
К руке меня ведашь.

27 февраля 2002 года

26.

Я к ней, как к критику, в немилость
Попал. И, видно, оттого,
Что ей смешно моя унылость
Она не знает, для чего
Пишу чувствительные вирши?
Чтоб ей читать их? Но она
Расчет мне выдала. Кассирша?
Не нужно песен и вина

А я все томлю, все жеманюсь,
Надеюсь, будто бы она
Заметит, как унылый шляюсь
У освещенного окна

Неужто в этих вот ужимках
Обиду можно растворить?
В веселых, мысленных картинках
Любовь, как пленку, повторить?

А тут стихи! Да, что ей строки
Неровно втиснутые в ряд,
Как видно, в спешке. Есть же зрочи!
Нельзя же суглами подрав
Скринить бумагой, как костями,
Бренчать на лире день и ночь
Беднота! Справься же с вестями
Ее отказов. Превозмочь
Печальной участи не сможешь.
Лишь струны сердца оборвешь
Того, что спомано, не спомнишь,
А снисходенья не найдешь.

Ну, что ж ты пишешь про молчу?
Она, ты думаешь, всплачет?
Ты ей давно уже не милый
Она тебя совсем не ждет.

Быть может, хватит слишком много
О смерти скорой говорить?
Штаны удобней — скинь же тогу,
Начни без вздохов томных жить.

Обыкновенно? Ну и ладно!
А то все бури, все закаты.

В квартире в общем-то прохладно,
Соседи сверху гомонят.

Ты варишь щи. Кисла капуста
Из головы свиной. И пусть!
В карманах третий день как пусто:
Вот это да, вот это грусть!

И роз не видно бирюзовых
В красивых, бархатных перстах
Зато ты в тапках — теплых, новых
В них так уютно. На листах,
Как видно, записей не надо.
Из развороченных глубин
Не рван образов, ни ада
Не выскать. Больше. Ты один.

Зачем же нужно резать жилу
В горячей ванне сей же час?
Быть может, лучше все же мыло?
Быть может, вымыться хоть раз?

28 февраля 2002 года

27.

Все же влетел он нежданый, двурылый
Лица не увидев, лишь плещущий свет,
Да холод, не тот, что идет из могилы,
А тот, когда август кончается. Нет.

Тревоги и страха. Лишь волны покоя
Сковали блаженством и руки и грудь.
Так как же так вышло, что не мне нос двое?
Во взоре летаешь. Нельзя обмануть.

Мой взгляд воссоединяет. Ведь вот же ты вьешься!
В неясной тревоге летаешь, кругом
Вдруг стены исчезли. На светлом пороге
Остался. И к краю иду. Каблуком.

Задеты осколки хрустальные. Видно,
Здесь кто-то разбил ниспадающий свет.
Стою на краю. Дальше пропасть. Обидно,
Что крыльев таких же свергающих нет.

Ты же все вьешься и будто бы манишь.
В пропасть шагнуть. Обещаешь взлететь.
Храбрость мою, подлетев, укрепишь,
Душу поймав обольстительно в сеть.

Я же тобою на миг соблазненный,
Думал шагнуть и надеюсь. Вдруг
В пропасть не рухну. Тобой скрытый
Вслед опишу воспитательный круг.

Только мгновение. Ты выплел. Стены
Вновь поднялись. Полумрак. Не за мной
Ты прилетел из бескрайней Вселенной,
Холод развеив по толу земной.

1 марта 2002 года

28.

Нет, ни лепет зимы, это — оттепель!
Я не верю, что время пришло
Распрощаться. И снежные россыпи
Еще плывут, пока не аэрошло,
Ослеплое, в небе светило.
Возбужденное соком весны.
Будет холодно, ведь не избродило,
Не пробилось сквозь зимние сны
Сладковатое топливо лета,
Что готово в момент возгореть.
Слишком рано. Еще не соррета
Для того, чтобы в пламени млеть,
Грудь земная. В морозных потемках
В марте будет ленивая ступь.
И ветра меж лучей, как в постромках,
Будут заныть рассветною вьють.

2 марта 2002 года

29.

Давно уж сердце не сжимается.
Привык. Лишь изредка тоска
Скользит и быстро растворяется,
Как свист осколка у виска.

Все больше в мыслях нехорошего, —
Никак не вяжутся концы. —
В осколки, в режущее крошево
Разбиты радости венцы.

И принимаю я как должное
Вот эту злую тишину.
В которой зреет осторожное
Желание кануть в глубину.

Великой пропасти забвения,
Где вместо света — пустота.
Я гасну. Чистое горение
Мне заменяет простота.

Глубокий обмороз бесчувствия,
Тобой рожденного, когда
Ты отказала мне в присутствии
В твоём пространстве навсегда.

3 марта 2002 года

30.

О, как я рад, она вернулась,
Моя любимая зима!
Уж март заплакал, прикоснулся
К нему, прекрасна и нема.

Так неожиданно, наутро.
Ведь накануне все тепло.
А ныне: в белом герламутре
На лужках льдистое стекло.

Деревья высохли и стройно
От стужи вытянулись, ждут,
Когда ослепно, многослоино
Снега меж нами упадут.

И эта стройность мне приятна,
Не то ведь вымокли стволы.
Раскисли в клыски неопратно
Теперь жэ, четкие, видны.

Уже сухою, белой пылью
На жестком, режущем ветру
Снежинки кружатся. Обильно
Метет в низинах, на юру.

Спать вздыхаются суробы.
Их на расквате наметло.
Зима вернулась. Помогло бы
Ее большое помогло.

Хоть не на месяц, на неделю
Морозам вымести тепло,
Чтоб вилковой карамелью
Оно, растаяв, не таяло.

И чтобы в воздухе студеном
Вновь вкусно пахло чистотой,
Свод неба, стужей опаленный,
Сверкал хогодной красотой.

4 марта 2002 года

31.

Под ногами снег пушистый
Зреет холодом, скрипит.
В небе иной золотистый
Мелкой россыпью летит.

Тихо. Ветра нет. И все же
С серебристыми ветвей
Он срывается. Похоже
Бродит верхом сухой.

Еле-еле льются струи.
В предрассветной тишине
Обессилен ветер, асуде
Он носился в вышине.

Был он влажен, непокорен
От пынящего тепла.
Но мороз еще упорен,
Стужи дернул удила.

И, хмельной, лишенный влаги,
Ветер выдох вдруг, увял,
Рунул выдох в саргати,
Пометелил — и пропал.

А поутру, меж ветками,
Что осталось — то висит,
В иной крошится. Теньями
Опадает и парит.

5 марта 2002 года.

32.

Слезами я не обливался,
Хотя в душе и боль, и мрак.
Все в мыслях к милой обращался,
Молил о помощи, дурак!

В башке нетесаной, чушной
Ронялись образы, я мнил.
Как баллаванчик, трехструной,
Убогой лирой звенел.

Шептал, наигрывал и строки
Лениво, нехотя лились,
Глупее, мучаясь, и строки
В моем световом прерывались.

Убог, и безвременный слабою
Процдан, прошой, моя любовь!
Вот мы, расстались и — старею.
Ведь без тебя холодеет кровь.

Процдан, сердечная отрада,
Моя тоска, моя звезда!
В аллею Павловского сада
Уж не гулять нам никогда!

6 марта 2002 года.

33.

По ямам скрылся снег со склонов.
И оголтелая весна
Безумства башенных поклонов
И ветра влажного полна.

Видны останки водянистых
Цветов белого октября,
Они мертвы меж складок льдистых,
В лучах ночного фонаря.

Мне жутко видеть их. Тоскливо
Здесь, на погосте, где мороз
Справляет проводы лениво
Меж вмерзших в лед,
Бесцветных роз.

7 марта 2002 года.

34.

Ты мне как дальняя Отчизна.
Пусть не со мной — благодарю,
За боль, за злую укоризну
Почти как год, Календарю.

Тобой отданы желанья
И чувства на станциях пожар
Тобой покинут, оправданья
Уже не нужен поздний жар.

Но полон им, готов излиться,
Да, тс-лью дальняя земля
Тобой покинута. Мне снится
Твое присутствие. Пелла.

Пустого странствия по свету
Не занимается. Вдали
Одна, не ждешь меня и где-то
Твои клуждают корабли.

Не соль и ветер океана,
А сонных грез пространство льнет
К бортам фрегатов. В дальних странах
Фантазий сладких. Не умрет.

Твой образ дальний. Каждой ночью
Вокруг, как волны в бурных,
Душа разбитая клочколет
И утиляет в долгих снах.

В них блекнут трепетные тени
Твоих присутствий. Разберет
Их связь безумие. И лены
Предсмертной музыка растет.

8 марта 2002 года.

35.

Погода жуткая. Надменно
Здесь все под ветром. И луна
Зависла кружком. Нарочно
Безумным пламенем полна.

Оно горит голубицею,
Слоями палосний теней.
Снижает яболок главною
И, ветром вадугон, поет.

В нем нет тепла, но разливается
Огонь на расвет. Стужи крист.
Им насыщаются, ласкаться
О ядра соленых планет.

9 марта 2002 года.

36.

Поэт писал, что жизнь искрилась
В момент смертельный, на лету
Ему на верном сначала
В стихах услышав красноту.

И, вдохновенные, с восторгом
Соплати жемье прозулой в сад.
Иных, увы, я видел в море.
Их так сложили неволгод.

Они не верили поэту,
Что жилось, как раненый, кричит.
Когда кончается. Про это
Он сообщил им, и убил.

А мне читать не надлегло
Пусть меря лют, но этот крик
В мое слабощее тело
Стройся отгоненной проник.

10 марта 2002 года.

37.

Зачем любить, что редкостью и мнимо,
Иль рождено из призрачного сна?
Глушцы повсюду злобстауют. Гонима
Ты за любовь свою, но вот-таки верна

Нанужным редкостям, изыскан безделушкам.
Бесцельность их безмерно дорога
Платить придется жизнью, не полушкой,
Ведь, если не расплатишься, в снега

Бесчувствия безмерного, пустого
За роскошь сострадания и слез
Сослалот тебя. Не станет охристого
И пестрого мелькания барис.

Вернись же к правде грубых ощущений!
Не вымыслами, фактами жизни,
Чтоб избежать безумных откровений,
Меня (я вечно рядом) позови.

Тебя пойму. И сразу полегчает.
Вернись в мир, мгновенно различаешь,
Как снег летит, фонарь скрипит. Качает
Его кадиллом огненным. Взлетит!

Лишь в первый миг от ужаса немного.
Ты не молчи — младенцы звать кричат —
И ты кричи. От вопля, от престога
Душа твоя опустится до пят.

Потом ты успокоишься. В изгину
От фонаря, треснико, задисем
Мы спустимся. Туманную долину
Минем в подознании твоём.

Пойдем одни. Луною освещенной
Тебя увижу и расчувствуюсь до слез.
Не грезими, тобою восмощенный
Коснусь твоих чуть выщипанных волос.

И ты меня коснешься чуть, в ответе.
Я вполню сразу, как целуешь ты.
Так искренне, как маленьких дети,
Когда вручают матери цветы.

38.

Я не забыл еще: влюбленность
Лишь ненадолго греет кровь.
Но в ней, на взлете — обреченность.
Она лишь шалость, не любовь.

Когда влюбленность, небольшая,
Как речка мелкая, душа,
Журлит, восторгам играя,
Песчинки мыслия вороша.

В ней боли яростной не скрывать,
Не кануть и не утонуть
Ты можешь, плавая, разбиться,
О дно ударив сильно в грудь.

И сердце, плещущее жаром,
Не скроет легкая волна
Простой влюбленности. С пожаром
Любви не справится она.

12 марта 2002 года.

Мы спустимся. Ну, вот они, владения!
Лишь нам двоим дарованная гладь.
И ты не ставь на кон воображенья
Пока я здесь, тебе не отыграться

Туда, обратно. Только что сбежала
Сюда, ко мне, к реальному. И все ж
Мы будем вместе. Ты же обещала,
Что навсегда. Иное — это ложь!

11 марта 2002 года.

39.

Зачем душа моя все шире
Цветет, как куст, в холодном мире,
В котором люди все равны.
Ваму высоких белых башен,
С которых Бог глядит, ведь страшен
Суровый взор. Покорены
Все приваения жисого
А тут душа моя готова
Под взглядом цвести, как под луной,
Укрывшись легкой падевой
Вот Божи взор упал и светом
Вдруг опалило. Догреть
Теперь я буду, ведь поэтам —
В оне цвести и умирать.

13 марта 2002 года.

40.

В уединении монотонном,
Тобой к нему приговоренный
Уж скоро год, тоску зря
Но не ищу я облегченья!
Пусть дни пустых горят поленья,
Мне легче так, когда горя,
В тоске истлею, позабытый,
Твой взгляд не чувствую открытым,
И усталась я домом слез
Меж липий сохнувших и роз,
Пытаюсь петь тебе, о, Дева!
Быть может, слышишь ты? Одна
Живешь в разлуке. И напевы
Мои к тебе несут весна.

14 марта 2002 года.

41.

Смотрю в окно и вою внемлю,
Почти что вихрь упал на землю,
Как будто полчища чертей
Волот свавось тьму из бездны дальней
И чем темней, тем вой реальней
Пронсает зыбкий слой теней,
Они, сдвинутые на задняя
Нахлынут волнами. Молчанья
Вдруг возжелаю страстно я,
Пусть стихнет все! Душа моя
Среди воя дьявольского снила,
Объята стужей гробовой,
Что с ветром северным проникла
В надрыз весенник, ножевой.

15 марта 2002 года

42.

Под дождь вытягиваю руку,
Он летит сквозь снег. В тараку скуку
Весной повержен я. Не трюшь,
Не отвлекай меня. И даже
Не плачу надменно о пропаже,
Когда исчезну. Урезонь,
Свой пыл, сверкающий игрию,
Он неуместен, ведь тошнота
Без солнца в марте. Я из так,
Кому весной приятен смех
И небо синее, бедняга,
Люблю в тот день, когда едва
На склоне влажного оврага
Мелькнет зеленая трава.

16 марта 2002 года.

43.

Пойду по улицам слоняться!
Пусть волюно призраки роятся,
Пока не впишутся в степи
Холстыны памяти. Душою
Стеллся долго пред тобою,
Теперь далеко. Но в виски
Все бьются образы. И рана
Не заживает. Хлещет пьяно
Пустая ревность. В черном вся,
Тепло, как траур, принесся,
Весна в объятия принимает,
Блуждает образы. И с ней
По той, далекой, сердце тает
В весеннем кружеве теней.

17 марта 2002 года

44.

Даша пелена. Это скверно
Давно не считал легкой саркой
Науку винилоу романом,
Социал с дистанции. На крыле
Души, бистра и урны,
Летят стремительно. Времен
Не замечая. Все неусто
Павлом мне, Я развинулся
На смол на скорости. Юно
Рабилков. Ноу вилоче
Плетусь. Дыханием свастичим
Боссе прокожию напутать
Не тот я ныне. Настоящая
Умел без усталости летать.

18 марта 2002 года

45.

Сегодня нечер неприятный
Весна разжисла. Неогранный
Мелкие миски ражи
И слабо светит. Воздух мглистый
Как стужей, мурлая и славастый
По черном ритмичном залог
Сутробы серые полпыты
В тьме голубыном. Ты ты ли
Вот эти, покорю ждала?
Ведь миски томаш миса
Зиме возмислось прямо в вену
И сонца ежког торо
Зарокови стужа на подмену,
Как над чертопшой, полетко.

19 марта 2002 года

46.

Быть может, мне не нужно лета,
 Когда в зеленом вся одета
 Шумит береза надо мной,
 Как эхэ слышавшая разлики.
 Ведь это летом наши руки
 Сплелись в последний раз. Ночной
 Степикас бархат теплый. Снега
 Тепла июльского такого
 Мне будет вынести невмочь,
 Бюкса, как только рухнет ночь,
 Тоска вернется. Навозможно
 Ее, безумную, унять,
 Зимой мне легче. Осторожно
 В снегах глубоких догорать.

20 марта 2002 года

47.

Пусть так и будет, мне неимется
 Хотел покоя — не сдается
 Душа, окрашенная в синь
 Весной согретого рассвета
 Она расклевнута, раздета
 И беззащитна. Шлейф накинь
 Ко мне внимания. Пусть узкий,
 Как вся любовь твою По-русски
 Мы говорим с тобой во сне
 Опять ты рядом. Видно мне
 Что руки ты сжимавшь крепко.
 Потом не плечи мне кладешь.
 Глядишь, как будто держишь цепко
 И так, что взгляд бросает в дрожь.

21 марта 2002 года

48.

Вздыхать недолго мне противно,
 Я усложню, ведь неважно,
 Лишь буду говорить имена.
 До их владельцев нет мне дела.
 В космополитных оспадела
 Любви, нежданет. Оно
 Меня покорит. Ушло
 Перебираю то, что было.
 Да так, что путаво бакаро
 Ее фигуру. Сучный оваро.
 Где с ней встречались, поговаро.
 Там в марте сколькоже бурры
 Пылашь, но не оваро
 На вдокновены, ни игры.

22 марта 2002 года

49.

Шатаксы! Истинно свободный,
 Все так легко. И валлед голднрый
 Пронит в пустынные края
 Там все — загадка, но в опоре
 Я не нудасю, пусто в море.
 Сколько, как летная ладья
 Ладше, оспустваста и братства,
 Мне нежеланю даже бы...
 Славяги. Боже мене спас,
 Он сваскодительный у нас.
 Отлею мне место последнее
 Пустого, круглого двора
 Безд бы лучше, чтоо на льдане,
 Который трескаться пера.

23 марта 2002 года

50.

Иным, не ею я волнуем.
 Мы с ней в разлуке и кочуем
 Уже не вместе. Жизнь строга,
 Заботы дарит. Недвижимым
 Давно лежал бы. Под нажимом
 Бреду покуда. Берега
 Подобны пропасти, не склоны,
 Почти сомкнулись. Даже стону
 Не просочиться меж створен
 Придавлен жизнью. Не влюблен.
 И все же трепетные нотки
 Среди смыкающихся скал,
 Глубокой ночью, на короткой
 Волне разлуки услышал

24 марта 2002 года.

Она

Она. 1.

Она, я помню, приотлила,
 Капризна даже, но умна,
 Вплоть до иронии. Тосклива
 Была лишь изредка. Сироманна.

Не легкомысленна. Достоинно
 Смотрела в корень и причин,
 Взаза кончики спокойно,
 Нащупав суть среди личин.

И эту сложную природу,
 По-женски вписанную в мир,
 Не всякий принял, ведь свободу
 Так трудно выменять на мир.

А ей высокая свобода
 Была дороже всех страстей
 Чуть нелюдима, едкая природа
 Ей не готовила гостей.

Она без них могла считаться
 Во внешнем мире и внутри
 Души своей и не бояться,
 Что вдруг погаснут фонари.

И дал же Бог ей обаяние,
 Совсем не шедшее к судьбе,
 Как будто легкое порхание
 Прибавил росчерком к ходьбе.

Она, велемая подчиняясь,
 Свою постигла красоту.
 Совсем спокойно, не кривляясь,
 Блещет одна на высоту.

Стройна к тому же. Легким станом
 Была подобна дочерям
 Элады древней. И упряма,
 Не шла с поклонами к царям.

А нищих духом презирала
 Убогим всем дала знать,
 Что не по ним она. Из залов
 Всегда стремилась выводить.

Но я, влюбленный ей, остался
 И не был изнан ею прочь,
 За что мне мечь — не догадался,
 Провел я ее объятьях ночь.

Потом отлучен был. Поняне
 Тоской любовной увялен
 Одна лишь ночь — и я в пустыне
 Пространств холодных и времен.

25 марта 2002 года.

2.

Когда б с тобою мы неузна-ыми были,
То, может быть, сейчас была бы ты со мной
И был бы счастлив я, хоть вместе, значит, в силе
Вздымал бы к облакам, как пизрак неземной!

Слиянья волшебством душ была б объята:
Я был бы властелин всех прилесть твоих!
Ты мне дарила б их. И то была б расплата
За всю мою любовь, за мой еоздушный стих.

Но высмеян мой труд. И чувства приоткрылись
На злой и скорый суд завистливых людей.
Ты больше не со мной. Полеты прервались
И снова я, как все, уже не чародей.

Не знаю, может быть, и ты одна на свете —
Расстался мы, но ты живешь в моем сонете.

26 марта 2002 года

3.

Как рад я, что пока еще не улетели
Мечты мои о том, как мы продолжим путь.
Бдвоен по тьме долины. И призрачные цели
Нам станут вдруг ясны: мы сможем отдохнуть.

Душой возликовать, как только станет ясно,
Что цель у нас одна: любви бессмертной рай.
Ее мы ощутим достигнутой. Прекрасно,
За сумраком долин откроется наш край.

Распахнута душа. Таинственное зренье
Мечтали о тебе открылось в нем, горит.
И в пламени его твое отраженье,
Как легкий лепесток, над пропастью парит.

Живи в моих мечтах, пока не давая,
Пока ты в них живешь — душа моя живая!

27 марта 2002 года

4.

Тяжелый груз одежд, пропитанных водою,
Влечет меня ко дну. Погибнуть суждено
Тому, кто обречен разлукой, на судьбою.
Разлука, как вино. Отравлено сном.

Я знал, что мне не плыть: вода черна, студена.
Меня ползает вино под тяжестью одежд.
Но я в нее шагнул без волгасы, без стога.
Мне легче умереть, чем сохнуть без надежд.

Еще чуть-чуть — и все! Сомнутос, всплыв, воды.
Не найден буду я, ведь некому искать.
Та женщина, что мне вина давала, годы
Безлечно промечет. И будет нсливать

Свой страшный эликсир всем тем, кто рядом вьется,
А после, замелев, в пучину окнетос.

28 марта 2002 года

5.

Природой утомлен. Я часть ее, но чарам
Распалнутых небес не выемлю. У огня
Сию и не согрет. Ласкает не меня
Светило, по краям оплывшее пожаром.

Но был я часть ее, природы перевозданной,
Пока не полюбил. Любьюею уличен
В стремлении понять механику времен
И ход событий, скользящий и странный.

В любви преобразен, различья ощущаю,
Иначе живу все. Дивлюсь и не прощаю
Ее за то, что так возвысила меня.

Жалею иногда, что я, дитя природы,
Вдруг выброшен на мель, ее покину воды.
Как сонущий плавун, пригодный для огня.

29 марта 2002 года

6.

Мне не избавиться, несчастному, от страсти.
Она живет по прихоти богинь,
Чьи имена так сладостны. Но синь
Во взорах их стужается от застыти.

Ну ладно бы один амур с излучим луком...
Так нет же, злосильный рой всосавшихся жужит!
Бонзает жидя страп, победно гомонит,
Меня приговорив, израненного, к мукам.

Моя ли в том вина, что сердце ощущаю,
Как пурпурный цветок новящийся? Гроцваю
Презрење грозных муз, неласковых ко мне,

Наславших в темноте стрелок осатанелых,
Учужавших нектар любви пьянящий, смелых,
Как смелы злые духи при гуне.

30 марта 2002 года

7.

Пусть холодна. Но нити разговора
Не рвет поспешно, мучает, томит.
Мне знает — больно. Голос мой дрожит,
Как у раба, от страха и позора.

Но я не в силах кончить этот спор!
Мне в чем-то чудится спасенье.
Пусть ныне пост, но после — разговенье!
Ее мне слушать хочется. В укор.

И в снисхождение быстро погружаюсь,
Во мне обиды нет, не каюсь,
Что позволяю душу истязать.

Я все стерплю, надменную природу
В ее словах, как огненную воду
Открытым сердцем буду остужать.

Поговорили, называется!
31 марта 2002 года

8.

А мне бы просто подлуну
Было сладко подуть,
Она смогла меня прельстить,
И ныне брошенный тоску.

Служи? Прекрасно! Но слова,
Во мне заживший, полонит,
Он же ввел — не сдает
Живое чувство к ней. Но тряс.

Тоской израненное сердце:
Тоска же жила надеждой герца
Его палачий брыз.

Ведь лишь, ее привокновенья
Несли услужу избавления,
Как ст. виденной тожике сон.

1 апреля 2002 года

9.

Уж скоро новые росы брызнут
По майским млеющим лунам,
Центельным восточным. Студя
Посылая сти тебе. И слышат

Во мне, уставшем, голоса
Они с полудня безразличны
Для нас, что славословиям
Меня сугубит в небеса.

Ликом грешбиленый летю
В восточном стуле, Станюю,
И стручь с лиры можно сить.

Не внемлю трагету Зола
Душа без звуков немых года
Дрожит. И дрожи не унять.

2 апреля 2002 года

10.

Собачкой старой, выгнутой на брюхо,
Скольжу по льду. Он тает в темноте
В бездонных небесах смеркается. Не те
Мерцают звезды, мне неведомые. Глухо

Во мне все что-то тьякает, скулит,
Почти не виден, черни, словно воздух,
Он пахнет псиной. Сдерживаю роздых,
Боюсь пропахнуть темнью. Разит

Давно и так уж крепко мертвечиной
В местах, где я присутствую. Мужчиной
О двух ногах мне больше не бывать.

Бездомный пес — вот новое збличье!
Ей безразличен я. И все же для приличья
Пытаюсь, испод ой складно подзывать.

3 апреля 2002 года

11.

Та, у которой числось номинально
В почти забытых, бывших холуях,
Давно гостит в неведомых краях,
Где мне не быть, ведь это нерально!

Все в той же месте, в тихом царстве духа,
Я пребываю в прелести немой
Боюсь вздохнуть, ведь тень ее со мной
Трепетает в песне, сладостной для слуха

Порой мне кажется, что тень ее мне ближе.
Она живая проще как-то, ниже,
В чертах грубее, менее умна,
Опасна в гнине. Разит — и смеется,
Когда грешу, со мной не остается
А тень — во мне. Покорна и скромна

4 апреля 2002 года

12.

Ни с кем не говорить. Георгий Адамович
 Просил об этом кратко и давно
 А также позабыть жену и брата. Не пить вино.
 Об этом же вещал вчера сосед Петрович.

Он, правда, был поддат. Он брал немного шире,
 И всех, что есть, людей, он ждал позабыть,
 Отречься от судьбы. Свой жребий разлюбить,
 В природе пребывать, как в прошлой квартире.

Знамение одно к блонду нет возврата.
 Нет в прошлом ничего и даже то, что свято.
 Немедля прекратить в беспечности склонять.
 Вот этим в трезвости просил существовать
 Сосед нетрезвый. Мне ж хотелось спать.
 Не мог его советов я принять.

5 апреля 2002 года

13.

Так, что ж там было, блеклые закаты
 У прегражденной, скованной реки.
 Она щедра всем срокам вопреки
 Тяжелой зеленью. Мутны и полосаты

Стремались воды, запянные в круг.
 Сиделось солнце. Мерно вечерело,
 Прохлада изливалась. Тело
 Срывалось с сухожилий, как с подруг.

В объятья дрожи. Часто колотилось
 В припадке сердца. Ты повернулась
 Лицом туда, где гаснущий восток

Струил густой нектар июльской ночи
 Вдруг понял я, что стала жизнь короче
 На стих, еще не написанный в листок.

6 апреля 2002 года

14.

Не от любви я пьян оставанело,
 Все то, что влаго в глотку, не уймет
 Души, в любви истраченной. Полюет
 Хочу продолжить жалко, неумело.

Я сам не свой. И в этом — человек.
 Еще дышу над прожатым стаканом.
 Кажусь другим. Больным, но в меру пьяным.
 Прикрыв глаза набрякнул пленной век.

Я пьян один за то, что не случилось.
 Ее желал, она не покорилась.
 Совсем недолго были вместе мы.

Мне в ней не страсть, но высшее знамение
 Открылось. Пью. Тепло в вине томленье,
 Как топил солнце тяжкий люд; зимы

7 апреля 2002 года

15.

Пустая даль разлуки. Униженье.
 Скользи мой взор по краешку луны.
 Все кажется под ней гуляти мы
 В то, ставшее последним, воскресенье.

Не знал я вперед, что времени так мало.
 Недолго с нею путь, но в ней же видел цель!
 Иное упустил и выброшен на мель
 Ее отсутствия. Бархатнось устало.

Под тусклою луной. В мечтаньях пребываю:
 «Вот, если бы — она!» Но, полно, я то знаю,
 Что мне ее вовеки не обнять.

И больше никогда с таинственной силой
 Она мне не шепнет в порыве страстном «Милый...»
 Мне ныне лишь одно осталось — вспоминать.

8 апреля 2002 года

16.

Весною случилась пора неизбежной развязки.
Мне это открыл излучавший сиянье судья.
Он выплывал с небес. Золотая ладья
Скользила по ним, как в таинственной сказке.

За нею в апрель ледяною волною
Снегами излился зима дождьград.
Мне легче в суробах. Так больно. Распят
Буду скоро. Судья уже руки простер надо мною.

Все странно и сказочно. Прошлое нет,
В нем жизнь прекратилась. Слабеющий свет
Есть признак предсудного года.

Предстану. Устал инвалидом скакать
На слованной вере. Пусть судят, что ж ждать
Естественной смерти урожая?

9 апреля 2002 года

17.

Вдруг грянул снег! Рассветы так легки
Уж стали в исплодах просторных
Над серой гладью вскрывшейся реки,
Не vzdьбленной, но трепетно покорной.

Уже воссо чернели берега
И зелень сосен вытянутых млепа.
Весна пришла, стонит снег в лога,
Идья теплом их такцера тепло.

Но вот похолодало. Не хочу
Поверить в чудо крепкого мороза.
Свиноец в душе. И все-таки лечу,
Увидев на стекле замершем розы.

Что мне слова, коль нежные лучи
Морозах трав уютели водичку
Она расцветного, оставшего в ноки,
В студеных ласках северной царицы.

Апрель плевреним ножастью зими,
Его укренцией мягкими снегами.
Они весною мертвенно белы,
Но не скрипят — вдыхают под ногами.

10 апреля 2002 года

18.

Простила б ты меня!
Ведь если мы в разлуке,
Утрачиваешь связь,
Реальности с иным
Как будто тетику
Натягиваешь в гуде
Спускаешь, а стрела
Не в цель летит, а в дым.

Но видно у тебя
Фарфоровое сердце.
Оно летает хлад,
Обиды. И печаль
В него не попадет.
Заклопото. И даярца
Безмерно тяжела,
Как древняя скрижаль.

И холод тот тяжел.
Густеет, словно иней,
Налетом серебрит
Остывший сосуд.
Он жив еще, но страсть
Его вот вот покинет.
Осталось уповать.
Лишь несколько минут.

Их мало. Бог их скор.
Он верно приближает
Бесчувствие конца.
Дыканим ледяным
О зыбкости надежд
Победно возвращает.
Повернется он, и я
Вдруг сделаюсь иным.

Таким же, как и ты —
Бесчувственным, холодным.
Фарфором ледяным,
Как льдом, урочет грудь.
Прощенья не дождайся,
Но истинно свободным
От призрачных надежд
Один закончу путь.

11 апреля 2002 года

19.

Законы мне, что дым. На них не уповаю.
С судьбою разлучен, ее мне не постичь.
Но жив и становилось, быть может, умирая,
Хоть смерть и далека, ее не слышен клич.

Вещится жизнь пока. В мгновении осознан
Самим собой и факт присутствия мне дан.
Присутствую, стремясь Бог весть куда, но звездам,
Навеки уходя, последний взгляд отдаю.

А дух невыразим! Про-чувствовал со страстью
Полет его во тьме по лунным времен.
Объять его боясь. Вот было бы несчастье:
Как бритва, мысль сверкнет, и буду осколчен.

Бог действителен в живом, в духовном, но не мыслью
Исчерпана Его святая простота.
Он взор свой отворотит, коль истинно исчислио
То место, где в душе родится красота.

Не мертв я, если Он меняет мир, ставит,
Сверчивает грань событий и вещей
И душу для победы единственной готовит
Под пологом своих блистающих плащей.

Коль разум без любви, то с жимно он в разлуке.
Не быть ему живым рассудком, цепенеть
И если он таков, без веры ясной, в муке
Под ним, как под ноком, дано мне умереть.

12 апреля 2002 года

20.

Соборы готики, доринские храмы —
Не камень в них тяжел, но свет.
Каркас лучист. Нацелен строено, прямо
В тот мир, где есть покой, а смерти нет.

Тот свет великий — верная основа.
На ней и камень легок и зыбуч.
Он то, что видим. Это ли не ново,
Нанизано, что видим мы, на гуч?

Его стрела разящая конкретна,
В отличие от явного воюет.
Число ее оформило. Заметно
Ее по цифре, связанную в крут.

Число и свет — их связь неоспорима
Об этом знал не только Пифагор
Любой с лицом, омыленным ст. грима,
От мыслей праздных истину оттер.

Число и свет — вот завязь мироодеянья.
Пусть в осязаны их не примирит!
Но связь ясна нам станет в умирании,
Когда о чувственном придется позабыть.

Падут вещей привычные окоя.
Исчезнут мера, вес, величие.
Мы осязат, предсмертные, как новы
В сиянии вечном чисел имени.

И дай нам Бог, в светящемся счислении —
Пусть будет больно — ясно осязуть
Любови бессмертной чистое горенье,
В последний миг дающий силы жить.

13 апреля 2002 года

21.

Предмет в себе. Он сущностен. Его
Мы осязаем замкнутым и строгим.
Не слитым плотно. Вследствие чего
Способны четко вычленивать. Убогим

Не просто вскрыть строение систем.
Скелет структуры. Если разобраться,
Без расчленения вечности мир нем.
В сплoшном единстве. Неба не дожидаться

И то спасибо. Разумом узреть
Дано нам вещь и то, что в ней сокрыто.
Но нам не легче. Страшно умереть,
Упасть на дно вселенского корыта.

Ведь смерть — лишь связь, слияние со всем
Всего и все. В дурную бесконечность,
Когда умрешь, провалишься затем,
Чтоб быть причастным полностью. Ведь вечность

Нам явлена бесплорной пустотой.
В ней нет сравнений. Лавочка закрыта.
Там есть одно: как вазей простотой
Любая цель инакости забыта.

Создаем мир дробится. И в кусках
Мы осязаем глупое и злое.
Но в этом жизнь. И в чувствах, как в тисках,
Еще трепещет небо голубое.

14 апреля 2002 года

22.

Не я виной. Мне больно самому.
Не проводник я в царстве боли.
Хотелось бы, чтоб только одному
И только мне достался мрак неволи.

Так не выни! Пойми же, что не я
Тебя измучил сгнившей любовью,
Чем меньше жизни в чаше бытия,
Тем больше страх пред гибелью и кровью.

Мне не продлить ни жизнь твою, ни страсть.
Бездонна чаша, быстро тают годы.
Могу одно — полгода не угасть,
До ноября, до гибельной погоды.

Тогда бы мне случайности чуть-чуть
В осенней мгле нечаянно сплотнились,
Не больно чтоб. И сразу в дальний путь
Отправиться навеки. Не вернуться.

Пусть будет случай. Воле вопреки,
Помимо всех забытых обещаний.
Всех мудрецов, полавших в дураки,
Прости за боль прервавшихся свиданий.

Не мучь меня возможностью того,
Что между нами снило, не свершилось.
Но, если расстанемся, одного
Люби меня. Яви мне эту милость.

15 апреля 2002 года

23.

Про смерть не будем. Лучше уж шутить,
Чем хмурить лоб, с смерти рассуждая.
Ведь часто смертник любит покутить,
Не веря в быль обещанного рая.

Про время — после. Может, никогда
Не рассуждай о времени, превратясь
Пока не мыслим, в долгие года
Оно, как воск, расплавленное льется.

Ни смелость, ни время. Только о любви
Давай с тобой подумаем. Быть может,
Вдруг, станет жарко. В медленной крови
Любовь, как медь, в горниле покрежит.

Любовь сквозь мысль. И в кровь ее, и в нере —
Уже потом. Но, это все пустое.
Увольте. Хаавит! Выдел эликсир.
Любовь, за мысль гродваших на постое.

Одно страдание истинно. И в нем
Времени судьбы и смерти преддешенье.
Пусть больно, но страданием живем.
Боймиз счастья, чувствуя крушение.

16 апреля 2002 года

24.

Не акварель. Густая синева
Достойна бархатной пастели.
Такого цвета лишь Нева,
Нечасто, в саванном апреле.

У нас же Волга. Неба синь
За десять дней до мая зреет
Над водной гладью. Что ж, отринь
Все то, что блекло и не греет.

Ведь разве может акварель
Пусть даже в чистом излохении,
Открыть нам праздничный апрель
В его горячем нетерпении?

Не полугон, не полудым,
Но солнце острыми лучами
Пронзает воздух. Все иными
Рисует четко. Пред очами

Лишь бесконечные поля
В снегах осевших, густо синих.
По ним, ногами шевеля
Морозный воздух, зрел иней

Он утром паром изойдет,
Тончайший бархат предрассветный.
Звезда, бледная, пропадет
В небесной пропасти завейной.

17 апреля 2002 года.

25.

Тепла — ловина! Задрожала,
Как студень, дымка у земли.
Квартира вновь подорожала,
А я, как прежде, на мели.

И ладно б денег было мало —
У всех их мало и всегда —
Но скука сломанное жало
Во мне весной. Быть может, «да»

Отвечу гостю из долины
Невесных, сумрачных теней.
Его я слышу мацоллину,
Иду, скучающий, за ней.

Почти созрело предрешенье
Оно сияет скуку давит свет.
Илзать я в нежность. Устремленье —
Вот молча на музыку ответ.

Его не выразу словами
И так все ясно — царь теней
Меня угасил голосами
Давно ледяных, нежных дней

Шелка «вжинуты» на плечи,
Но нецелого, напоскат
Мне показалось, что излучат
Весенней негой. Небогат

Мой опыт весен благосклонных
В судьбе неяркой и простой.
Их слишком мало. Утомленных
Гораздо больше. Но, пустой.

Я вдру — невяно всзагораюсь?
Ну что ж, что травуны шемла?
Весна погибельна. Спускаюсь
Туда, где жизнь моя мелка.

Как жертва, царственно одетый
Уж вижу крошку берегов
Там царь теней стоит. Неспелый
Мотив «игривает». Слова

Еще не слышно. Показалось,
Что он не Судет вовсе петь.
Здесь мель последние. Усталость
Весенним шелком будет цвести.

18 апреля 2002 года.

26.

У прошлою в тесном остроге.
Я сам в него сердце завлек.
С пустынной, житейской дороги,
Заметив вдали огонек.

По жизни темнело. К закату
Клонился, как венеф, судьба.
Неясной тревогой обьята
Искала приют гольятьба.

Я скуден душой. У оврага
Просеочный путь мой пролегал.
Смертельно устал, доходяга,
Вдали от шоссеых дорог.

Мне вспомнилось все, что томило.
Пахнуло пельнянкой и мглой
Сознание глухо уярыла,
И память во тьму увела.

Но вот огонек заприметил.
Подумал: «Закочен мой путь».
Он был в глухомани так светел,
Так сладко манил отдохнуть.

И мне показалось: возможным
Достичь его, вспомнить, прозреть...
Обманут: сиянием ложным
И ввергнут в острожную клеть.

19 апреля 2002 года.

27.

Узнав тебя, освоил твой язык
 Как будто мне открыла ты пространства,
 Которых я не ведал, но привлек.
 Что сила есть в тебе и постонство.

Как будто странник, ищущий Грааль,
 Узрел места пустынные, святые,
 Когда рассвета вслыхнувшая даль
 Влилась в слова, как в слитки золотые.

В них свет лишь твой
 И ценность в них твои
 Помимо всех иных иноязычий
 Дала мне речь избраница мзя,
 Чтоб мог сказать о пропасти
 Различий.

Меж тем, что есть,
 И тем, что за чертой,
 Там дух парит, чем праведней,
 Тем выше
 Так голубь, белый, долго запертой,
 Замывает ввысь
 Над низенькою крышей.

Там — свет, но здесь,
 Где влажная земля,
 Весну воспеть — и это я сумю
 Небес не хуже вольные поля
 Побовую к ним
 В созвучных пламенею.

Березы ствол Журчание ручья
 Веселых птиц щебечущее сияние
 Рассветный луч, как лезвие меча,
 Пронзивший ночь
 В угаснувшее сердце.

Смогу воспеть, И вольный океан,
 В волнах спешащий
 По ветру на сушу
 Жестоким шторм, пусть даже
 Буду пьян, назвать сумю коротко
 Не струшу.

Чего ж бояться? Робостью в словах
 Не наделен. В них золото сознания
 Того, что там, в таинственных дверях
 Пространств и смыслов ждешь меня
 Признания.

Тебе одной смогу я посвятить
 И ты поймешь, ведь ты меня учила
 С великой страстью ясно говорить
 О том, что есть бессмертие и сила!

20 апреля 2002 года

28.

Как всегда, ближе к вечеру
 Под окном у нее.
 Все, что в сердце отмечено,
 Все навски мое.
 Жизни наши не свяжутся,
 Ей оборвана нить,
 Но никак не откажется
 Сяде крепко любить.

Пробираюсь с оглядками,
 Так чтоб только она
 Мне не встретилась, сладкая,
 Ведь за мною вина
 Положил ее искренне
 И ошибся, чудак
 Я ей нужен был, искристый,
 Не надолго, а так

Мне бы знать все заранее
 Что не нужен я ей
 Просто было желание
 Взять на несколько дней
 Парня, смело шутившего,
 Не понавшего в ряд
 На нее обратившего
 Чуть прищуренный взгляд

Рассудила, что с мальчиком
 Можно скуку убить,
 Оставалось лишь пальчиком
 За собой поманить
 Он поверил ей на слово,
 Буду похвастоваться страстью
 Ведь шептала же ласково,
 Как же здесь не пропасть?

И забыв о приличиях,
 Ей отдался спольна,
 Но она в безразличии
 Емочь осталась одна
 Наигралась, натешилась
 И свободна опять
 В жарких ласках утешилась,
 Чтоб спокойнее спать.

В ней одно лишь желание —
 Поскорее забыть
 Наши дни и свидания,
 Ея ослезно любить.
 Ее сердце холодное
 Из прозрачного льда
 Оттого и свободная,
 Нежная она.

21 апреля 2002 года

29.

Ты цвет назначила, я рыжий,
Не ведал раньше. Темным рос,
И вдруг сказала мне: «Смотри же,
Какой опасный жер волос!»

А мне-то виделось, что русым
На свет явился погулять,
Веселых дней рассыпать бусы
С размахом, чтоб не собирать.

Мне в этой удали кабацкой
Свобода виделась и шик,
Русоголовостью дурацкой
Средь суми стриженой возник.

Кудрями мягкими гордилась:
«Такие только у меня!»
Пока в тебя я не влюбился,
Свою стеснительность кланя.

Ментал, что буду, как Есенин,
Встряну кудрями, воду пить,
Хмелью модленно, как Генин,
Нанчу, картава, говорить.

Быть может, в памяти потасков
Кудрявым слогом буду жиг?
И волос, мой витой и тонкий,
Они не смогут позабить.

Но ты кудрей моих извивы
Не заменила. В них ли суть?
Иные, ошачье мотавы,
Во мне открыла, словно путь.

Его протопила и ясно
Мой цвет увидела, сказав:
«Да ты же рыжий и — прекрасно!
Ты не поэт, ты — волода!»

22 апреля 2002 года

30.

Играюсь сутками в «лоста»
Мои проблемы. Их решать
Пытаюсь искренне, но где-то
Я начинаю уставать.

Да, тут весна! Была бы осень,
Мне было б легче сочинять
А нынче млеющая просия
Красива так, что не понять.

Откуда ж некая истома
Багряна в сердце, сгвоно мак?
В преддверьи радостного грома
И гроз несенных. Я дурак.

Глушею напрочь, безвозвратно.
Слова пытаюсь рифмовать,
Но безуспешно. Аккуратно
Строку придется исправлять.

Она корява, словно в почках
Набухших так, что ветвь крива.
Строку, надломленную в точках,
Тонка, как мертвая тазва.

Придется: рвать искаженный стебель,
Пусть си уже не прорастет,
Расстаню комнатную мебель,
Чтоб было все наоборот.

Уйду с работы. И с женщию
Польку! Делаю не жить!
Пойду иною стороною,
Чтоб не встречаться, не дружить.

С людьми, которые обрыдли
И даже с теми, чья любовь
Ео мне, как в мариодемсе быдле,
К свободе взламывала кровь.

Весной останусь одиноком,
Не стану думать и писать.
А вдруг? Ведь именно убогим
В апреле легче воскресать.

23 апреля 2002 года

31.

Обласкан прахом стужи зимней,
Апрель ведь прах ее красы,
Весною старою. Вся активной
Накал предельной полосы.

Чем больше весна осыпает
Мой краткий век со стебля дней,
Он будто б зреет, просулавает
Чертой похмельной. За ней

Простор клубится теплым паром
На blade сонучих полей,
Охвачен солнечным пожаром
До черных, дальних тополей.

Они, как гребнем, расчесали
Ветров куделистую прядь,
Все было спугнуто, плесали
Меж ними выюги. Не унять.

А нынче сучно все. Струятся
Былые вихри ровно, в ряд,
Плантами теплыми ложатся,
Бесшумно выют, не свистят.

Пустынно как-то все. Размаха
В помяне нет. Пришла теплынь.
Она, как пьяная нерха,
Роняет голую польню.

И сылет жаворонка трелью,
Она осыпается, звеня,
Под этой искристой капелью,
Как под дождем, блуждаю я.

Пролитан влагою созвучий,
Укрыт и леплом, и теплом,
Какой я все же невазучий,
Что не люблю весны. Потом

Пальцами летом испарятся
Воспоминания весны,
Легчает в августе. Мне снятся
О ранних заморозках сны.

24 апреля 2002 года

32.

Лишь творчество и воля, восшедшие из бездны
Души, прощенной в мрак предательскими чувства,
Они парят над ней. И, в общем, бесполезны
В пустыне, где людей не видно вовсе. Пуст

Огромный балаган людского мельтешенья,
Огни приглушены. Не топлено. Тоска.
И в ней м-на не найти для воли приложенья,
Ведь вера, как стрела, мелькнула у виска.

Нет больше ничего, Стрела была последней,
За планкою виска безмыслие звенит.
Пред бездней захожу, как родственник в передней,
Что сильно обнищал, но нужен и скульпит.

Я беден и на край провалов бездуховных
Всплыву приведен. Назад не угодить.
Не помню волосе век ни лемых, ни условных
Щащил влещи — и вниз, обратно — и блудить.

Останусь на краю. Не влечусь, замирая
Пусть воли аэспирит на творческих крылах,
Быть может, продержусь. Пускай, не понимая,
Что нет уже души. Но бездна есть и мрак.

25 апреля 2002 года

33.

Дочку как ветром, ласковым напевом,
Продлю дыхание в музыке стиха,
Рождение листьев в нем, проснувшееся древо,
И ландышей цветущих вороха.

Моя мечта аляску лентой
В венок мелодий нежно вплетена,
В ней смысла связь и истина момента
В словах пустых сиянием дана.

Огонь по рифме, смыслом излоенной,
В лучках искрах мечется, горит,
Его возжиг душою Утомленный,
Пишу весной. Она во мне боится.

Болезнь тепла, сугробов умирание,
Надломлен лед, он тает, а затем
Капель с утра, как бурное рождение,
Вольет в меня волну горячих тем.

Истомой сладкой быстро разольется,
Ударит в грудь, качнется в голову,
Весенний траур горек. Но поется
Легко и чисто, сложенному, мне.

Одни мечты, истаявшие звуки,
Иррационалист несбывающихся надежд,
Болезнь тепла, предгрозы ранних муок,
Тревожный сон влюбленных и неведжд.

Да веры тень, пусть слабая, но все же
Мне легче с ней весну переболеть.
Творю стихи дыханием. Похоже
Мне год еще подарен, чтобы зель.

26 апреля 2002 года

34.

Дыханье чужою ночью огневой,
В ней пламень черен, свет его не виден,
Повсюду он бушует надо мной,
Я в нем горю, не чувствуя Обиден.

Такой вот способ тихо умирать,
Бессмысленно глеть без боли, без страданий,
Закат свершился. Можно не кричать,
Не будет больше с утрами свиданий.

Одно осталось, сослужу гадать,
Зачем сияют звезды, ведь в пространстве
Бушует пламень темени. Унять
Его нельзя. В межзвездном постоянстве

Пылает хаос. Звезды в нем горят.
Так делай, не стой к ним стремиться,
Они мертвы. Нанизаны не в ряд
На стель лучей, как бабочки на спицы.

27 апреля 2002 года

35.

А обещала позвонить!
Не звонит, видно, раскотела...
Дошло, что искренне любить,
Работа, прожитое дело.

В заботе этой вся душа
Без исключенья, без остатка,
Любовь лишь в лесных хороша,
А в жизни мука без порядка.

Ну, что мне в ней?
Ну, что мне в них?
Зачем мне их коварный лепет?
Он нежен только для двоих.
Но вот один, и сладкий треплет

Вдруг больно щерится в груди,
Гвет сердце надежде, комкает,
Жесток, как гибель. Позади
Над ухом в ужасе хохочет.

Ведь это в юности любовь,
Царит в одеждах вождя ленин,
Когда за сорок, льется кровь,
Из раны страсти и томления.

Здесь не до нежности, она
С годами вызрела в упреки,
Пусть так. И все же, позвони,
Продли моих мучений сроки.

28 апреля 2002 года

36.

Так бледна гладь небес,
Обделена сияньем!
Все оттого, что бес
Вернулся с опозданием
В упрямой своей чертог,
Где пламень, бьетая лютый,
Чуть розовый восток
Не ширится. Задутый
Огонь небось сгит,
В лучих не пламенея,
Лишь темный ад горит,
Но страшен он, не греет,
А жжет в уголья плоть
И больно так, что вены
Спирально свиты, хоть
Не требуют замены.
Крепки. В них кровь кипит,
Мученья продлевая,
Навечно. Дух не сгит,
Все мечется без рая,
И солнцу не взойти,
Поча на дома бесы
Ведь могут не дойти
Хвостытые повесы,
Во тьме им корошо,
Не нужен солнца пламень,
Кладбищенский свежо,
Ведь вместо солнца камень,
Блажен, кто разобьет
Его. И в час рассвета
Ез зарбыше упадет
Веселый лучик света.

29 апреля 2002 года

37.

Презренные к близкому —
Презренные без границ.
Все то же к дальнему,
Послышму. Но все же
Чуть-чуть иначе, сдержанней,
Вды лица не видно издали:
Ональ лишь, не рожи,
Чем облож ближе,
Прекрасней, радней,
Тем больше черт
Ужасных в нем открыто.
В как правда смерти,
Вечности. Не дней
Коротких встреч, что
Вскоре позабыты.
Короче взгляд, короче и печаль,
Что мимолетно — ленив и выхвач,
Зачем срывать воздушную зуаль
Несильных чуста
По дальним. Пусть длиннее
Путь узнаванья. В этом ли беда?
Нарушн кем-то,
Значит, на свободе
Но ты же раб прикованный,
Кода вдрг узнашь
Родно свою в уроде.
Все то же в муствах
Близко если — страсть,
Она сбодни пригитивному
Страху. Коль близок — стрестен
Страстен, но проласть
Возможно сразу, с прохотом,
С размаху. Но коли вдали
Мечтами увесен, волнами
Нечных, сладостных зротей,
То есть надежда
Будешь ты спасен.
И будет плыть симпатой
Летими плотик.

30 апреля 2002 года

38.

Дома вскруг, не скалы, не предгорья
Над ними ярко, ярче фонарей,
Лича голые. Дети беспозволая
Искали мы незапертых дверей.
Но ночь глуха. Замкнула плотно ставни,
Оставил город с улицы. И вот
Продрозили, козменные явио
Плутали мы у запертых ворот.
Был ветер крут. Слюпись языками,
Лизал позвяно стынущую темь,
Стонал озлобленный и колыхивал
Веками зимой в России
Глухо рино в семье.
Но что нам вопли сжоганных
Парыва?
Напор епустую, ставни не сорвать
Мы знали, что средь
Улицы, извне
Еще сумеет двери отыскать.
Пусть блден свет и вечером морозно,
В нем сырбь кладбища,
Холодн, как там
Люби взаимность вслыхивала грозо,
Вила сказку таму
К таинственным вратам
Толкался ветер. Пальцы коченели
Ты мерзла, но пусть эжилас, а шла
Туда, дал створки сдвинулись, осели
И лук вслыхнул, как тонкая стрела
Не ветру — нам, отмыченным влечением,
Открылась дверь, за ней еще. И свет
Проник и свердил, расплавился. Свечением,
Израши и крови
Данье я согрет.

1 мая 2002 года

39.

Она, как видно, в медленном покое
Совсем одна в мечтах плукает вновь
В пустой квартире. Белые обои
На стенах так же впитывают грювь.
Уже другик, бывающих нечасто,
В упор глядящих стены холодит.
Они поймут, не сразу, правда, каста
Ее семья. Она, как жрица. Ад
И тот не страшен. Белое беззольные
Нависших стен — вот ужас без границ.
Он потолком распластан в изголовье,
Оконным бликом спрыкивает вниз.
Оно к востоку. Тонкие деревья
Рассвет извернут ветками. Мощен
Не счесть. Их множество. Растенья
Лишь часть ее пугающих картин.
В сплетенных этих смысл ее молений
Ей все равно, кто понял их. Она
Ужасна в этом. Жертвам вожделений
Не просто с этим справиться. Вына
В конце концов откроется. И стены
Соменутся разом, тяжкие, псуут
Она же вновь задумчива. Измены
Наводит попревоженный уют.

2 мая 2002 года.

40.

Дни солнца легкого в апреле.
Уже не холоден и сыр,
Но дивно нежен светлый мир...
Деревья пулом зеленеют.
Он ревет, летит, как туман,
Как тень предугрешной печали,
Стволы в ней чернью молчали,
Брыкали соевые дурман
Ночного, слабого мороза.
И только светлые березы
Купались в солнечных лучах,
Пока вдали вставали тучи,
Уже в полнеба, ближе, круче,
Блестели, больше, в очках
И почему-то робкий страх
В душе блуждал по закоулкам.
В лесу весеннем было гулко,
Кричали зорны в ветках,
К дождю все близилось. Пролившись,
Он стал бы праздником. Тогда
Ушла до осени зима,
Предмайским ливнем
Распростились...

3 мая 2002 года

41.

Травы высохли. Под снегом
Стали желтыми. Седой
Полдень светел чистым небом,
Льется талою водой.

Бесконечен круг весенний.
Древен так, как Божий мир.
В травах сед, благословенный
Приглашает нас на пир.

В храме воздуха и света
Облака-колонны в ряд.
Травы мертвые соцветы,
Желтым пламенем горят.

Расстилась волюно в храме
Распахнувшейся весны
Меж деревьями, как в раме,
Свиты радостные сны.

Только в этих снах нежных
Ты жива еще. И грусть
По весеннему опасна,
Даже гибельна. И пусть!

Пусть измучен, но зимую,
Средь коротких, тусклых дней
Тяжело болел тобою,
Ждал весны. И вот я в ней!

К голубеющему небу
Взор мой вспыхнувший летит.
Ничего не нужно. Мне бы
Снов не видеть. Отболит

То, что связано с тобою
Было в памяти в тот год,
Позапрошлую весною,
Когда долго таял лед.

4 мая 2002 года.

42.

Как сладостны рассказы о земле!
О том, что жизнь земная — чудо.
Там люди. Много их и все
В любви и кротости. Покуда

Земля кружится в свете дня,
Покровы ночи разрывая,
Доверься взгляду, обведя
Им круци видимого рая.

В нем всюду свет и доброта —
Об этом были все рассказы —
Однако, истины пята
Легла прозреньем, резко, сразу.

Реальность выплыла. Она
Совсем не сказочна. Родиться,
Увы, не стоило. Вина
Всех нас лишь в том,
Что насладиться

Довольно трудно тем, что есть.
Чудес, как видно, не бывает.
И, кто б нам дал благую весть,
Что в мир явившийся, страдает.

Не здесь, в земной юдоли рай.
Не здесь его отдохновенье
Земля и жизнь земная — край
Великой пропасти. Томленье

И боль страданий здесь не сон,
А явь. И явью этой дышишь.
Бредешь, отравленный, под склоп,
Туда, где край провала. Слышишь,

Как Стикс невидимый ревет
В разгоне пропости глубокой
Вот это правда. С ней живет
Страдалец мира одинокий.

Ему неведомо, зачем
Сюда явился он, ведь миру
Так доверял. Отныне нем,

Отбросил сломанную лиру.

Еще немного и немой,
Но враз постигший суть обмана
С земли вернется он домой,
Туда, где в жизнь не вскрыта рана.

5 мая 2002 года.

43.

И ей, как видно, встретится случайно
Другой. Как я, он сгинет навсегда.
И как бо мне, в нем тоже будет тайна,
Она в нее проникнет, вот беда.

Ведь кто бы ни был он, таинственный, но мимо,
Отпрыщась ей, просочит как-нибудь.
Узнав его, пусть брошена, незримо
Проследует, пока не кончен путь.

И надо мной, я чувствую, кружатся
Ее лучи, просвечен ими весь.
Давно не с ней, однако, запереться
Не суждено. Она незримо здесь.

Со многими, в ком временно нуждалась,
Ей не расстаться. Е-них она и путь
Продолжил вместе с ним. Жалость
Ее по ним сквозь память зреет в грусть.

Она все знает, ведает о каждом.
Чужую душу видит, как свою.
Давно мы врозь. Но чувствую, что жажду
По ней, незримой, нежю и таю.

6 мая 2002 года.

44.

Забить лицо твое знакомое
Мне не дано. Не узнаю
Других вокруг. Уже не дома я,
А в заколдованном краю.

Мне быть здесь кем-то строго велено
Затем, чтоб был я без тебя.
Так долго, чтоб ты потеряна
Была навеки для меня.

Меня ведь держат здесь без жалости,
Но из последних, слабых сил,
Из этой самой важной малости
Держусь и помню: я любил.

И в этой памяти горение
Любови неконечной к тебе
Я помню дивные мгновения
Твоих причастностей к судьбе.

К судьбе моей. И нежным пленением
Пронизан так ею с тех пор.
Нас различили, но горением
Наполнен третним мой взор.

Ты в нем присутствуешь и частности
Мне не важны. В моем плену
Я раб различий и причастности
К родному облику, к тому.

Что вопреки чужим желаниям,
Меня оставившим без крыл,
Тебя люблю я. И страдающим
Нас различившим, не срубил.

Во мне ты. Образы все мнжатся
Один в один средь пустоты,
Как веер легкий, в облик слжжтятся.
Где буду я, там будешь ты.

7 мая 2002 года.

45.

Люблю ли жизни я и ру?
Понять ли мне ее извивы?
Играю, значит, что живу
И те, кто живы, те игривы?

Ужель страдание — игра,
Как смех? И, значит ли, что слезы
Чуть что, и высохнут — с утра.
Так быстро тают наши грезы.

А если грезы те — любовь,
Любовь, несущая страданье?
Серьезна так, что стает кровь,
Когда идешь ты на свиданье.

Неужто это все игра,
Лишь шутка краткого мгновенья?
Но ведь у жизни есть свистра
Совсем иного поведенья.

Жизнь аглым пламенем искрит.
Сестра ее бела, как вечность.
Длинка коса ее, горит
На острие ее бесчечность.

И холодный, вяжущий покой
Ее сияньем грибывает.
Она безжиростна, строкой
В капризных рифмах не играет.

Любовь быть может, к ней близка,
Жива ее покоем. Силы
В нее стекают с волоска,
Жизнь разделившего с могилкой.

8 мая 2002 года.

46.

О человеке думает ли Бог?
Навряд ли. Слишком мал в пространстве.
Не то, чтоб в малости убог,
Не определен в постоянстве.

Что плоть его? Не нужно слов...
Слова и те длиннее плоти.
Лишь слог божественен, не нов,
Давно у вечности в работе.

Бездонность — вот ее удел.
Колодцы слов и выражений
Вскрывают мысли. Беспредел
В них скрыт средь пауз и сглонений.

В их ритмах зреет красота.
Она слаба, но в ней значенье
Вот той бездонности, когда
Мы видим Божье свеченье.

И есть ли в нем
Хоть малый блик,
О нас напоминающий случайно?
О тех, кто в мир Его проник,
Когда о нас не думал, тайно.

9 мая 2002 года.

47.

Парит мой ангел в солнечных краях.
На склоне дня трепещут немые крылья.
Они расперлись парусом в моря,
Где ветер бродит шагом семимильным.

Он помнит их. Распахнуты они.
Их не заметить трудно. Осторожно
Я поднимал взор туда, где дни
Сами бы кончались в зареве тревожном.

Заката пламя в них играет. Пусть!
Их не сжигает, выше поднимает.
Оно в них бьется бешено и грусть,
Когда я это вижу, подступаю.

Огонь заката, ветер вольных сфер
Подхватывают ангела. И что же?
Он стал вдруг выше вычисленных мер.
Мой взор его уж больше не тревожит.

Он ангел мой, хранитель, но его
Не вижу больше, слабо ощущаю.
Во тьме меня он бросил одного,
Но я его пропавшего, прощаю.

Зачем вилу, крылатому, кружить
Над тем, кого не любят. Схоранют
Блуждающих. Нет любви и нить
Оборвана, а ангел улетает.

10 мая 2002 года.

48.

Измаян стужей глаз твоих холодных.
Я скован ею. В памяти горят
Слова твои об истинно свободных,
О тех, кто предан вечности, и спят.

Не смерть приняв. Ведь было б милосердно.
Когда бы мне сказала ты о ней.
Меня живым ты мучаешь усердно,
Ведя сквозь боль в пристанище теней.

Средь них бесплотен кажется, но стужей
Еще сильнее сердце ты разишь.
Скажи мне, наконец, зачем тебе я нужен,
Почти что тень, не сразу различишь?

Зачем ведешь сквозь сумрак полужизни, —
Ведь без тебя какая ж полнота, —
Я боль прощу, не стану в укоризне
Кричать тебе о том, что ты не та.

Лишь отпусти, из памяти излейся.
Пускай, угасну. Холод твой и свет
Не лучше смерти. Только не надейся
Услышать о любви моей в ответ.

Мой облик слабый быстро будет таять.
Твой лед исплавав, тень моя вспорхнет.
Неволя глаз твоих исчезнет и направит
Души моей не сможешь ты полет.

11 мая 2002 года

49.

О, если б верил я, за Дьявола просил бы
Пред Богом грозным, Он же Судия!
Создатель всех — и Дьявола. Носил бы
Печать заступника-не Дьявола. Но я

Вот, если б верил в Бога, то сказал бы:
«Господь, гляди, создание твое
Несет не зло — страдание!» — Кричал бы.
Что если так, он близок, он — мое!

Нет зла во мне, но ад бы был уместен,
Коль так болит и маяется душа.
А я не верю искренне. И честен,
Без веры в рай свой выбор предреша

Блаже-ства нет. Есть правда умиранья,
Пускай ее мы Дьяволом зовем.
Она во всем. Иные оправданья
Даны, пока страдаем, но живем.

Плоть восстает не в радости, а в боли.
Коль в этом зло, то в этом есть и суть
Короткой жизни, да-ной нам по воле
Людей, познавших, что такое жить.

Суда не будет. Тело неподсудно
В его страданиях чудится душа.
Ее уже казнили. Будет трудно
Мне доказать, что вечность хороша.

Судимы телом медленно, тягуче,
За мигом миг и знаем наперед
О том, что Бог пред райской, светлой кручей
Грехом его судом не разберет.

И как же я, коль верил, не любил бы
Страданий Дьявола. В пылающем аду
Души моей Он веру остудил бы,
Дающую не радость, но беду!

После просмотра «Пианистки»
с Юббер и Жирардо.
12 мая 2002 года

50.

Она рассказана не мной.
Она мне больше не напишет.
Хотя могла бы. Я живой.
Пишу о ней. И это движет

Всю жизнь мою от сих до сих,
Без исключений, без остатка.
Но что могу я в жалкий стих
Вписать о ней, живая вприглядку.

Живя неистинно, одним
Воспоминаньем многотрудным.
Во глубь души моей, за ним
Я проникаю взором скудным.

И все же счастлива я узнать,
Что есть любовь, пускай такая!
Мне хватит этого. Искать
Уже не стану я, никак

В иные, светлые миры.
Они, быть может, и прекрасны
Пусть все как есть. Ее дары
Во мне навечно. Безучастны

Взираю кругом. Без нее
Картины малointересны.
Все в ней, чужое и мое.
Слились едино, в ней воскресны.

Пусть счастье кружо, как ледок.
Я сохранить его сумею.
Ее присутствие меж строк,
Как сон младенческий, лелею.

Она со мною навсегда.
Я не рассказник, я — биограф.
Ее бессмертия, когда
В стихах моих ее автограф.

13 мая 2002 года

КОДА

Кода. 1.

Весна — волной! И челн мой белый,
Зимой дремавший на песке,
Приподняла. Он стонут. Смелый
Дрожит на тонком волоске.

Тот волосок все тоньше, тоньше,
Воды все больше, нету дна
Я мог остаться здесь подыше,
Но даль просторная видне.

Синеет море, страстью зря,
Идут валы за рядом ряд,
Я удержаться не сумею,
Мой челн свободен. И маняг

Его распахнутые дали.
Он в путь неблизкий оснащен,
Мой дом плавучий, Разменяли
Мы с ним спокойствие времен.

Наполнен парус. И соведу
Его рывком поет душа.
Она с ветрами неразлучна,
Как парус, плещет, хораша.

Еще рывок и волос рвется.
Свобода полная. Вонюг
Пучина ленится. Несется
Мой ботик с севера на юг.

14 мая 2002 года

2.

Май, купаль мой печали,
Черный месяц перемен,
Год назад меня изгнали,
Ничего не дав взамен.

Не корю ее надменно,
Это влесть ее. Ко мне
Снизвошла благословенно,
Отыскав на темном дне.

Неужели ж скоро лето?
Из глубин моей тоски
Я не вею. Бродит где-то
Гром прерывистый. В виски

Бьется вал воспоминаний,
Листья образов дрожат,
Цветом белым заклинаний
Яблонь гризрак горят.

Пустыри зазеленели,
Лопухами изжили!
Пели зонские капели,
В реки мутные ушли.

Небо чисто мерцает,
В мелких звездах вынут свод
Год закочнен. И растает
Чувство, хрупкое, как лед.

15 мая 2002 года

3.

О, если б мне забыть навсегда!
Все, что могло устать — устало
Как странно бьется сердце иногда,
Прихрамывая, а ведь как бежало!

Вокруг все мрут немерено. Гробами
Уставлены окрестные дворы.
Они здесь возникают как бы сами,
Как фишки чьей-то дьявольской игры.

Окаменело небо, гладко грузный
Катится траурно подбитый цветом май,
И, коль потрепан, что ж ты здесь, ненужный?
В игру с гробами альпами вступиай!

Так пусто все и пермонтовский Демон
Крылом не тронет скуку майских дней.
Он позабыл, скитающийся, где мы,
И о земле забыл, о том, что мы на ней

Друг друга тешили зеркальным отраженьем
Взаимных чувств, по жизням разбредаясь,
Не веря в неизбежность поражения,
Пустою верой маясь и светясь.

И, кто сказал, что зло непобедимо?
Но неизбежен проигрыш и мгла
Конца игры последней бархатно, незримо
Весенним вечером на душу мне легла.

16 мая 2002 года
После выноса второва за месяц
соседа по подъезду.

4.

Холод хлынул. Соловьями
Нас не ভালовали, нет,
Боги драмные. Над нами
Свод небесный не согрет.

Онемели кроны вишен,
Цвет их бледен, словно лик
Стужи вылиплися. Слышен
Ветра северного крик.

Он гуляет вольно, дерзко,
Как предвзвешено порой,
Выворачивает резко,
В небо тычется Горой

Тополей огромных ветви
Выгибаются, среди них
Луч блестит закатный, ветхий
Тусклым золотом. Одних

Нас застал студеный вечер
Здесь тоска моя и я
Фантастических увечий
Льются образы. Жилья

Этой ветреной весной
Обрести мой дух не смог
Воспаленною десною
На закате запад взмок.

В пышной скалится сирени,
Сладким запахом своим
Отцветая, клонит к плени
И к забвению. Стоим

Я и грусть моя среди мая
В фиолетовом дыму
Под сиренью выдыхая
Горький шепот. Не пойму

Отчего в пустыне холодной
Цвет сирени, как вуаль,
В мелкий крестик, аккуратно,
На лице моем печаль

Скрыл от ветра и несмело
С неба льющихся лучей?
Видно, видеть надоело,
Как тоскую я по ней.

17 мая 2002 года.

6.

Немного странно: боль свою
Я превратил в игру пустую.
Никто не видит, как горю,
Кропая чужь свою простую.

А мне-то мнится, что поэт —
Мое прозвание. Неприметен:
Мой стих нечитанный. В ответ
Ни звуков внятных, ни отмычек.

Ну, не забавно ли вздыхать,
Словами рану растрепывая?
Ложись-ка лучше раньше спать,
Нужду забвения справляя.

Забудься сном похмельным. Пой
Лишь песни старые, простыя.
И, если можешь, то не вой.
Никто не слышит. Все чужие.

19 мая 2002 года.

5.

Уже стемнело. Окна пятна
В домах соседних желты. Свет
Из них неярко. Неоправды.
Бать может, ветер. Может, нет.

Кусты сирени шумно гнутся
Скорей бы спать, скорей бы сон
Вот, если б больше не проснуться,
Вот, если б знать, что предрешен.

Уход мой легкий по весенним,
Пришедшим с севера ветрам.
Мне было б легче, я осенней
Паре стиха свои впадам.

И воззвал: тоска красна
Меж хвильных, вьющихся листов
Весной — смещена! Весна игрива
Среди трав оживших и кустов.

Скорее в жару пустое дело.
Успоить в зное значит спать.
Дождь до лета — лучше смело
По жизни конченной кутить.

Ну, разве, вдруг, похолодает,
Средь мая пыльного, тогда
Душа пуская перелетает
Туда, где сумерки всегда.

18 мая 2002 года.

7.

Бредет дурак на бедный рынок.
Никто не любит дурака.
Да, всем плевать! Среди икринок
Людских голов, — а их река, —

Его никто не заметит.
Забудут даже, что дурак,
Его же собственные дети.
Но, по прошествии времен.

Сольется дурень со Вселенной.
Она добра, как мать. Его
Со всюю дурью откровенной
Отметит знаком одного.

Ведь в ней дурная бесконечность,
Как в нем, ушибленном, жива.
Без смысла пропасть — это вечность,
И Мать-Вселенная права.

Когда того, в ком эта яма
Черна безумием, хранит.
Над головою дурня, прямо,
Взмывает звездочка в зенит.

20 мая 2002 года.

8.

Что нужно мне, безвестному поэту?
Пусть только я об этом знаю, пусты
Что нужно мне, когда душа согрета
Огнем губительным с названьем
Кратким «грусть»?

Мне больно так, что можно лишь смеяться.
Кричать нет сил. Кричат, когда живет
Душе ранняя. Но в пламени прощаться
Осталось с ней горящая — поет!

Есть стол на кухне. Гладок, словно плаха.
На нем листья белеют и горят.
Да, стынет ночь постылая, как сажа
Уже надевшая вульгарный слой наряд.

Душа-невеста тлеет обреченно,
Но ночь летит на свадебный призыв.
Огонь ее задуют утонченно,
Воздушный пепел в строжки искрошив.

Я вдруг пойму, что песен, не споря,
Не выжга душу в пепел, не сложить.
Они родятся в пламени, извая,
Чтоб после нас тепло ее хранить.

21 мая 2002 года

9.

О, тишина, возлюбленная мной!
Давно устал от всех многоголосий.
Я очарован, если день немой.
И если звуки вечер прочь уносит.

Пуста ли улица, безлюдны ли дворы?
И если да, то в них очарованье.
Тогда они, как новый мир,
Тобой открыты, требуют названья.

И этот вызов, вызов тишины
Блещет: тебя, душа твоя томится.
И в этот час не чувствуешь вины,
Ведь никому в пустыне поклониться.

22 мая 2002 года

10.

Прохладен день и чист, и свеж.
Нужна ли нам его прохлада
Или тепло? Среди невежд
Разлита полусту услада.

Нечутки мы. И даже страх
Нас очень редко пробирает.
Земля — провинция. В мирах
Иных никто не ожидает.

Людей бесчувственных. И я
Средь них такой же, неприметен.
Не чаю сути бытия.
Сознанием слабым не конкретен.

Исчезну, в пыль сотрусь и все,
Кто кругом шел, страдал, смеялся,
Со мной исчезнут. В полосе
Дневного света не остался.

Ничем иным. И грешный дух,
В любви отравленный и нежный,
Летит во тьму, как легкий пух,
Чтоб сгинуть в вечности безбрежной.

23 мая 2002 года

11.

Не помню, были ли друзья?
Знакомства были, но иные.
Не дружба. В общем-то, нельзя
Подобным словом звать такие

Стремленья лица узнавать,
И обретенья узнавания.
А что до дружбы, то страдать
Не приходилось при прощаньи.

Все те, кто узаны, ушли.
Кой-кто из близких колготится.
И что им нужно? Не нашли,
Поди, компанию напиться.

Знакомцам я не доверял,
Хотя секретов было мало.
И все же я не проверял,
Как бьет измены злое жало.

Предельно замкнут. В чувствах скуп.
Лицо носил без выражений.
Мой стиль: немедленный отступ
В ответ на признаки движений.

Все то же с женщинами. В ряд
Полупьям, редким частоклоном
Они в судьбе моей стоят
В неузнавании невеселом

Одну приметил. В руки ей
Зачем-то отдал ключ признаний.
Считал, любовь, когда над ней
Увидел блики трельханний

Ленивых крыльев. Кутидон
Лет сорока горхать пытался.
Лишь позже понял, как смешон
Я был тогда, когда остался

Опять один, весь в перьях. Пух
Налил пивсюду. Грузный мальчик,
Махавший крыльями, припуг,
Снял с твоей заплывший палец.

Он даже выстрелить не смог:
Стрела упала и сломалась
Пред ток чьих ровных, стройных ног
Я так желал. Не наклонялась.

Была презрительна. Ко мне
Не снизошла. Ушла свободно.
Один, покинутый, в вине,
Как Блок, смиряюсь благородно.

И, видно, больше ни к кому
Мне в пылких чувствах не раскрыться
Амур не друг мне, потому
Сумел, обрюзгий, быстро скрыться.

24 мая 2002 года

12.

Глубок мой сон. И девой-жрицей
Тебя в Фаюме я узрел.
Ты шла, надменная, и львицы
Тяжелый цеп в пыли гремел.

Во сне же видел, как в Акрополь,
В туннеле, с факелом идешь.
Уже стемнело. Узкий тополь
Мелькнул листов, как длинный нож.

В зубчатой башне Орлеана
Ты различала звук рогов.
Горел питраж в ночи, как рана,
Из средних, сумрачных веков.

Ну что ж, что сон! Вадь ты прекрасна,
Тобой мой разум поглощен.
В Сивилье знойной шалью красной
Взмах-ула царственно. Польщен.

Чуть позже вижу сад версальский.
Та в парике, и я. Гавот,
Жеманясь, медленно, по-галльски
Сановник пудренный ведет.

И вот фонарь мерцает газом.
Коллэж. Лондон. Беймер-стрит.
Ты в узком платье. Тусклым стразом
На шляпке пуговка блестит.

Но очень редко, в снах и в грезах —
Лишь там встречаемся, увя, —
Тебя предчувствую сквозь слезы
Июньской ночью, у Навы.

25 мая 2002 года

13.

Немного вместе нами пройдено,
Но нет тебя и дух мой пуст.
Сорвавшись, он покинул Фозину,
Как черный ворон голый куст.

Под сердцем рос, младенцем нежилась.
Отчужда духа — темь груди.
О, как он в ней свободой тащился,
Не дай, Господь, не приведи!

Утробу тьмы ты вскрыла. Бешено
Сверкал, как бритва, белый свет.
Он бесплощаден был, намечено
В нем было зарево планет.

Оно лучей потоком вброшено
И грудь раскрылась, горяча.
Мы так любили по-хорошему...
И вот расстались. У плеча.

Я ощущаю бездну холода, —
Ты там обычна рядом шла. —
Когда мы были вместе, молодо
Любовь огнем в груди взошла.

И понял я, что все, что нажито,
Тебе отдам, за все простиа.
Вот только нет тебя. Мне кажется,
Что ты ушла, не укротив.

Свой вольный нрав. Тебе ли маяться
С моим сжигающим огнем?
Он мог обжечь тебя и каяться
Не стал бы я, ведь только в нем.

Свободу духа видел новую.
В тебе же странный холодок,
Сомнений всполохи липовый
Укрыли страсти уголек.

Один. Бездушен. И прохладная
В груди тоскливо зреет мгла.
Тебя люблю я, ненаглядная
А ты, как видно, не смогла.

26 мая 2002 года

14.

Мы даже не поссорились. Прости,
Но до сих пор неясно, почему же
Не стала ты, надменная, плести
Из наших чувств цветущих легких кружев?

Мне виден был рисунок их, когда
Глаза в глаза мы искренне глядели.
Теперь твой взгляд потерян. Иногда
Его я вспоминаю. Мы хотели,

Мне кажется, закончить эту вязь.
В ее узлах таилось упование.
На то что мы, навеки породнясь,
В иных мирах наметили свиданье.

На то что мы бессмертны, ведь любовь
Дает нам крылья вечности. Взаимость
Для душ свободных то же, что и кровь
В теллах, познавших грешную интимность.

Однако, мы не вместе. Без тебя
Мне не под силу тонкое вязанье.
Ведь нить твоя захлестнута. Петля
Сжимает смертно крыльев трепетанье.

27 мая 2002 года

15.

Последний стих скончен. Ей тишине
Тоска разлила глгою накатилась
Ты все еще со мною, но вк лине
Не зреть слог и песня прекратилась.

Я жил тобой. Не знаю, стчего,
(Ведь ты сказала честно: «Всё чужое».)
Но только я признаю твоего
Не признаю, и чувствую, как двое.

Мне почему-то кажется, судьба
Для нас двоих одна. Сочетанье
Всего важнее, а долгая борьба
Закончится, как всякое страданье.

Могу ли я представить, что теперь,
Когда стихами вымотан смертельно,
Лудши открыта сломанная дверь
И в ней сквозит: пустой проем прострельно.

Нет, не могу, минути эти — слава!
Нам вместе быть на том и в том свете.
И ты меня, родная, не предашь,
Когда, как тень, меж нами встанет третий.

28 мая 2002 года.

Содержание

Бессилие. 1	6
2	8
3	9
4	10
5	12
6	13
7	14
8	15
9	16
10	17
11	19
12	20
13	21
14	22
15	23
16	24
17	25
18	26
19	28
20	29
21	30
22	31
23	32
24	33
25	34
26	35
27	36
28	37
29	38
30	39
31	40
32	41
33	42
34	43
35	44
36	45
37	46
38	47
39	48
40	50
41	51
42	52
43	53
44	54
45	56
46	57
47	58
48	59
49	61
50	62

Без тебя. 1	64
2	65
3	66
4	67
5	68
6	69
7	70
8	71
9	73
10	74
11	75
12	76
13	77
14	78
15	79
16	80
17	81
18	82
19	83
20	85
21	86
22	87
23	88
24	89
25	90
26	91
27	92
28	93
29	94
30	95
31	96
32	97
33	98
34	99
35	101
36	102
37	103
38	104
39	105
40	106
41	107
42	108
43	109
44	110
45	111
46	112
47	113
48	114
49	115
50	116

Пустота. 1	118
2	119
3	120
4	121
5	122
6	123
7	124
8	125
9	126
10	127
11	128
12	129
13	130
14	131
15	132
16	133
17	134
18	135
19	136
20	137
21	138
22	139
23	140
24	141
25	142
26	143
27	144
28	145
29	146
30	147
31	148
32	149
33	150
34	151
35	152
36	153
37	154
38	155
39	156
40	157
41	158
42	159
43	160
44	161
45	162
46	163
47	164
48	165
49	166
50	167

Небо. 1	169
2	170
3	171
4	172
5	173
6	174
7	175
8	176
9	177
10	178
11	179
12	180
13	181
14	182
15	183
16	184
17	185
18	186
19	187
20	188
21	189
22	190
23	191
24	192
25	193
26	195
27	196
28	197
29	198
30	199
31	200
32	201
33	202
34	203
35	205
36	206
37	207
38	208
39	209
40	210
41	211
42	212
43	213
44	214
45	215
46	216
47	217
48	218
49	219
50	220

Оскопи. 1	222
2	223
3	224
4	225
5	226
6	227
7	228
8	229
9	230
10	231
11	232
12	233
13	234
14	235
15	236
16	237
17	238
18	239
19	240
20	241
21	242
22	243
23	244
24	245
25	246
26	247
27	248
28	249
29	250
30	251
31	252
32	253
33	254
34	255
35	256
36	257
37	258
38	259
39	260
40	261
41	262
42	263
43	264
44	265
45	266
46	267
47	268
48	269
49	270
50	271

Блпни. 1	274
2	275
3	276
4	277
5	278
6	279
7	280
8	282
9	283
10	284
11	285
12	286
13	287
14	288
15	289
16	290
17	291
18	292
19	294
20	295
21	296
22	297
23	298
24	299
25	300
26	302
27	304
28	305
29	306
30	307
31	308
32	309
33	310
34	311
35	312
36	313
37	314
38	316
39	317
40	318
41	319
42	320
43	321
44	322
45	323
46	324
47	325
48	326
49	327
50	328

Она. 1	330
2	332
3	333
4	334
5	335
6	336
7	337
8	338
9	339
10	340
11	341
12	342
13	343
14	344
15	345
16	346
17	347
18	348
19	349
20	350
21	351
22	352
23	353
24	354
25	355
26	357
27	358
28	360
29	362
30	363
31	364
32	365
33	366
34	367
35	368
36	369
37	370
38	371
39	372
40	373
41	374
42	375
43	377
44	378
45	379
46	380
47	381
48	382
49	383
50	384

Кода. 1.	386
2.	387
3.	388
4.	389
5.	391
6.	392
7.	393
8.	394
9.	395
10.	396
11.	397
12.	399
13.	400
14.	401
15.	402
Содержание	403

Отпечатано с готового оригинал-макета.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ариал.
Усл.печ.л.23,9. Усл.кр.л. 23,9. Уч.-изд.л. 18,2.
Заказ 1417. Тираж 250.
Лицензия ИД № 75979 от 3.10.2001.
ГУПРМЭ «Газетно-журнальное издательство
«Периодика Марий Эл»
424006, г.Йошкар-Ола, ул. 70-летия ВС СССР, д. 20.